

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

Основан в августе 1914 года

Выходит 9 раз в год

Москва

Издатель – ООО «Наш язык»

5

май

2018

16 +

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

<i>Богданова Е.С.</i> Формирование основ гражданской идентичности школьника при изучении русского языка	3
<i>Дунев А.И.</i> Интенциональный характер лингвокультурологических задач	9
<i>Шерстобитова И.А., Мишатина Н.Л.</i> Глобальный концепт: естествознание и словесность (На примере концептов «движение» и «инерция»)	14

Совершенствуем профессиональную подготовку

<i>Черникова Н.В., Савватеева Т.Ю.</i> Терминологическая лексика в современной прессе	19
<i>Дворянкова Ю.В.</i> К вопросу об историческом комментировании современных фактов словообразования	24
<i>Виноградова Е.М.</i> «Звено в звено и форма в форму»: методика медленного чтения художественного текста (Часть II)	27

Обсуждаем, спорим...

<i>Ерёмин А.Н.</i> Словарная статья в современном толковом словаре (Критические заметки)	35
--	----

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

<i>Бессчетнова С.А.</i> Лингвокультурологический урок речевого развития «Такая разная слава...» (VIII–IX классы)	37
<i>Бабурина М.А.</i> Методическая лингвоконцептология: взгляд на сочинение в формате ЕГЭ	41
<i>Григорченко И.А.</i> Формирование лингвокультурологической компетенции обучающихся на бинарном уроке русского и английского языков	45

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Яблоков Е.А.</i> «Как же вам угодно именоваться?» («Удвоенные» имена персонажей в произведениях М.А. Булгакова)	51
<i>Широкова Е.Н.</i> «Часы» М. Горького: концептуализация времени	59

Загадки текста

<i>Бобылев Б.Г.</i> «Мне страшно оступиться...»: лингвостилистический анализ стихотворения Е. Благиной «Колея»	64
--	----

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>Торопкина В.А.</i> Словообразовательные способы выражения социальной оценочности в современном медиатексте	67
---	----

В МИРЕ СЛОВ

<i>Зеленин А.В.</i> Нищевброд (Часть I)	72
---	----

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Никитин О.В.</i> «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения)	79
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Новикова Т.Ф.</i> Новые ориентиры в школьном языковом образовании	87
--	----

ХРОНИКА

<i>Никитин О.В.</i> «Буслаевские чтения» в Институте лингвистических исследований РАН	86
<i>Андрей Васильевич Барандеев</i> (К 70-летию со дня рождения)	91

Редакционная коллегия:

Главный редактор **Н.А. Николина**

Л.Г. Антонова, Б.Г. Бобылев, Н.С. Болотнова, Г.Н. Владимирская, Ю.Н. Гостева, А.Д. Дейкина, О.Е. Дроздова, Е.Л. Ерохина, А.В. Зеленин (Финляндская Республика), **Л.П. Крысин, В.В. Лопатин, О.В. Никитин, Б.Ю. Норман** (Республика Беларусь), **С.С. Оганесян, И. Палоши** (Венгерская Республика), **Т.М. Пахнова, В.М. Пахомов, М.Н. Приемышева, Б. Тошович** (Австрийская Республика), **С.Н. Цейтлин, М.Р. Шумарина**

Зам. главного редактора **А.Е. Куманьева**. Редактор **Е.А. Фролова**

Компьютерная верстка – **К.В. Морозов**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77–22548 от 30 ноября 2005 г.

Подписано в печать 27.04.2018. Формат 70х100¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печ. л. 7. Тираж 780 экз.

Редакция журнала «Русский язык в школе». Адрес редакции: 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 17. Телефон/факс 8(495)671–09–85

E-mail: admin@riash.ru <http://www.riash.ru/>

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография», филиале «Чеховский Печатный Двор»

Сайт: www.chpd.ru E-mail: sales@chpd.ru Тел. 8(499)270–73–59

© «Русский язык в школе». 2018

Формирование основ гражданской идентичности школьника при изучении русского языка

В статье предложен путь формирования гражданской идентичности при изучении русского языка, который связан с осмыслением концептов культуры, составляющих основу национальной картины мира. Признавая, что формирование гражданской идентичности как чувства причастности к обществу основано на когнитивном и эмоциональном компонентах, автор рассматривает анализ национальных концептов как способ расширения знаний о России и россиянах. Автор считает, что изучение концепта «доблесть» может вызывать гордость за свою страну и славные деяния предков, поэтому предлагает вариант работы именно над этим концептом.

Ключевые слова: *гражданская идентичность; школьник; русский язык; концепты национальной культуры; концепт «доблесть»; методика освоения культурного концепта.*

Elena S. Bogdanova

Formation of the Ground of Civil Identity of Schoolchildren during Russian Language Studying.

The article offers the way of formation of the civil identity during the Russian language studying that connected with understanding of the culture concepts, making up the basis of the national worldview. Agreeing that the civil identity formation as the feeling of society participation is based on the cognitive and emotional components the author considers the analysis of national concepts as the method of develop knowledge of Russia and Russian nationality. The author thinks that learning of the "valour" concept can raise the pride of the own country and predecessors deeds of high resolve, so offers the variant of the work on particularly this concept.

Key words: *civil identity; pupils; Russian language; national culture concepts; "valour" concept; learning of cultural concepts methodology.*

ФГОС ООО в качестве требования к результатам освоения основной образовательной программы выдвигает «воспитание российской гражданской идентичности: патриотизма, уважения к Отечеству, прошлому и настоящему многонационального народа России» [ФГОС, Электронный ресурс].

Елена Святославовна Богданова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин и методики их преподавания

E-mail: helensim@mail.ru

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Ул. Свободы, д. 46, Рязань, 390000, Россия

Ryazan State University named for S. Yesenin

46 Str. Svobody, Ryazan, 390000, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Богданова Е.С. Формирование основ гражданской идентичности школьника при изучении русского языка // Русский язык в школе. – 2018. – № 4. – С. 3–8. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-3-8.

Гражданская идентичность — это «осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для индивида значимый смысл» [Водолажская, Электронный ресурс]. Такое ощущение формируется в результате понимания того, что членов общества объединяет язык, ментальность, закреплённая в индивидуальном и коллективном сознании картина мира, социокультурные ценности, нормы поведения. А.Г. Санина, исследующая проблемы российской гражданской и государственной идентичности, подчёркивает, что формирование осознания причастности к сообществу граждан России основывается на когнитивной и эмоциональной привязанности [Санина 2012: 61]. Когнитивная привязанность зиждется на осознании своей принадлежности к гражданской общности и предполагает наличие представлений о признаках, принципах и основах данного объединения, о характере взаимоотношений гражданина

и государства и граждан между собой. В систему этих представлений входят «образ государства, занимающего ту или иную территорию, а также народы, населяющие государство, со своей культурой, языком и традициями» [Ефименко 2013: 252]. Душевная привязанность формируется в результате переживания чувства гордости за свою страну, деяния соотечественников, славные страницы истории народа. Эмоциональный компонент гражданской идентичности сопряжен с системой ценностей личности: факт принадлежности к социуму и стране в условиях сформированности гражданской идентичности воспринимается ее носителем как ценность.

Для формирования российской гражданской идентичности школьника важно не только осознание им своей этнической принадлежности, но и знание истории, языка народа, основ культурного наследия многонационального государства. Подросток должен получить первый опыт положительного эмоционального осмысления понятий «государство», «моя страна», «родина», принять ценности, которые разделяют люди как граждане российского государства, приобщиться к опыту предыдущих поколений и системе их оценок значимых событий минувшего. Изучение языка как феномена культуры, способов отражения в нем национальных символов России, фиксации в национальном языковом сознании традиций, исторических реалий — это один из путей формирования российской гражданской идентичности.

Условием для усвоения национальной картины мира школьником при изучении родного языка может стать исследование концептов русской культуры. Именно концепт, считает Н.Л. Мишати́на, есть элемент фундамента национальной языковой картины мира, категория национальной культуры, и поэтому он должен стать базовой единицей обучения языку и речи [Мишати́на 2007: 28]. Под национальным концептом понимают вербально выраженную содержательную единицу национального сознания, «которая включает понятие, но не исчерпывается им, обогащается культурными смыслами и индивидуальными ассоциациями и изменяется вместе с развитием отечественного языка и культуры» [Там же: 28]: «закон», «воля», «вечность», «дом», «хлеб», «истина» и др. Подчеркивая роль концептов культуры как опоры для создания речевой среды на уроках русского языка, Н.Л. Мишати́на

пишет о том, что анализ концептов, составляющих основу языковой картины мира народа, может «превратить эту среду в среду смыслопорождающую и смыслопостигаемую» [Мишати́на 2012: 38].

Издавна в центре российской ментальности стоит представление о силе русского духа, отваге и смелости русских воинов, их непобедимой стойкости, что составляет предмет особой гордости россиян. Корни такого представления глубоки: по данным Ю.С. Степанова, само название «Русь» восходит к понятию византийскому *Rūs*, обозначающему «и название дружин по их племенному признаку, и самого племени, народа, поставляющего эти дружины, т.е. это племя воинов, народ-воин» [Степанов 2004: 156]. В представлении россиян наш народ обладает «великолепными чертами боевой стойкости» [Лихачев 2001: 47]: национальная историческая память свято хранит сведения о победах русского воинства в величайших битвах. Не случайно в числе фундаментальных концептов, отражающих русскую ментальность, входят такие, как «слава», «победа», «мужество», «героизм» и т.п. Исследование подобных концептов на уроках русского языка видится нам в качестве одного из путей формирования гражданской идентичности современного российского школьника, поскольку их изучение будет интегрировать когнитивный, эмоциональный и ценностный компоненты.

Обратимся к концепту «доблесть» и рассмотрим вариант работы в над ним (IX класс) в русле предложенной Н.Л. Мишати́ной методики освоения культурного концепта, включающей четыре этапа: 1) ассоциативно-интуитивное осмысление концепта; 2) анализ словарного воплощения концепта; 3) исследование концепта в текстовой коммуникации; 4) индивидуальное речевое смыслотворчество [Мишати́на 2012: 40].

1. Ассоциативно-интуитивное осмысление концепта «доблесть».

На данном этапе целесообразно активизировать ассоциативное мышление школьников, предложив им следующие лингвокультурологические задачи (ЛКЗ).

ЛКЗ 1. Составьте перечень ассоциаций к слову *доблесть*, включив в список ассоциаций: а) имена существительные; б) имена прилагательные; в) глаголы.

ЛКЗ 2. В ассоциативном словаре среди самых часто встречающихся ассоциаций к слову *доблесть* находим следующие:

честь, отвага, смелость, рыцарь, храбрость, война, мужество, воин, герой. Объясните, какие связи имеются между понятием доблести и данными словами.

ЛКЗ 3. Подберите ассоциации к словосочетаниям *воинская доблесть — гражданская доблесть — трудовая доблесть.*

2. Анализ словарного воплощения концепта.

Данный этап направлен на исследование понятийного значения слова *доблесть* и его коннотаций, отраженных в толковых словарях, его сочетаемости, включенности в системные объединения слов.

ЛКЗ 1. Прочитайте статью из «Школьного этимологического словаря русского языка» Н.М. Шанского, Т.А. Бобровой (М., 2004), посвященную происхождению слова *доблесть*. Из какого языка пришло в русский данное слово? От какого слова оно образовано? Используется ли эта лексическая единица в современном русском языке?

ДОБЛЕСТЬ. Заимств. из ст.-сл. яз., где является суф. производным от *добль* «храбрый», того же корня, что и *добрый* [Шанский 2004: 74].

ЛКЗ 2. В этимологическом словаре М. Фасмера указано, что слово *доблесть* связано со словенским *dobalj*, что означает «способный, годный». Сохранились ли, по вашему мнению, элементы этого значения в содержании понятий «доблесть», «доблестный» в современном русском языке?

ЛКЗ 3. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слову *доблесть* посвящена следующая статья:

ДОБЛЕСТЬ ж. высшее душевное мужество, стойкость, благородство; высокое свойство души, высшая добродетель, великодушие, саможертва и пр. *Один всеми доблестями не овладеет. Доблестный, доблий, доблественный*, крепкий в добре, сильный и твердый в высоких добродетелях, доблестях. *Доблественник*, мужественный сподвижник добродетели. *Добл(е)ствовать*, доблестно подвизаться. *Доблестушие* ср. свойство доблестушного, человека доблестной души. *Доблемудренный, доблемудрый*, соединяющий доблесть с мудростью. *Доблемысленный*, доблестно мыслящий [Даль 1981: 442].

Как определял понятие «доблесть» великий филолог? Как вы понимаете выражение «высшее душевное мужество»?

Найдите в тексте статьи слова, которые вышли из активного употребления. Можем ли мы понять их значение? Что облегчит понимание?

Найдите и растолкуйте приведенную автором поговорку.

Кого вы можете назвать человеком доблестной души?

ЛКЗ 4. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой словарная статья «Доблесть» выглядит следующим образом:

ДОБЛЕСТЬ, доблесть, -и, ж. (высок.).

1. Мужество, отвага, храбрость. *Воинская д.*

2. Высокая самоотверженность в работе, в деятельности. *Трудовая д.* [Ожегов 1999: 169].

Свойственна ли лексеме *доблесть* многозначность? Какую стилистическую помету мы находим в статье? О чем это говорит?

ЛКЗ 5. Пользуясь словарями синонимов и антонимов, выпишите из предложенного списка синонимы и антонимы к слову *доблесть*:

Храбрость, добрословие, героизм, любому-
дрие, бахвальство, безрассудность, бесстрашие,
трусость, нерешительность, бесстрашность,
самоотдача, смелость, героизм, прыть, лихаче-
ство, неустрашимость, малодушие, мужество,
чопорность, отважность, поспешность, отвага,
беспечность, самоотверженность, безбоязнен-
ность, дерзость, наглость, великосердие.

ЛКЗ 6. Пользуясь толковым словарем, определите и растолкуйте выражения: *воинская доблесть, трудовая доблесть, гражданская доблесть.*

3. Исследование концепта в текстовой коммуникации.

На этапе целесообразно предложить учащимся фрагменты текстов, в которых нашел воплощение концепт «доблесть». Именно анализ текстов должен показать разнообразные ассоциативные пласты концептуального поля. На этом же этапе возможно начало работы над осознанием способов отражения концепта в национальном сознании и исторической памяти русского народа. Важно побудить школьников думать о том, кого и за что называют доблестным человеком, в чем наш народ видит проявление доблести.

ЛКЗ 1. Прочитайте строки из стихотворения И.С. Никитина «Донцам». О какой войне говорится в стихотворении? Почему автор называет казаков «сильным, доблестным народом»? Какие строки в стихотворении говорят о доблести казаков? Как доблесть казачества проявлялась в мирное время? Что есть «дело селянина»?

Привет донцам! увековечен
Ваш сильный, доблестный народ,

И знает мир, как вами встречен
Войны отечественной год:
Весь Дон восстал, на голос чести
И день и ночь казак летел
И крови в битвах грозной мести
Последней капли не жалел.
Минула грозная година:
Повесив шашку на стене,
Казак за делом селянина
Забыл о славе и войне.

ЛКЗ 2. Прочитайте стихотворение А.Т. Твардовского «Космонавту», написанное в 1961 г. Кому оно посвящено? Каков замысел автора? Как вы понимаете последнее четверостишие произведения?

Так сохранилась ясной и нетленной,
Так отразилась в доблести твоей
И доблесть тех, чей день погас бесценный
Во имя наших и грядущих дней.

В чем доблесть прямого адресата стихотворения?

Почему, говоря о покорителе космоса и военных летчиках, А.Т. Твардовский подчеркивает: «Но кровь одна, и вы — родные братья»?

Чем гордится автор?

ЛКЗ 3. Прочитайте стихотворные фрагменты и скажите, что в нашем национальном сознании ассоциируется с понятием доблести.

Название мне дано поэта-гражданина
За то, что я один про доблесть песни пел;
Что был глашатаем забытых, старых истин
И силен был лишь тем, хотя и стар и слаб,
Что в людях рабский дух мне сильно
ненавистен

И сам я с юности не раб.

(А.М. Жемчужников. Завещание, 1897).

В нем гордо солдатская доблесть горела,
Был смел он в решительный час.

(Вс.А. Рождественский.
Сердце связиста, 1943–1944).

Ждет город вас, терпя страдания, муки,
И верит твердо — доблесть победит.

(Вс.А. Рождественский.
«Стучался враг в ворота к Ленинграду...», 1943).

Лейся / по селам / из области в область
слов / горящая лава:

урожай — сила, / урожай — доблесть,
урожай увеличившим / слава!

(В.В. Маяковский. Праздник урожая, 1926).

Уступает народу народ
Города, и равнины, и реки, —
Только доблесть бессмертно живет,
Ибо храбрые славны вовеки!

(В.Я. Брюсов. Завет Святослава, 1915).

ЛКЗ 4. Прочитайте небольшой отрывок из документального романа «Зубр» Даниила Гранина о генетике Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском, которого коллеги прозвали Зубром. О какой доблести идет речь в тексте? Какое качество человека определяет его доблесть?

Нравственный уровень Зубра открывался не сразу. Вначале производила впечатление его манера общения, его эрудиция, сила мысли.

В его присутствии молодые проходили труднейший урок — доблесть не в том, чтобы доказать преимущества своей идеи, а в том, чтобы отказаться от своих заблуждений, позволить себя опровергнуть, сдаться истине. Это бывает горько, но это единственная возможность остаться в строю.

4. Индивидуальное речевое смыслотворчество.

На данном этапе осуществляется анализ ассоциативно-смыслового поля концепта, включение его в концептосферу школьника и создание собственных речевых произведений, в которых отражается понимание ядерных и периферийных смыслов, способов репрезентации их в авторском тексте, дополнение толкования смысла концепта за счет привлечения знаний, усвоенных школьником в ходе изучения гуманитарных наук и собственного опыта познания действительности.

ЛКЗ 1. Прочитайте текст из книги Л.К. Чуковской «Декабристы, исследователи Сибири» (1951). Напишите сочинение-рассуждение на тему «Что такое гражданская доблесть?». Можете в своем рассуждении опираться на слова В.И. Даля, который в «Словаре живого великорусского языка» определил гражданские доблести как «мирные и миротворные, честь, любовь и правда». Покажите, как вы понимаете это выражение, поясните, как оно отражено автором текста. Приведите пример человека, которому, по вашему мнению, свойственна гражданская доблесть. Объясните, почему вы так считаете.

В Сибири, на поселении, Пушин, не имея никакого сана, кроме сана «государственно-преступника», продолжал свое дело «гонителя неправды». Когда он прибыл в Ялуторовск, «всё оскорбленное и униженное, — по рассказам одного из ялуторовцев, — охающее и негодующее начало стекаться к нему как к адвокату. Уверившись, что дело, о котором его просят, законное или гуманное, он брался за перо, и письма летели, как бомбы...»

За юридической помощью населению, за организацией школ, за скромной раздачей семян и лекарств стояла не благотворительность и не прихоть, а гражданская доблесть.

Не филантропами оказались в Сибири декабристы, а общественными деятелями. Так сами они смотрели на себя, так смотрело на них и население. Учитель, посылающий полушубок и сани ребенку, который из-за мороза, дали и бедности лишен возможности прийти в школу, — такой учитель учит народ не только арифметике. Врач, безвозмездно оказывающий помощь всем, без различия, богатым и бедным, русским, бурятам, тунгусам, якутам, — делает тем самым не одно медицинское дело. Ссылный, которого боялся «заседателишки», который заступается за каторжников или односельчан, который осмеливается громко осуждать распоряжения начальства, — это не просто поднадзорный, но представитель новой силы, неведомой в бесправной колонии царской России, — силы общественного мнения...

ЛКЗ 2. Прочитайте пословицы русского народа и объясните их смысл. Выберите одну из представленных пословиц и напишите по ней сочинение-рассуждение, в котором покажите, как вы понимаете ее смысл. Подкрепите свое рассуждение примером на основе жизненного, например исторического, или читательского опыта.

Нет доблести — нет славы.

Доблесть и сила друг от друга не отстают.

Доблесть не покупают, а добывают.

Наше свойство — доблесть и геройство.

Доблесть — сестра геройства.

Победа — доблести награда.

ЛКЗ 3. Почитайте отрывок из речи Патриарха Кирилла, произнесенной 6 декабря 2010 г., в день памяти святого благоверного великого князя Александра Невского в Краснодаре. Напишите сочинение-рассуждение на основе текста речи Патриарха Кирилла «Доблесть и сила духа». Покажите, какой смысл вкладывает в эти понятия автор и как понимаете их вы. Приведите пример из истории или литературы, подтверждающий ваше мнение.

А что такое доблесть? ...Доблесть — это не только красивая форма, не только выправка, молодцеватый вид, не только смелость. Доблесть — это способность добывать победу. Без победы не бывает доблести, без победы доблесть превращается в карикатуру, в насмешку. Только там, где победа, там — доблесть. А победа — дело трудное. Победу требует напряжения всех сил. Победу нельзя добыть только технической силой, совершенным оружием,

правильными знаниями военного дела, хотя и без этого не обойтись. Победа всегда достигается силой человеческого духа. Это прописная истина. Вся история об этом говорит. Народ, теряющий силу духа, перестает быть способным одерживать победу...

А что означает сильный дух? Разве каждый смелый человек обладает сильным духом? Бывают совершенно безрассудные люди, которые совершают бесшабашные поступки. В них не доблесть, не сила духа, а то, что народ наш называл ухарством — безумной смелостью. Этим ухарством ни одной победы никогда не удавалось достичь, потому в ухарстве — тщеславие, показуха, а в доблести — подлинная сила духа.

А когда человек перестает быть способным на доблесть? Когда он теряет силу духа? Когда он начинает жить по законам плоти, когда все цели и ценности жизни фокусируются на удовлетворении своих физических потребностей тела своего.

Мы знаем, что современная культура, я бы называл это псевдокультурой, формирует культ плоти. Посмотрите на рекламы, которыми завешаны наши города, на рекламу, которая потопом обрушивается на нас через телевидение. Там что, доблесть пропагандируется? Сила духа? Там раскручивается потребительское отношение к жизни, воспитывается безудержное потребление и удовлетворение плоти своей.

Никто не говорит, что человек должен жить бедно и некрасиво. Но очень важно сохранять приоритеты, чтобы никогда потребности плоти не возобладали над силой духа.

ЛКЗ 4. Подберите материал об одном из воинов-героев, вошедших в историю России (см. «7 великих русских героев семи войн» [<http://russian7.ru/post/7-velikikh-russkikh-geroev-semi-voyn/>], «100 великих полководцев. Герой дня» [<http://100.histrf.ru/>], «Красные соколы. Лучшие летчики-асы России 1914–1953 гг.» [<http://airaces.narod.ru/index.html>] и др.). Напишите сочинение-рассуждение «Русская воинская доблесть», в котором расскажите о человеке, ставшем примером отваги и доблести.

ЛКЗ 5. Согласны ли вы с тем, что во все века героизм, мужество воинов России, мощь и слава русского оружия были неотъемлемой частью величия Российского государства? Дайте письменный развернутый ответ на поставленный вопрос, свое мнение обоснуйте, приведите примеры из истории и литературы. Покажите, какую ответственность, по вашему мнению, славная история русского воинства накладывает на молодое поколение современной России.

ЛКЗ 6. Напишите сочинение «Дни воинской славы России», в котором объясните, в чем суть этих дат. Выберите один из таких дней, расскажите, в честь какого события он установлен. Опишите, как в этот день в истории проявилась русская воинская доблесть.

ЛИТЕРАТУРА

Водолажская Т.В. Идентичность гражданская // Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терешченко. — М., 2003 / Национальная социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <http://voluntary.ru/termin/identichnost-grazhdanskaja.html> (дата обращения 26.03.2017).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1981. — Т. I.

Ефименко В.Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «Гражданская идентичность» // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 11. — С. 250–254.

Лихачев Д.С. Раздумья о России. — СПб., 2001.

Мишатина Н.Л. Концептуальные основы построения лингвоконцептоцентрической речевой среды // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2012. — № 14. — С. 37–43.

Мишатина Н.Л. Речевое и литературное развитие школьников в процессе освоения концептов русской культуры (на примере концепта «благословение») // Литература в школе. — 2007. — № 5. — С. 27–30.

Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1999.

Санина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. — 2012. — № 12. — С. 57–65.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. — 3-е изд. испр. и доп. — М., 2004.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. — URL: http://www.stupeni15.edusite.ru/DswMedia/_file_doc_fgos_ooo.pdf (дата обращения 27.02.2017) [ФГОС].

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. — М., 2004.

REFERENCES

Vodolazhskaya T.V. Identichnost' grazhdanskaya, in *Sotsiologiya, Encyclopediya*, comp. A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evel'kin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko, Moscow, 2003 / Natsional'naya sotsiologicheskaya entsiklopediya, available at: <http://voluntary.ru/termin/identichnost-grazhdanskaja.html> (26.03.2017).

Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka (the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl).

Efimenko V.N. Strukturnye komponenty i soderzhatel'noe napolnenie ponyatiya «Grazhdanskaya identichnost'», in *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, No. 11, 2013, pp. 250–254.

Likhachev D.S. Razdum'ya o Rossii, Sankt-Petersburg, 2001.

Mishatina N.L. Kontseptual'nye osnovy postroeniya lingvokontseptotsentricheskoy rechevoy sredy, in *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, No.14, 2012, pp. 37–43.

Mishatina N.L. Rechevoe i literaturnoe razvitiye shkol'nikov v protsesse osvoeniya kontseptov russkoy kul'tury (na primere kontsepta blagobogoveniya), in *Literatura v shkole*, No. 5, 2007, pp. 27–30.

Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka, Moskva, 1999.

Sanina A.G. Formirovanie rossiyskoy identichnosti: grazhdansko-gosudarstvennyy podkhod, in *Sotsiologicheskie issledovaniya*, No. 12, 2012, pp. 57–65.

Stepanov Yu.S. Konstany: Slovar' russkoy kul'tury, 3rd issue, revised, supplement, Moskva, 2004.

Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart osnovnogo obshchego obrazovaniya (Federal State Educational Standard of Basic General Education), available at: http://www.stupeni15.edusite.ru/DswMedia/_file_doc_fgos_oo.pdf (27.02.2017) [FGOS (FSES)].

Shanskii N.M., Bobrova T.A. Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka, Moskva, 2004.

Интенциональный характер лингвокультурологических задач

Статья посвящена построению естественной классификации лингвистических задач. Как особый тип рассматриваются лингвокультурологические задачи, имеющие специфику когнитивных интенций.

Ключевые слова: *задачная форма обучения; лингвистические задачи; лингвокультурологические задачи; методическая лингвоконцептология; когнитивные интенции ученика.*

Aleksei I. Dunev

Intensional Quality of Linguoculturological Tasks.

The article is dedicated to development of natural classification of linguoculturological tasks. The linguoculturological tasks that have the specifics of cognitive intentions are considered as the special type.

Key words: *discovery teaching form; linguistic tasks; linguoculturological tasks; methodological linguoconceptology; student's cognitive intentions.*

В современной традиционной школе задачный метод является одной из основных форм обучения точным и естественнонаучным дисциплинам. В школах XXI в. никого не удивить задачами по математике, физике, химии и биологии. Многие полагают, что именно математика и физика развивают мышление человека, помогают просчитывать варианты, находить оптимальный способ решения. Парадокс в том, что мышление большинства людей преимущественно вербально, т.е. связано с проговариванием во внутренней или во внешней речи условий задачи и способов ее решения. Многие ученики не могут решить простейшую задачу, если не видят перед собой записанные условия или не запишут способ решения.

Хорошо известно, что решение задач активизирует мышление и стимулирует развитие познавательных способностей человека. Решение задач как формат обучения позволяет актуализировать знания по различным предметным областям, искать

свой путь к ответу и в конечном счете учиться думать, строить логические заключения, принимать решение.

В практике обучения русскому языку в школе и вузе используются различные виды заданий. Наиболее популярным на сегодняшний день — и это положение сохраняется с XVIII в. — остается упражнение. Упражнение традиционно понимается как «учебное задание для закрепления знаний, навыков» [Большой толковый словарь 2001: 1393]. Упражнение состоит из задания и «тела», которое представляет собой языковой материал: слова, словосочетания, предложения или текст. Примером может быть задание: «Перепишите предложение, вставляя пропущенные буквы», обязательно предполагающее «тело».

Кроме упражнений, нередко используются задания, которые не имеют «тела». Например: «Как вы собираетесь провести летние каникулы? Напишите рассказ об этом».

С введением ЕГЭ всё чаще в преподавании как русского языка, так и литературы используются обучающие и контролируемые тесты, которые представляют собой задание, иногда в форме вопросительного высказывания, и варианты ответов (закрытый тест) или свободный ответ (открытый тест). Например:

Фраза «Счастливые часов не наблюдают» звучит в произведении:

- 1) А.С. Пушкина «Барышня-крестянка»;
- 2) А.Н. Островского «Гроза»;
- 3) Н.В. Гоголя «Женитьба»;
- 4) А.С. Грибоедова «Горе от ума»;

Алексей Иванович Дунев, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

E-mail: al_dunev@mail.ru

*ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
Набережная реки Мойки, д. 48, 191186,
Санкт-Петербург, Россия*

*The Herzen State Pedagogical University of Russia
48 The Moika river embankment, 191186, Saint
Petersburg, Russian Federation*

Ссылка для цитирования: Дунев А.И. Интенциональный характер лингвокультурологических задач // Русский язык в школе. — 2018. — № 4. — С. 9–13.
DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-9-13.

5) М.Ю. Лермонтова «Маскарад». [Как проверить... 2008: 144].

С XIX в. задачный метод применяется и в изучении русского языка. Классикой методических пособий стал «Сборник задач по “Введению в языковедение”, по преимуществу применительно к русскому языку» И.А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1912].

В меньшей степени, чем на уроках точных и естественнонаучных предметов, обучающие возможности задач используются в гуманитарных дисциплинах. Есть задачки по истории, обществознанию, психологии и другим предметам, изучающим человека и культуру. Сборники задач по лингвистике, литературоведению, истории редко встретишь в традиционном школьном обучении. Хотя, конечно, есть и такие.

В 1957 году вышел известнейший сборник задач по языкознанию Л.Р. Зиндера [1957]. Среди учителей-словесников популярны задачки А.Н. Журина [1993; 1995], Б.Ю. Нормана [2004; 2006]. В 60-е гг. прошлого века задачная форма становится основной для олимпиад по русскому языку. Как результат появились несколько знаковых сборников задач, составленных известными учеными [Задачи лингвистических олимпиад 2006; Зализняк 1963]. Интересные задачи для школьников младших и средних классов составила Л.А. Шкатова [1996]. Учителям истории хорошо известна книга Г.И. Годера «Задания и задачи по истории древнего мира» [1996]. Задачи успешно используются в современном вузовском обучении русскому языку [Кронгауз 2006].

Работа на уроке с задачами как нельзя лучше реализует принцип немецкого педагога Адольфа Дистервега, сформулированный в первой половине XIX в.: «Плохой учитель преподносит истину, хороший учит ее находить».

Важнейшая сторона лингвистических задач — их потенциал в раскрытии различных способностей школьников.

Назрела необходимость создания задачника по русскому языку для школьников, это перспектива развития методики преподавания филологических дисциплин.

Противопоставляя задачи упражнениям, работе с правилом, написанию диктантов и изложений, мы подчеркиваем, что жанр задачи не должен быть единственным и даже основным. Задачи должны гармонично вписываться в современные

учебники, представляя собой специальный вид дидактического материала, и регулярно появляться на уроках русского языка.

Под задачей традиционно понимается «вопрос, требующий нахождения решения по известным данным с соблюдением известных условий» [Большой толковый словарь 2001: 319]. Структура задачи включает в себя данные и вопрос. Однако не любой вопрос является лингвистической задачей. Вопрос формулируется таким образом, чтобы решающий выстроил цепочку логических или интеллектуально-образных тезисов, приводящих к ответу. Задача всегда представляет собой многошаговую комбинацию.

Лингвистические задачи являются одной из форм проблемного обучения. Поэтому при формировании лингвистической компетенции, определяющей способность использования языковой единицы, задачная форма оказывается одним из самых продуктивных видов учебной деятельности.

Задачи предполагают развитие мышления. Чем важны лингвистические задачи для формирования различных способов мышления? Б.Ю. Норман отмечает: «Они [лингвистические задачи. — А.Д.] заставляют учащегося думать нестандартно, активизировать знания, лежавшие до сих пор мертвым грузом в его голове. Участие в олимпиаде или викторине не обязательно приведет школьника к победе или к началу его научной “карьеры”, но наверняка даст ему ощущение эвристического напряжения и радости от маленьких, но самостоятельных открытий» [Норман 2004: 4].

Одной из научных проблем является вопрос, как классифицировать филологические задачи, чтобы правильно использовать их в педагогической практике. Естественная классификация филологических задач базируется на области знаний, способе решения, характере мыслительных операций, необходимых для поиска правильного ответа.

По *материалу и области знаний* лингвистические задачи разделяются на орфографические; лексические; грамматические и т.п. В зависимости от привлеченного языкового материала можем выделить задачу, например, по лексикографии или этимологии.

По *способу решения* бывают задачи на вычисление и интерпретацию. Вычислительные имеют один ответ и требуют поиска решения,

в то время как интерпретационные имеют различные варианты, предполагающие объяснение фактов и явлений с точки зрения понимания смыслов.

По *актуализации типа мышления* различаются логические и образные задачи. Логические задачи предполагают доминирование системы последовательных действий. Образные строятся на представлении ситуации, формируют целостный образ восприятия.

По *обучающему потенциалу и характеру формируемых компетенций*: языковые (собственно лингвистические); коммуникативные; лингвокультурологические. Решение задач, несомненно, имеет обучающую функцию. Опыт решения коммуникативных задач расширяет коммуникативные способности ученика. Доминирование одной из компетенций (языковой; коммуникативной; культурологической) позволяет классифицировать задачи по принципу формирующейся у школьника компетенции.

Понятие «**лингвокультурологическая задача**» введено Н.Л. Мишатиной [2005; 2017] и активно используется в трудах ученого и работах ее единомышленников. Лингвокультурологические задачи, предполагают «расширение концептосферы ученика как языковой/речевой личности» [Мишатина, Цыбулько 2016: 214]. Решение задач этого типа — актуальная и продуктивная форма в работе над интеллектуально-языковым и эмоционально-нравственным развитием ученика. Лингвокультурологические задачи представляют собой особый тип вопросов, обуславливающих формирование и развитие представлений о мире, закрепленных в языке народа.

Отличие лингвокультурологических задач от других типов Н.Л. Мишатина видит в их многоаспектности: «Специфика лингвокультурологических задач заключается в том, что в них, во-первых, моделируется *понятийная, образная, значимостная и ценная* составляющая лингвокультурного концепта; во-вторых, происходит органическое соединение логического, интуитивного и образно-эмоционального знания; в-третьих, в них языковая семантика соединяется со знаниями о мире» [Мишатина 2017: 79].

Лингвокультурологической задачей можно считать вопрос, требующий рассмотрения языкового материала через призму культурных ценностей.

Методологическая концепция Н.Л. Мишатиной предполагает «выход за пределы лексики (внутреннего невидимого мира человека) как системы в область языковой картины мира и концептосферы культуры (т.е. в область концепта, его прецедентных текстов и литературных образов)» [Мишатина 2017: 56].

Основой лингвокультурологической задачи является портрет концепта. Для построения задания берется материал, которым может стать речевое или текстовое воплощение концепта. Приведем в качестве примера несколько разработанных нами задач лингвокультурологической направленности.

О чем говорится в высказываниях? Какие устойчивые сочетания использованы для объяснения понятия?

За этим в карман не полезешь; на ветер это не бросишь; если вылетит, то и не поймает.

Задача на опознавание концепта предполагает следующее решение: за объяснением скрыт концепт «слово». Для метафорического представления использованы пословицы и поговорки: *за словом в карман не полезет; слов на ветер не бросает; слово не воробей: вылетит, не поймает.*

Лингвокультурологическим компонентом слова является его внутренняя форма, связывающая представление о различных явлениях и их названиях с историей языка и культурой народа.

Какие слова, различающиеся одной буквой в современном написании, исторически имели общее значение — 'то, что слывет, слышится'? Какие синонимы можно подобрать к этим словам в указанном значении? Каким образом одно из этих слов можно связать с названием национальностей?

Примерный вариант решения задачи. Историческому значению соответствуют слова *слово* и *слава*, связанные с бывшими однокоренными *слыть* и *слышать*. Синонимами в этом значении можно считать существительные: *речь, молва, похвала* [Преображенский 1959: 1048–1049; Фасмер 2007: 673]. «По одной из самых авторитетных версий, с этими словами [*слово* и *слава*. — А.Д.] связано и название *славяне* (раньше произносилось и писалось *славяне, словене*, и только с возникновением акающего произношения в первом слого стали писать *а*), которое тогда можно истолковать как “владеющие словом, понятно

говорящие». А тех, кто говорит непонятно, славяне называли *немцами* (от *немой*)» [Рут 2011: 324].

Несомненно, концепт находит свою реализацию в тексте. Значимые для русской культуры тексты расширяют пространство концепта. Работа с концептом проводится при изучении стандартной и нестандартной сочетаемости слов, вербализующих «содержательную единицу национального сознания» [Мишатиная, Цыбулько 2016: 215]. В методической лингвоконцептологии, выстраиваемой Н.Л. Мишатиной, концепт используется как точка опоры при интерпретации смыслов.

В каком значении А.С. Грибоедов использует выражение *кудрявые слова* в одном из монологов Чацкого? Каким словом в прямом значении можно заменить эпитет *кудрявый*?

Кто недруг выписанных лиц, вычур, *слов кудрявых*,

В чьей, по несчастью, голове
Пять-шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять...

Решить эту задачу ученик может, обратившись к метафорическому пониманию слова *кудрявый* – ‘витиеватый; украшенный’. Ср. выражение *кудрявый слог* – письмо с неуместными украшениями [Мокиенко, Семенец, Сидоренко 2009: 175]. Для понимания текста слово *кудрявый* можно заменить прилагательным *вычурный*.

Условность приведенной классификации лингвистических задач можно легко обнаружить в задачах комплексного характера, требующих от решающего различных видов компетенций.

Какие грамматические явления способствуют созданию комического эффекта в анекдоте?

Неудача постигла конкурс красоты во Владимире, участниц отпугнул титул «Мисс Владимир».

Решение задачи невозможно без языковой компетенции, так как для формулирования правильного ответа необходимо понимание особенностей категории рода, лексико-грамматических разрядов (собственные и нарицательные), ограничение лексической сочетаемости. Без коммуникативной компетенции ученик не сможет понять и объяснить иронию, определяющую смысл высказывания. Задачу можно

считать лингвокультурологической, потому что решение потребует представления о культурных стереотипах русских людей, а также умения объяснить комизм, не нарушая этических норм русского языка.

Для решения задач необходимо наличие направленных когнитивных интенций. Для некоторых детей, отстающих по тем или иным параметрам в развитии, это самая сложная форма деятельности. И напротив, в работе с одаренными школьниками задачная форма является наиболее продуктивной.

Для решения лингвистических задач необходимо интенциональное состояние, основанное на определенных психологических установках. Во-первых, любая лингвистическая задача решается. Во-вторых, в формулировке задания есть слова, анализ которых приведет к правильному ответу. В-третьих, задача включает в себя все необходимые данные для ее решения.

Для решения лингвистических задач всех типов актуальны осознанные ментальные действия: 1) разложить формулировку вопроса на данное и искомое; 2) найти ключевые слова, выводящие на правильный ответ; 3) соотнести данные задачи с собственным языковым опытом; 4) представить решение задачи в словесных формах. Нельзя также отрицать роль интуиции и языкового чутья в решении лингвистических задач.

Интенциональный характер лингвокультурологических задач характеризуется специфическим пучком когнитивных интенций: осмыслить условия задачи, разложив их на данное и искомое; метафорическое представление предмета мысли; включение ключевых слов задачи в собственный речевой опыт (попытка создать высказывание); объединить смыслы прямого и метафорического представления объекта; представить ответ, используя интерпретационные техники объяснения языковых и мыслительных процессов и явлений.

Таким образом, эмоциональное состояние ученика и его когнитивные интенции, появляющиеся на основе интереса к предмету и процессу решения задач, становятся залогом на пути успешного обучения и формирования устойчивой мотивации к интеллектуально-эмоциональному обогащению личности. Интенциональное состояние как направленность сознания на предмет мысли является результатом страстного желания решить задачу.

ЛИТЕРАТУРА

Бодуэн де Куртене И.А. Сборник задач по «Введению в языковедение», по преимуществу применительно к русскому языку. — СПб., 1912.

Большой толковый словарь русского языка. — СПб., 2001.

Годер Г.И. Задания и задачи по истории древнего мира. — М., 1996.

Журинский А.Н. Лингвистика в задачах: Условия, решения, комментарии. — М., 1995.

Журинский А.Н. Слово, буква, число: Обсуждение самодостаточных лингвистических задач с разбором ста образцов жанра. — М., 1993.

Задачи лингвистических олимпиад. 1965—1975 / ред.-сост. В.И. Беликов, Е.В. Муравенко, М.Е. Алексеев. — М., 2006.

Зализняк А.А. Лингвистические задачи // Исследования по структурной типологии. — М., 1963.

Зиндер Л.Р. Сборник задач по общему языкознанию. — Л., 1957.

Как проверить культурную грамотность: Словник и тестовые задания / сост. В.А. Козырев, А.Ю. Пентина, В.Д. Черняк. — СПб., 2008.

Кронгауз М.А. Семантика: задачи, задания, тесты. — М., 2006.

Мишатина Н.Л., Цыбулько И.П. Антропологическая лингвометодика: в поисках смысла, содержания и оценивания. — М., 2016.

Мишатина Н.Л. Лингвокультурологические задачи на уроках развития речи // Русский язык в школе. — 2005. — № 4. — С. 11—14.

Мишатина Н.Л. Об инвентаризации терминологического аппарата методической лингвоконцептологии // Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития. — СПб., 2017. — С. 67—80.

Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П. «Горе от ума» А.С. Грибоедова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: учеб. словарь-справочник / под общ. ред. К.П. Сидоренко. — СПб., 2009.

Норман Б.Ю. Русский язык в задачах и ответах: для олимпиад, викторин и самообразования. — Минск, 2004.

Норман Б.Ю. Лингвистические задачи. — М., 2006.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. — М., 1959. — Т. 2.

Рут М.Э. Школьный этимологический словарь русского языка. — М., 2011.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М., 2007. — Т. III.

Шкатова Л.А. Задачник по русскому языку: учеб. пособие для учащихся 5—9-х кл. сред. шк. — Челябинск, 1996.

REFERENCES

Boduen de Kurtene I.A. Sbornik zadach po "Vvedeniyu v yazykovedenie", po preimushchestvu primenitel'no k russkomu yazyku, Sankt-Petersburg, 1912.

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka, Sankt Petersburg, 2001.

Goder G.I. Zadaniya i zadachi po istorii drevnego mira, Moskva, 1996.

Zhurinskii A.N. Lingvistika v zadachakh: Usloviya, resheniya, kommentarii, Moskva, 1995.

Zhurinskii A.N. Slovo, bukva, chislo: Obsuzhdenie samodostatochnykh lingvisticheskikh zadach s razborom sta obraztsov zhanra, Moskva, 1993.

Zadachi lingvisticheskikh olimpiad. 1965—1975, compiler-ed. V.I. Belikov, E.V. Muravenko, M.E. Alekseev, Moskva, 2006.

Zaliznyak A.A. Lingvisticheskie zadachi, in *Issledovaniya po strukturnoi tipologii*, Moskva, 1963.

Zinder L.R. Sbornik zadach po obshchemu yazykoznaniyu, Leningrad, 1957.

Kak proverit' kul'turnuyu gramotnost': Slovník i testovye zadaniya, comp. V.A. Kozyrev, A. Yu. Pentina, V.D. Chernyak, Sankt Petersburg, 2008.

Krongauz M.A. Semantika: zadachi, zadaniya, testy, Moskva, 2006.

Mishatina N.L., Tsybul'ko I.P. Antropologicheskaya lingvometodika: v poiskakh smysla, soderzhaniya i otsenivaniya, Moskva, 2016.

Mishatina N.L. Lingvokul'turologicheskie zadachi na urokakh razvitiya rechi, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 4, 2005, pp. 11—14.

Mishatina N.L. Ob inventarizatsii terminologicheskogo apparata metodicheskoi lingvokontseptologii, in *Metodicheskaya lingvokontseptologiya: itogi i perspektivy razvitiya*, Sankt-Petersburg, 2017, pp. 67—80.

Mokienko V.M., Semenets O.P., Sidorenko K.P. «Gore ot uma» A.S. Griboedova: tsitaty, literaturnye obrazy, krylatye vyrazheniya: st. guide dict., ed. K.P. Sidorenko, Sankt-Petersburg, 2009.

Norman B. Yu. Lingvisticheskie zadachi, Moskva, 2006.

Norman B. Yu. Russkii yazyk v zadachakh i otvetakh: Dlya olimpiad, viktorin i samoobrazovaniya, Minsk, 2004.

Preobrazhenskii A.G. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka, vol. 2, Moskva, 1959.

Rut M.E. Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka, Moskva, 2011.

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. vol. 3, Moskva, 2007.

Shkatova L.A. Zadachnik po russkomu yazyku: study guide for pupils of 5—9th forms of grammar school, Chelyabinsk, 1996.

Глобальный концепт: естествознание и словесность

(На примере концептов «движение» и «инерция»)

В статье рассматриваются концепт «движение» в фольклоре и концепт «инерция» в художественном тексте романа И.А. Гончарова «Обломов». Фрагменты уроков-штудий на основе этих концептов позволяют представить содержание разных дисциплин и личный опыт ученика интегративно, достичь синергетического эффекта. Методология концептного анализа учебного текста может быть применена в практической деятельности учителя на интегрированных уроках физики и литературы.

Ключевые слова: *трансдисциплинарность; концепт; концептный анализ; движение; инерция; интеграция; студия.*

Irina A. Sherstobitova, Natalia L. Mishatina

The Universal concept: Natural Science and Philology (Drawing on the Example of "Moving" and "Inertness" Concepts).

The "moving" concept in folklore and "Inertness" concept in the text of I.A. Goncharov's novel «Oblomov» is considered in the article. The fragments of sketch lessons on the ground of the concepts allow to imagine the content of different subjects and student's private experience integratively and to achieve synergetic effect. The technique of study text concept analysis can be applied in practice of teachers' activity at integrated lessons on Physics and Literature.

Key words: *transdisciplinarity; concept; concept analysis; moving; inertness; integrating; sketch.*

Характерной чертой современного образовательного процесса является синтез гуманитарных и естественных наук,

Ирина Анатольевна Шерстобитова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологического образования

E-mail: irina-sherstobitova@yandex.ru

Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования

ул. Ломоносова, д. 11–13, 191002, Санкт-Петербург, Россия

State budgetary institution of additional vocational education St. Petersburg Academy of Postgraduate Teacher Education

11–13 Lomonosov Str., 191002, Saint Petersburg, Russian Federation

Наталья Львовна Мишати́на, доктор педагогических наук, профессор кафедры образовательных технологий в филологии

E-mail: mishatina-nl@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Набережная реки Мойки, д. 48, 191186, Санкт-Петербург, Россия

*The Herzen State Pedagogical University of Russia
48 The Moika river embankment, 191186, Saint Petersburg, Russian Federation*

Ссылка для цитирования: Шерстобитова И.А., Мишати́на Н.Л. Глобальный концепт: естествознание и словесность (на примере концептов «движение» и «инерция»)// Русский язык в школе. – 2018. – № 5. – С. 14–18. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-14-18.

приводящий к новому пониманию мира. Интеграция – своеобразная междисциплинарная рефлексия – лежит в основе синергетического подхода к образованию учащихся. Концепт же становится уровнем интегрального обобщения объектов, явлений как компонентов метасистемы культуры.

В этом контексте нельзя не отметить потенциальные возможности методической лингвоконцептологии, которая, пересекая дисциплинарные границы, сегодня начинает вписываться в метапредметное (трансдисциплинарное) пространство школьного образования [Методическая лингвоконцептология 2017: 64]. Идея трансдисциплинарности соотносится с идеями целостности (холизма), интеграции, самоорганизации (синергетики).

Концепт как интегративная единица обучения объединяет в систему знания, полученные на уроках разных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Эти знания преломляются в личном опыте ученика. В результате такого синтеза достигается целостность, у объектов и явлений появляются новые свойства, которых ранее у них не было. Именно за счет этих свойств возникают синергетический эффект (возрастание эффективности за счет интеграции) и эмерджентность (наличие свойств у системы, не присущих ее элементам).

Рассмотрим работу с концептом учебного текста в рамках проектных лабораторий

(уроков-штудий). Этимология понятия «штудия» происходит от итал. *studio* «изучение; мастерская», из лат. *studium* «старание, усердие, наука», далее от *studere* «усердно работать». «Штудии» — это исследование слова по аналогии с анатомическими (ботаническими) штудиями Леонардо да Винчи. Они позволяют на уроке исследовать самоорганизацию концепта в научном, народно-поэтическом и художественном дискурсе с позиций лингвосинергетики. Штудия — это технологический цикл поэтапного освоения концептов учебного текста на основе творчески переосмысленной применительно к урокам естественнонаучных дисциплин когнитивно-антропологической технологии Н.Л. Мишатиной [Мишатина 2009: 70].

В результате прохождения этапов концептного анализа возникает понимание учащимися значимости междисциплинарного научного знания как основы ориентации в системе «природа—человек—культура»: овладение приемами естественнонаучных наблюдений, опытов, исследований, например, для объяснения поступков персонажей в художественном тексте, формирование умения сравнивать оценочные выводы в разных предметных областях, видеть их связь с системой ценностей человека культуры. Таким образом, на уроках-штудиях осуществляется переход от дисциплинарного знания к междисциплинарному и трансдисциплинарному.

Аристотель формой называл «суть бытия каждой вещи» [Аристотель 1975: 198]. Интеграция физики и литературы позволяет классическое единство формы и содержания художественного произведения рассматривать шире — как взаимодополнение противоположностей. Вот как интерпретирует культурологическую значимость гносеологического принципа дополнительности, разработанного физиком Н. Бором, русский лингвист и философ В.В. Налимов:

«Классическая логика оказывается недостаточной для описания внешнего мира. Пытаясь осмыслить это философски, Бор сформулировал свой знаменитый принцип дополнительности, согласно которому для воспроизведения в знаковой системе целостного явления необходимы взаимоисключающие, дополнительные классы понятий» [Налимов 1979: 2].

Приведем фрагмент построения концепта «движение» на интегрированном уроке-штудии, или метапредмете, под которым понимается «то, что стоит за предметом или за несколькими предметами, находится в их основе и одновременно в корневой связи с ними» [Хуторской 2012].

На этапе словарного воплощения концепта в рамках применения приема «диалог “человек—словарь”» (прием выделен Н.Л. Мишатиной) просим создать «народно-научное» («наивная физика») определение концепта «движение», опираясь на комментарии учителя: «Между словарем науки и словарем быта — прямая и тесная связь. Всякая наука начинается с результатов, добытых мышлением и речью народа, и в дальнейшем своем развитии не отрывается от народного языка. Точные науки до сих пор удерживают в своих словарях термины, взятые из общенародного языка (*вес, работа, сила, тепло, звук, цвет, тело, отражение* и т.п.)».

Далее ученикам предлагается доказать следующую гипотезу: приведенные пословицы и поговорки (художественные концепты), созданные на основе чувственного восприятия и описывающие различные явления природы, по сути совпадают с определениями, существующими в естествознании (естественнонаучными концептами). Актуализируя свои знания по физике, юные исследователи дают комментарии, раскрывающие житейский смысл пословиц, в табл. 1.

Таблица 1

Пословицы и поговорки	Комментарии
1. Хорошему прыжку хороший разбег нужен	1. Пословица на движение. Чем больше разбег при прыжке, тем дольше движение по инерции
2. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти	2. Пословица на движение. Даже такое транспортное средство, как велосипед, имеет скоростью 15 км/ч, а средняя скорость пешехода 7 км/ч. Это значит, что за одинаковый промежуток времени велосипед проедет большее расстояние, чем пройдет пешеход. Пословица верно отражает физический смысл
3. Лошадь быстра, да не уйдет от хвоста	3. Пословица на поступательное движение тел. Все части одного и того же тела при поступательном движении перемещаются с одинаковой скоростью, в одном направлении. Определение поступательного движения в пословице справедливо

Рассмотрение концепта «движение» в разных системах познания развивает способность ума к «связыванию» разнородной информации, а научное знание, соотносимое с системой знания, передаваемого культурной традицией, обеспечивает целостность знания.

Поиск «культурной родословной» природного объекта¹ позволяет выходить на моральные категории (формирующие «доминанту души» — в терминологии выдающегося физиолога и мыслителя А.А. Ухтомского — на уроках естествознания). Например, в рамках урока химии на тему «Кристаллы» (XI класс) на этапе рефлексии проводится параллель между свойствами кристаллических веществ (твердость, прозрачность, четкость линий, граней) и чертами характера человека (убежденность, чистая совесть, непоколебимость, чувство долга). Метафоры (*кристально чистый человек; человек кристальной души, честности*) нужны как разрядка заряженного терминами научного текста, его эмоциональная поддержка, наконец, как инородное тело, делающее восприятие текста многоканальным, поливариантным. В качестве одного из заданий с позиции понимания единства материального и духовного начала человека ученики комментируют характеристику, данную Андреем Штольцем Обломову: «Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало; они редки; это перлы в толпе!»

Нам представляется, что идея антропологизации образования как идея единства человека, природы и культуры должна в перспективе стать объединяющей для всех учителей-предметников.

Приведем еще один фрагмент исследования концепта «инерция» на уроке-штудии, интегрирующем знания из области физики и литературы.

В начале урока предлагаем гипотезу: физические явления позволяют объяснить факты, образы, поступки героев в литературе. В процессе урока-штудии эта гипотеза должна быть подтверждена или опровергнута. Обращаясь к личному опыту обучающихся, спрашиваем, знакомо ли им чувство инерции. Актуализируя свои знания по физике и литературе, юные исследователи формулируют выводы, интегрируя словарное определение инерции

и идейное содержание художественного текста, высказывания критиков на основе личного опыта. Данную работу можно представить в виде таблицы 2.

Таким образом, концепт «инерция» раскрывает концепт «обломовщина» (ключевой концепт русской литературы) с неожиданной для обучающихся стороны. Урок-исследование становится уроком-открытием нового понятия «духовная инерция» как понятия нравственной гибели человека. С точки зрения динамики понятия покоя и равномерного прямолинейного движения эквивалентны. Гипотеза урока подтверждена учащимися: Илья Ильич Обломов и другие персонажи живут в соответствии с законом инерции: сохраняют первоначальное состояние покоя или равномерного движения по жизни. Но инертность не следует безоговорочно записывать в пороки. Иногда она становится последним бастионом, защищающим убеждения, принципы человека. Осмысливая слова Николая Ивановича Вавилова: «Мне очень по душе нарушение основного закона Ньютона — закона инерции покоя, превращения его в инерцию движения» [Лихтенштейн 2014: 4], учащиеся приходят к выводу, что «движется» в романе только Обломов: состояние инерции покоя обусловило движение духовное.

В рамках применения приема «диалог с концептом» вместе с учащимися обращаемся к исследованиям В.А. Копчика, физика, кристаллографа, автора синергетико-симметрической концепции искусства. Он предложил модель проблемы «смысл + текст», которую назвал «цветок Лотмана». Сердцевину цветка представляет авторский текст, при прочтении которого смыслы, привнесенные читателем и эпохой, могут оказаться интегральнее смыслов, вложенных автором. Лепестки-смыслы рождают вокруг цветка некую ауру, которую В. Налимов назвал семантическим полем, Ю.М. Лотман — семиосферой, Б.Л. Гаспаров — смысловой плазмой, Н.Л. Мышкина — самодвижением энергизации текста [Олизько 2010: 69]. Предлагаем обучающимся открыть с помощью обращения к классикам современной физики новые смыслы романа «Обломов». Н.Е. Жуковский признает физическую реальность действия, оказываемого силой инерции, однако в этом случае сила инерции превращается в «обычную» силу, которая приложена

¹ В качестве примера приведен фрагмент урока Н.А. Костиной, учителя биологии и химии ЧОУ «Школы «Дипломат» (Санкт-Петербург).

Реализация приема «диалог “человек – словарь – текст”»	
Словарное определение слова – имени концепта <i>инерция</i>	
Инерция и, <i>мн.</i> нет, <i>ж.</i> [лат. <i>inertia</i> – бездействие]. 1. Свойство тел сохранять первоначальное состояние покоя или равномерного движения, если они не подвержены действию какой-н. силы (физ.). <i>Закон инерции. Отцепленный вагон продолжал двигаться по инерции.</i> 2. <i>перен.</i> Бездеятельность, косность, отсутствие активности (книжн.). <i>Умственная и.</i> По инерции (разг.) – <i>перен.</i> непроизвольно, по привычке, бессознательно. <i>По инерции он продолжал свою работу, к-рая потеряла для него смысл</i> [Сл. Ушакова. – Ст. 1205]	
Художественная интерпретация слова – имени концепта <i>инерция</i>	
«...Леженье у Ильи Ильича не было ни необходимостью... это было его нормальным состоянием...» [Гончаров 2012: 3]. «Беспокойство и тревога не в натуре Обломова. Его нравственная стихия – инерция и безмятежность» [Переверзев 1928: 54] «В чем заключаются главные черты обломовского характера? В совершенной инертности, происходящей от его апатии ко всему, что делается на свете» [Добролюбов 1958: 54] Обломов осуждает петербургскую суету из-за собственной инертности, но объективно оказывается прав: «Чего там искать? интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается всё это: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое. Всё это мертвецы, спящие люди, хуже меня эти члены света и общества» [Гончаров 2012: 34] Обломов окружен обломовцами большими, чем он сам. «Да я ли один? – говорит он Штольцу. – Смотри: Михайлов, Петров, Семенов, Алексеев, Степанов... не пересчитаешь: наше имя легион!» [Там же] «– Так из чего же, – заговорил он, помолчав, – ты бьешься, если цель твоя не обеспечить себя навсегда и удалиться потом на покой, отдохнуть?.. – Деревенская обломовщина! – сказал Штольц. – Или достигнуть службой значения и положения в обществе и потом в почетном бездействии наслаждаться заслуженным отдыхом... – Петербургская обломовщина! – возразил Штольц. – Так когда же жить? – с досадой на замечания Штольца возразил Обломов. – Для чего же мучиться весь век? – Для самого труда, больше ни для чего. Труд – образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере моей» [Там же: 35] «Где же идеал жизни, по-твоему? Что ж не обломовщина? – без увлечения, робко спросил он. – Разве не все добиваются того же, о чем я мечтаю? Помилуй! – прибавил он смелее. – Да цель всей вашей беготни, страстей, войн, торговли и политики разве не выделка покоя, не стремление к этому идеалу утраченного рая?» [Там же: 36]	

к телам, задерживающим движущееся тело на его траектории [Жуковский 1952: 205]. А.Н. Матвеев отмечает, что с физической точки зрения силы инерции являются вполне реальными силами [Матвеев 2003: 216]. Проанализировав эти высказывания, обучающиеся делают вывод о том, что на Обломова, Штольца и других героев действует инерция как сила (физическое (природное) явление, а значит, неотвратимое). У Обломова – это полный покой, «утраченный рай»; у Штольца – нескончаемый бег «для самого труда, больше ни для чего»; у обоих – инерция покоя и труда, сформированная родителями. У других героев – «вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек, особенно

жадности, перебиванья друг у друга дороги, сплетни, пересуды, шелчки друг другу...». У всех – деформация духовной жизни, которую они не в силах изменить, так как источник инерции – их природа. Эта мысль находит свое подтверждение в диалоге-споре Штольца и Обломова в IV главе романа И.А. Гончарова (см. табл. 2).

Анализ концепта «инерция» в дискурсе романа «Обломов» на уроке физики позволяет переформулировать один из главных вопросов, на который литературоведы не могут дать однозначного ответа: «Можно ли было изменить Обломова?» в вопрос: «Можно ли преодолеть закон инерции?» На этот вопрос физика дает однозначный ответ: человек не может изменить законы

природы, но он может познать их, а познав, использовать в своей повседневной жизни. Таким образом, в процессе анализа концепта «инерция» в художественном тексте достигается синергетический эффект — возрастание эффективности интерпретационного анализа художественного дискурса за счет интеграции знаний физики и литературы.

В век глобальных преобразований уроки-штудии развивают трансдисциплинарный взгляд на мир, содействуют формированию сознания, открытого многообразию и сложности мира.

Анализ художественного произведения в преломлении к физическому явлению «инерция» (ценностно-смысловое чтение) развивает компетентности в анализе произведения, связанные с формированием «неадаптивной активности» (В.А. Петровский), «трансцендирования» (Р. Мэй) — способности каждый день выходить за пределы самого себя.

Таким образом, можно говорить о концептологии как методологии культурогенных трансляций и развертывания междисциплинарного смысла учебного текста. В этом и проявляется синергетический характер творческой деятельности детей, которая предстает как нелинейный, эмерджентный, открытый внешней среде процесс.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель. Соч.: в 4 т. — М., 1975. — Т. 1.
Гончаров И.А. Обломов. — М., 2012.
Добролюбов Н.А. Что такое обломовщина? // Гончаров И.А. в русской критике: Сб. ст. / вступ. ст. М.Я. Полякова. — М., 1958. — С. 53–93.
Жуковский Н.Е. Теоретическая механика. — М.; Л., 1952.
Лихтенштейн Е.С. Слово о науке. — М., 2014.
Матвеев А.Н. Механика и теория относительности. — М., 2003.
Мишатина Н.Л. Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход: монография. — СПб., 2009.
Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития: монография / науч. ред. Н.Л. Мишатина. — СПб., 2017.
Налимов В.В. Вероятностная модель языка. — М., 1979.

Олизько Н.С. Синергетические механизмы реализации интердискурсивных отношений // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 1 (22). — С. 66–73.

Переверзев В.Ф. К вопросу о монистическом понимании творчества Гончарова // Литературоведение: сб. ст. / под ред. В.Ф. Переверзева. — М., 1928.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М., 2007. — Т. I [Сл. Ушакова].

Хуторской А.В. Метапредметное содержание образования с позиций человекообразности // Вестник Института образования человека; 02.03.2012 [Электронный ресурс]. — <http://idos-institut.ru/journal/2012/0302.him>.

REFERENCES

- Aristotel'. Soch.: in 4 vol., vol. 1, Moskva, 1975.
Goncharov I.A. Oblomov, Moskva, 2012.
Dobrolyubov N.A. Chto takoe oblomovshchina?, in *Goncharov I.A. v russkoi kritike: Collection of articles*, Moskva, 1958, pp. 53–93.
Zhukovskii N.E. Teoreticheskaya mekhanika, Moskva, Leningrad, 1952.
Likhtenshtein E.S. Slovo o nauke, Moskva, 2014.
Matveev A.N. Mekhanika i teoriya otnositel'nosti, Moskva, 2003.
Mishatina N.L. Metodika i tekhnologiya rechevogo razvitiya shkol'nikov: lingvokontseptotsentricheskii podkhod. Monografiya, Sankt-Petersburg, 2009.
Metodicheskaya lingvokontseptologiya: itogi i perspektivy razvitiya: monografiya / scientific editor Mishatina N.L., Sankt-Petersburg, 2017.
Nalimov V.V. Veroyatnostnaya model' yazyka, Moskva, 1979.
Oliz'ko N.S. Sinergeticheskie mekhanizmy realizatsii interdiskursivnykh otnoshenii, in *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, No. 1 (22), 2010, pp. 66–73.
Pereverzev V.F. K voprosu o monisticheskom ponimaniyu tvorchestva Goncharova, in *Literaturovedenie: collect. of art. under the editorship V.F. Pereverzeva*, Moskva, 1928.
Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: in 4 vol., ed. D.N. Ushakov, Moskva, 2007, vol. 1 [Sl. Ushakova].
Khutorskoi A.V. Metapredmetnoe sodержanie obrazovaniya s pozitsii chelovekoobraznosti, in *Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka*, 02.03.2012, available at: <http://idos-institut.ru/journal/2012/0302.him>

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-19-23

Н.В. ЧЕРНИКОВА, Т.Ю. САВВАТЕЕВА

Терминологическая лексика в современной прессе

Высокая социальная значимость науки обуславливает возможность и необходимость использования терминов за рамками специальных сфер, в частности в публицистическом дискурсе. В статье рассматриваются основные функции терминологической лексики, которые она выполняет в современных газетно-журнальных текстах: номинативная, дефинитивная, эмоционально-экспрессивная, функция логизации речи.

Ключевые слова: научный стиль; терминологическая лексика; номинативная функция; дефинитивная функция; функция логизации речи; эмоционально-экспрессивная функция; детерминализация.

Natalia V. Chernikova, Tatiana Yu. Savvateeva

Terminological Vocabulary in the Modern Press.

High social significance of science causes the possibility and necessity of terms using beyond of special spheres particularly in journalistic discourse. The article considers general functions of terminological vocabulary that it has in the modern paper and magazine texts such as nominative, definitive, emotional and expressive, logical.

Key words: scientific register; terminological vocabulary; nominative function; definitive function; logical function; emotional and expressive function; determinologization.

Терминологическая лексика включает в свой состав слова и словосочетания, используемые для логически точного определения специальных понятий, их отличительных признаков. «Семантическая сущность и различительные признаки (специфика) термина заключаются в характере его значения, которое устанавливается в процессе сознательной, преднамеренной договоренности и в пределах данной терминологической системы является прямым, номинативным, синтаксически или конструктивно ничем не обусловленным» [Фомина 1990: 217]. Например, в «Большом

толковом словаре русского языка» медицинский термин *эмболия* определяется как «закупорка сосуда какой-л. частицей (оторвавшимся тромбом, кусочком ткани, пузырьком воздуха и т.п.), перенесенной током крови или лимфы» [БТС 2004: 1521], а астрономический термин *эклиптика* как «большой круг небесной сферы, по которому совершается видимое годичное движение Солнца» [Там же: 1514].

Термины разделяются на общенаучные и узкоспециальные. Первые используются в различных областях знаний: *корреляция, константа, модель, моделирование, функция*. Вторые представляют собой названия понятий, которые получают развернутое определение в конкретной области научных знаний: *фонема, морфема, лексема, синтаксема, сема, семема* — лингвистические термины; *интеграл, дифференциал, логарифм, хорда, диагональ, десятичная дробь* — математические термины; *гидрат, молекула, атом, моль, молярная масса, изотоп, ион, оксид* — химические термины и т.п.

Основная сфера функционирования терминов — различные жанры научного стиля (монографии, статьи, учебники, учебные пособия и др.). Научный стиль охватывает сферу общения и речевой деятельности, связанную с реализацией науки как формы общественного сознания. Для этого стиля характерны объективность,

Наталья Владимировна Черникова, доктор филологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин

E-mail: chernikovanat@mail.ru

Татьяна Юрьевна Савватеева, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин

E-mail: tatyana_smagina@mail.ru

ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»

ул. Интернациональная, д. 101, г. Мичуринск, Тамбовская обл., 393760, Россия

Michurinsk State Agrarian University

101 Internatsionalnaya Str., Michurinsk, Tambov region, 393760, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Черникова Н.В., Савватеева Т.Ю. Терминологическая лексика в современной прессе // Русский язык в школе. — 2018. — № 5. — С. 19–23. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-19-23.

отвлечение от конкретного и случайного, логическая доказательность и последовательность изложения [Кожина 2003: 242]. Данные стилевые черты обуславливают наличие языковых средств, характерных для научного стиля. К числу наиболее активных из них относится терминологическая лексика.

Однако нередко терминологические единицы используются и в других стилях — публицистическом, разговорном, в языке художественной литературы. В частности, научной терминологией, как показывают наблюдения, насыщена современная газетно-журнальная публицистика, в которой терминологическая лексика выполняет разнообразные функции: номинативную, дефинитивную, функцию логизации речи, эмоционально-экспрессивную.

Номинативная функция заключается в наименовании предметов, процессов, качеств, явлений, связанных с конкретной научной сферой. В газетно-журнальных текстах с этой целью обычно используются специальные обозначения, давно получившие широкое распространение, а потому хорошо знакомые и понятные всем носителям языка (*формула, биохимия, вакцина, аллергия, кислота, инфекция, инфляция, эмбарго*), например:

Формула эта не увеличивает достаток пенсионеров и делает расчет еще менее прозрачным. (АиФ. 2016. № 15);

Инфляция в Венесуэле достигла самой большой отметки в мире. (АиФ. 2016. № 13);

Правительство России приняло решение ввести с 1 января 2016 года продуктовое *эмбарго* в отношении Украины. (Нотариальная панорама. 2016. № 2).

В данных контекстах номинативную функцию выполняют следующие термины:

— *формула* — (ЛСВ-1) «условное выражение (числами, буквами, специальными знаками) совокупности каких-л. величин, отношений, составов, элементов и т.п.» [БТС 2004: 1430];

— *инфляция* — (экон.) «обесценение бумажных денег вследствие выпуска их в обращение в размерах, превышающих потребности товарооборота» [Там же: 397];

— *эмбарго* — (спец.) «наложение государством запрета (ареста) на ввоз другими странами или вывоз золота или иностранной валюты, отдельных видов товаров (например, оружия)» [Там же: 1521].

Основной функцией термина, как отмечают специалисты [Фомина 1990; Кожина

2003; Сложеникина 2005], является функция дефинитивная (от лат. *definitivus* «определяющий, определенный»), заключающаяся в том, что каждый термин служит для раскрытия содержания научного понятия. Данную функцию терминологические единицы выполняют прежде всего в текстах научного стиля. Однако их умелое введение в публицистическую речь позволяет журналистам точно раскрыть содержание научного понятия, показать читателям его отличительные признаки. Это способствует популяризации научных знаний, освоению научной терминологии всеми носителями языка. Следовательно, дефинитивную функцию специальная лексика может выполнять и за рамками научного стиля, в частности в газетно-журнальных текстах, например:

Лихорадка Эбола — это острая вирусная высококонтагиозная болезнь, вызываемая вирусом Эбола. (АиФ. 2014. № 28);

Офшором называется страна или территория, имеющая привлекательно низкие или нулевые налоговые ставки на все или определенные категории доходов для иностранных компаний. (Комс. правда. 2015. № 22);

Иммунитетом называют невосприимчивость организма к инфекционным и неинфекционным агентам и веществам. (Там же. 2016. № 38).

В данных контекстах дефинитивную функцию выполняют термины *лихорадка Эбола, офшор, иммунитет*. Авторы газетных публикаций не только вводят их в тексты, предназначенные для массового читателя, но и раскрывают их содержание.

Однако пояснения, на наш взгляд, требует еще ряд терминологических обозначений, присутствующих в процитированных текстах: *высококонтагиозная, Эбола, агенты*. Эти термины не относятся к числу широко распространенных, следовательно, употребление их в публицистическом стиле предполагает раскрытие дефиниций, чтобы исключить непонимание. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова зарегистрировано прилагательное *контагиозный* — (мед.) «заразительный при прикосновении» [Сл. Ушакова 1994: 753]. Для выяснения дефиниций терминов *Эбола* и *агенты* необходимо обратиться к специальной (медицинской) литературе:

— *Эбола* — «тяжелая болезнь людей, вызванная вирусом Эбола, ранее известная как геморрагическая лихорадка Эбола. Свое название получила от реки Эбола, на берегах которой

произошла вторая зафиксированная вспышка болезни» [Энциклопедия Кругосвет <http://www.krugosvet.ru/enc/meditsina/ebola/>];

– биологические агенты – «лекарственные средства, которые генетически созданы на основе вирусов, генов или белков» [<http://medicinatoll.ru/biologicheskie-agenty-chto-eto/>].

Термина свойственна функция логизации речи. Проникая в иностилевые сферы, функционально закрепленные слова приносят свойственные им стилообразующие черты. «Так, научные термины, используемые в газетно-публицистической речи, сообщают публикациям строго логический, научный характер, способствуют развитию теоретического мышления читателя, расширяют и углубляют его познания о реальной действительности» [Фомина 1990: 265]:

Операция кесарева сечения стала распространенной практикой. Команда инженеров и врачей из Екатеринбурга разработала технологию, которая позволяет уменьшить вероятность развития послеоперационных осложнений. В основе ноу-хау – применение широкополосной радиоволновой хирургии и аргоноплазменной коагуляции. Радиоволновая хирургия предполагает, что хирургический разрез врач делает не металлическим скальпелем, а с помощью электрода. Термин же «аргоноплазменная коагуляция» означает, что воздействие тока и электромагнитного поля на биологические ткани происходит в среде аргона, а не воздуха. Как правило, благодаря аргоноплазменной коагуляции можно отказаться от курса антибиотиков и сократить период приема обезболивающих. (Наука и жизнь. 2016. № 10).

Медицинская терминология, присутствующая в этом фрагменте статьи, опубликованной в научно-популярном журнале «Наука и жизнь», выполняет разнообразные функции: номинативную (*операция, кесарево сечение, послеоперационные осложнения, антибиотики* и др.), дефинитивную (*радиоволновая хирургия, аргоноплазменная коагуляция*), функцию логизации речи, которая заключается в непротиворечивости, последовательности, логичности, точности в изложении специальной информации, предназначенной для широкого круга читателей.

Четко противопоставить терминологию общеупотребительной (нетерминологической) лексике бывает трудно. Между ними лежит широкая полоса, в которой термины существуют как бы в постоянном колебании между идеальными требованиями

(однозначность, нейтральность, отсутствие синонимов) и реальными законами живой и динамичной лексической системы [Кузнецова 1989: 176].

Именно в этой «переходной» полосе осуществляется активное взаимодействие между терминами и не-терминами, которые часто употребляются в одном ряду. В результате такого взаимодействия осуществляются системные переходы лексики из одних сфер в другие: терминов в сферу общей лексики (детерминологизация) и наоборот – пополнения терминов за счет ресурсов общей лексики (терминологизация) [Там же].

«Наиболее общей и сильной тенденцией является расширение границ употребления терминологической лексики, выход терминов за рамки узких специальных сфер с последующим возможным переосмыслением и включением в общеупотребительную лексику» [Там же]. Причины таких процессов разнообразны: высокий уровень образованности носителей языка, широкий спектр интересов средств массовой коммуникации, значимость науки во всех сферах современной жизни и др. Данные факторы способствуют активному взаимодействию терминологической лексики с общеупотребительной.

В процессе детерминологизации у термина появляется новое, переносно-образное значение. Попав в общелитературный язык, терминологическая единица приобретает эмоционально-экспрессивную окраску и нередко используется как определенное стилистическое средство. При этом экспрессивная окраска термина возникает из сопоставления, которое появляется в сознании носителей языка, между «строгим», научным значением языкового знака и его употреблением в иностилевой сфере.

Метафорическое переосмысление терминологической лексики особенно активно происходит в средствах массовой информации, в публицистических текстах, где термин нередко выполняет эмоционально-экспрессивную функцию, выступает в качестве экспрессивной метафоры. «Экспрессивная метафора апеллирует к чувствам человека, вызывает переживания, находит отклик в душе и, следовательно, создает экспрессивный эффект» [Черникова 2001: 84]. Например, в экспрессивных целях использованы термины в следующих контекстах:

Именно в тот момент и произошла девальвация души страны, еще до обрушения валюты в 2011-м. (АиФ. 2015. № 27);

...повышение ключевой ставки в декабре 2014 г. свело на нет все плюсы дешевого рубля и, более того, привело к *параличу* экономики. (Ведомости. 2016. № 146);

Песков назвал *коллапсом* уровень отношений между Россией и США. (Комс. правда. 2018. № 7).

Здесь экономический термин *девальвация* («один из методов проведения денежной реформы в стране, осуществляемый путем уменьшения в законодательном порядке золотого содержания национальной денежной единицы или понижением официального курса валюты данной страны по отношению к золоту, серебру или к какой-л. иностранной валюте» [БТС 2004: 244]), медицинские термины *паралич* («болезнь, заключающаяся в потере способности произвольных движений каким-л. органом или частью тела вследствие поражений нервной системы» [Там же: 780]), *коллапс* («внезапное сильное падение кровяного давления и упадок сердечной деятельности, сопровождающийся слабостью, иногда потерей сознания и угрожающий смертью» [Там же: 2440]) употреблены в переносном смысле:

— *девальвация* — (перен.) «утрата высокого качества, достоинства, значимости; обесценивание» [Толк. сл. нач. XXI в. 2007: 281];

— *паралич* — (публ., перен.) «неспособность к деятельности, полное бездействие (каких-л. государственных, политических, хозяйственных органов)» [Там же: 707];

— *коллапс* — (книжн.) «внезапное резкое ухудшение общественных, политических, экономических отношений, ведущее к социальной катастрофе» [СТС 2002: 278].

Употребление специальной лексики в переносном значении усиливает выразительность публицистической речи, придает текстам эмоционально-экспрессивную окраску, способствует эффективному воздействию на адресата.

Переход термина в состав общеупотребительной лексики происходит постепенно. Рассмотрим этот процесс на примере детерминологизации медицинского термина *реанимация* и спортивного термина *раунд*, которые в современной публицистике активно употребляются в переносном значении. Например:

Реанимация американской экономики началась после того, как в марте 1933 года страну возглавил Теодор Рузвельт, который смог обратить депрессию в подъем. (АиФ. 2015. № 41);

...16 июня в Вене начался очередной *раунд* переговоров «шестерки» с Ираном. (Известия. 18.06.2014).

Сравним смысловое содержание существительных *реанимация* и *раунд* в толковых словарях старшего поколения и в новейших лексикографических источниках.

В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой оба слова зарегистрированы как однозначные единицы, имеющие терминологическое значение:

— *реанимация* — «совокупность мероприятий по оживлению человека, находящегося в состоянии клинической смерти, по восстановлению внезапно утраченных функций жизненно важных органов» [СРЯ 1987: 690];

— *раунд* — (спорт.) «промежуток времени (обычно 3 минуты), в продолжение которого происходит одна схватка боя в боксе, а также сама схватка» [Там же: 686].

Аналогичные значения у данных терминов отмечены и в ранних изданиях толкового словаря русского языка С.И. Ожегова.

В лексикографических источниках последних десятилетий у слов *реанимация* и *раунд*, кроме прямого, терминологического значения, фиксируется еще одно, переносное:

— *реанимация* — 1) «восстановление жизненно важных функций организма при тяжелых состояниях (после травм, некоторых операций и т.п.); 2) (перен.) «возвращение к жизни чего-нибудь отжившего, переставшего функционировать» [Лопатин 2011: 657];

— *раунд* — 1) «в боксе: одна из схваток, вместе составляющих бой»; 2) «один из этапов переговоров, продолжающихся с перерывами» [Там же: 656].

Первые значения обоих слов относятся, как и прежде, к узкоспециальным (медицинской и спортивной) сферам, вторые, метафорические, имеют более широкое употребление, в частности активно используются в общественно-политической области. Фиксация терминологической единицы в толковых словарях в переносном значении — одно из свидетельств ее детерминологизации.

О детерминологизации существительного *реанимация* также свидетельствует употребление в переносном значении однокорневого глагола *реанимировать*, например:

Эти подозрения... дали повод северокавказским ястребам в окружении Ким Чен Ира при- тормозить реформы и *реанимировать* про- грамму по изготовлению плутоновой бомбы, увенча- вшуюся двумя подземными испытаниями. (Эхо планеты 2010. № 46);

«Розтех» смог *реанимировать* магазины, которые ей раньше принадлежали, наполнив их товарами. (АиФ. 2014. № 14);

Израильско-палестинские переговоры, зашед- шие в тупик, сейчас пытаются *реанимировать*. (Российская газета. 28.07.2014);

ср. также *реанимировать* прежние порядки, *реанимировать* народный промысел [Лопатин 2011: 657].

Активное функционирование в публи- цистической речи лексических единиц *ре- анимация*, *реанимировать*, *раунд* в пере- носном значении, развитие их смысловой структуры и сочетаемостных возможнос- тей обусловили детерминологизацию дан- ных слов, переход в состав общеупотреб- ительной лексики.

Итак, в современном мире человек уже не может полноценно существовать без зна- ний ключевых понятий из разных наук: ме- дицины, экономики, информатики, юрис- пруденции и др. Высокая социальная зна- чимость науки обуславливает возможность, а порой и необходимость использования терминов за рамками специальных сфер, в частности в публицистическом дискурсе. Употребление специальной лексики за пре- делами узкой профессиональной деятельнос- ти увеличивает роль терминов в процессе передачи информации, повышает их комму- никативную значимость, способствует раз- витию выразительных возможностей языка.

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб., 2004 [БТС].

Кожина М.Н. Научный стиль // Стилисти- ческий энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин. — М., 2003. — С. 242–248.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. — М., 1989.

Лопатин В.В. Толковый словарь совре- менного русского языка. — М., 2011.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — М., 1987. — Т. 3 [СРЯ].

Сложеникина Ю.В. Термин: семантиче- ское, формальное, функциональное варьирова- ние: монография. — М.; Самара, 2005.

Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб., 2002 [СТС].

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М., 1994. — Т. 1 [Сл. Уша- кова].

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Склад- чевской. — М., 2007 [Толк. сл. нач. XXI в.].

Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. — М., 1990.

Черникова Н.В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологиче- ские науки. — 2001. — № 1. — С. 82–90.

Энциклопедия Кругосвет: Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: [http://www.krugosvet.ru/ enc/meditsina/ebola](http://www.krugosvet.ru/enc/meditsina/ebola)

REFERENCES

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka, chief ed. S.A. Kuznetsov, Sankt-Petersburg, 2004 [BTS].

Chernikova N.V. Metafora i metonimiya v aspekte sovremennoi neologii, in *Filologicheskie nauki*, No. 1, 2001, pp. 82–90.

Entsiklopediya Krugosvet: Universal'naya nauch- no-populyarnaya onlain-entsiklopediya, available at: <http://www.krugosvet.ru/enc/meditsina/ebola>

Kozhina M.N. Nauchnyi stil', in *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*, ed. M.N. Kozhina, Moskva, 2003, pp. 242–248.

Kuznetsova E.V. Leksikologiya russkogo yazyka, Moskva, 1989.

Lopatin V.V. Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka, Moskva, 2011.

Slovar' russkogo yazyka: in 4 vol, ed. A.P. Evgen'eva, Moskva, 1987, Vol. 3 [SRYa].

Slozhenikina Yu.V. Termin: semanticheskoe, formal'noe, funktsional'noe var'irovanie: monografy, Moskva, Samara, 2005.

Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka, chief ed. S.A. Kuznetsov, Sankt-Petersburg, 2002 [STS].

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: in 4 vol., ed. D.N. Ushakov, Moskva, 1994, vol. 1 [Sl. Ushakova].

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika, ed. G.N. Sklyarevskaya, Moskva, 2007 [Tolk. sl. nach. XXI v.].

Fomina M.I. Sovremennyi russkii yazyk. Lek- sikologiya, Moskva, 1990.

К вопросу об историческом комментировании современных фактов словообразования

В статье проводится сравнение синхронного и диахронического словообразовательных анализов при определении производных и производящих основ. Показана утрата смысловых связей между родственными словами в процессе развития языка.

Ключевые слова: *словообразование; синхронный анализ; диахронический анализ; производные слова.*

Yulia V. Dvoryankova

To the Question of Historical Commenting of Derivation Modern Facts.

The comparison of synchronic and diachronic derivation analysis on the appointing of derived and deriving stems is making in the article. The loss of semantic links between cognate words during language development is shown.

Key words: *derivation; synchronic analysis; diachronic analysis; derived words.*

Исследование языка может проводиться в двух аспектах: синхронном и диахроническом. Задача синхронного изучения — отобразить устройство языка в данный момент времени и обнаружить механизм его действия. При синхронном изучении не ставится вопрос о том, почему язык сформировался именно так, какие изменения в предшествующие периоды привели к его современному состоянию.

Цель диахронического изучения — исследование языка как продукта исторического развития, исследование изменений, происходящих в системе языка на протяжении определенного отрезка времени. Е.А. Земская пишет: «Два названных аспекта исследования могут быть применены и ко всему языкознанию в целом, и к отдельному его разделам. Соответственно этому существует историческая и синхронная грамматика (морфология и синтаксис), историческая и синхронная лексикология, историческое и синхронное словообразование, причем обычно отсутствие

определения при названии науки обозначает, что имеется в виду синхронный аспект исследования» [Земская 2013: 6].

Как пишет ученый, синхронное словообразование исследует отношения сосуществующих единиц, диахроническое словообразование исследует процессы превращения одних единиц в другие. При синхронном и диахроническом подходах к словообразованию многие понятия, называемые одним и тем же термином, приобретают разное содержание. Такими понятиями являются производящая и производная основы.

По мнению Е.А. Земской, при диахроническом словообразовательном анализе, чтобы установить, какое из двух родственных слов производящее, а какое — производное, нужно изучить историю каждого слова. Нужно узнать, какое из этих слов более раннее происхождение, какое слово каким мотивировано.

При синхронном словообразовательном анализе определить, какая основа производящая, а какая — производная, значит, ответить на вопрос: какая из двух однокоренных основ более простая по форме и по смыслу (производящая), а какая более сложная (производная). Для этого необходимо установить формальное и семантическое соотношение между двумя данными основами [Там же: 6, 7].

Можно продемонстрировать различие между синхронным и диахроническим словообразовательным анализом на примере пар слов *диагноз* и *диагностика*.

В современном русском языке *диагноз* — определение болезни на основании исследования больного, а *диагностика* — отдел медицины, посвященный изучению способов

Юлия Владимировна Дворянкова, преподаватель русского языка кафедры иностранных языков
E-mail: dvoryankova.y.v@tor.rsreu.ru

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный радио-технический университет»

ул. Гагарина, д. 59/1, Рязань, 390005, Россия

Ryazan State Radio Engineering University

59/1 Gagarin Str., Ryazan, 390005, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Дворянкова Ю.В. К вопросу об историческом комментировании современных фактов словообразования // Русский язык в школе. — 2018. — № 5. — С. 24–26. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-24-26.

распознавания болезней. Слова *диагноз* и *диагностика* имеют греческое происхождение. *Диагноз* произошло от греч. *diagnosis*, оно обозначало 'распознавание, различение, средство распознавания'. *Диагностика* произошло от греч. *diagnostikos* и имело значение 'способный распознавать'. Отсюда позднелатинские *diagnosis*, *diagnosticus*, к которым восходят соответствующие слова в западноевропейских языках. Во французском языке слово *diagnostic* появилось в 1773 г. и имело значение 'диагноз', а более позднее *diagnose*, — наоборот, имело значение 'диагностика'.

В русском языке слово *диагностика* стало известно в 1803 г. и имело значение 'диагноз' по аналогии с французским языком. А слово *диагноз* в русских словарях отмечено значительно позже, с середины XIX в. Сначала появилось слово *диагнозис* (1861), позже — *диагностик* (1863). И только в 1875 г. в русском языке впервые появилось слово *диагноз* [Черных 1994, 1: 249, 250].

Таким образом, с точки зрения диахронического словообразовательного анализа слово *диагностика* не могло быть производным от *диагноз*, потому что появилось в русском языке значительно раньше и первоначально имело значение 'определение болезни на основании обследования больного'.

Синхронное словообразование изучает только живые связи между словами и не учитывает этимологических связей, утраченных в ходе развития языка. Например, слово *парень* с точки зрения диахронического словообразовательного анализа восходит к древнерусскому глаголу *парити* и его производным *пареный*, *парной*. Древнерусский глагол *парити* обозначал 'смягчать на огне, плавить' и был образован от существительного *пар* со значением 'газ, образующийся из жидкости при ее нагревании, испарении' [Срезневский 1989: 882]. Глагол *испариться* имел раньше только одно значение 'обратиться в пар, в газообразное состояние' и использовался в научных стилях русского литературного языка XVIII в. [Виноградов 1999: 231, 232]. В древнерусском языке было распространено словосочетание *парить лошадей*, что означало 'вгонять их в пот'. Слово *парень* возникло в условиях экспрессивной речи и сначала имело значение 'запарившийся молодой человек, ухажер', т.е. употреблялось в ироническом смысле.

Акад. В.В. Виноградов отмечал, что слово *парень* раньше было широко распространенным простонародным словом, вошедшим в низовой городской язык. В сентиментально-дворянском восприятии это слово было окутано яркой экспрессией вульгаризма. Слово *детина*, тоже простонародное, считалось менее грубым. Экспрессивно-образный ореол слова *парень* раскрывается Н.М. Карамзиным посредством подбора соответствующих выражений: *дебелый мужик, чешется неблагопристойным образом, утирает рукавом мокрые усы* [Виноградов 1999: 885, 886].

Согласно другой версии слово *парень* восходит к *pare*, его считают уменьшительным от общеслав. *parobъkъ* со значением 'слуга, прислужник, мальчик'. Некоторые языковеды принимают это объяснение, несмотря на его очевидное неправдоподобие (от *parobъkъ* с корнем *-rob-* нельзя произвести уменьшительное *pare*). Вот почему данное предположение представляется нам менее убедительным. И, как уже было сказано выше, естественно было бы связывать происхождение слова *парень* с древнерусским глаголом *парити* [Черных 1994, 2: 6].

Но результаты диахронического словообразовательного анализа не имеют значения для синхронного словообразовательного анализа, потому что в современном русском языке слово *парень* является производным. Оно не сопоставляется с другими словами, более простыми по форме и по строению. Смысловые связи между глаголом *парить* и существительным *парень* давно утеряны. В современном русском языке *парень* — это юноша, молодой, неженатый мужчина; глагол *парить* имеет несколько значений: 'подвергать действию пара', 'хлестать веником (в бане)', 'приготовлять что-нибудь в закрытом сосуде на пару'. В настоящее время слова *парень* и *парить* не интерпретируются как родственные, связанные отношениями производности [Тихонов 1985: 723].

С точки зрения диахронического словообразовательного анализа слова *перчатка*, *перстень* и *наперсток* произошли от древнерусского существительного *пърсть*, которое обозначало 'палец руки'. Согласно старинным русским мерам длины один перст равен двум сантиметрам. Отсюда название — *двенадцатиперстная кишка*. *Перчатка* — это рукавица с отделением для каждого пальца, *перстень* — кольцо с драгоценным камнем. *Наперсток* — металлический колпачок,

надеваемый на палец при шитье для предохранения от укола иглой. Слово *наперстянка* произошло от слова *наперсток*. *Наперстянка* — это травянистое лекарственное растение с цветками, напоминающими по форме наперсток.

Есть предположение, что *перст* произошло от *персь*, которое в древнерусском языке имело значение ‘грудь’. Данное предположение основано на том, что у некоторых народов (например, у казахов) новорожденным дают сначала сосать безымянный палец, а не грудь [Фасмер 1987, 3: 244].

В древнерусском языке было слово *перстаница* со значением ‘перстатые рукавицы’. Формы *перчатка*, *персчатка* стали известны с 1704 г. (*Персчатки зри рукавицы*). Слово *персчатка* (*рукавица перчатая*) происходит от прилагательного *перчатый*, видимо, непосредственно от *пърстьць* по образцу таких прилагательных, как *крещатый* (от *кръстьць*), в конечном счете от *пърстъ* (*перст*) [Черных 1994, 2: 25].

В древнерусском языке было слово *пърстъникъ* со значением ‘запястье’. Оно также произошло от *пърсть* [Срезневский 1989: 1771].

Слово *палець*, известное с XI в., значило ‘большой палец’. Первоначальное значение ‘большой палец’ хорошо прослеживается в старинных русских текстах. Славянское *palъ*, *palъsь* ‘большой палец’ связано с греческими словами, имеющими значения ‘дергаю (струны, тетиву лука)’, ‘натягивание (струн лука)’ со специальным указанием на роль именно большого пальца при стрельбе из лука ‘по-монгольски’ [Фасмер 1987, 3: 191, 192].

Наиболее вероятным можно считать давнее сближение слова *палец* с лат. *pollex*, *pollicis* — ‘большой палец’. Возможно, сюда относятся и лат. *polleo* — ‘имею силу’, ‘преобладаю’. Значение ‘палец руки’, ‘перст’ устанавливается лишь в XVI–XVII вв. [Черных 1994, 1: 617].

В современном русском языке слово *палец*, имеющее значение подвижной конечной части кисти руки, стопы ноги или лапы животного, не соединено отношениями производности со словами *перчатка*, *перстень* и *наперсток*. С точки зрения синхронного словообразовательного анализа слова *перчатка*, *перстень* и *наперсток* являются непроизводными, они не соотносятся со словом *перст*, так как оно является устаревшим.

Перстень и *перчатка* относятся к группе непроизводных слов, в структуре которых выделяют корень и флексию. *Наперсток* относится к группе непроизводных слов со связанным корнем, так как в его составе можно выделить префикс *на-* и суффикс *-ок-*. Но, несмотря на наличие в основе слова *наперсток* аффиксов, оно не является производным, поскольку в современном русском языке нет производящей основы, с которой оно было бы связано деривационными отношениями [Тихонов 1985: 26, 653, 716, 739, 740].

Таким образом, синхрония и диахрония на словообразовательном уровне представляют собой два различных процесса. В то же время они тесно связаны между собой. Изучение исторического словообразования позволяет четко разграничить историю и современное состояние деривационных процессов в языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В.В. История слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. — М., 1999.
- Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. — М., 2013.
- Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. — М., 1989. — Т. II. — Ч. 2.
- Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. — М., 1985. — Т. I. А — П.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Б.А. Ларина. — М., 1986. — Т. I (А — Д).
- Фасмер М. Указ. соч. — М., 1987. — Т. 3 (Муза — Сят).
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. — М., 1994.

REFERENCES

- Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: in 2 vol., Moskva, 1994.
- Sreznevskii I.I. Slovar' drevnerusskogo yazyka: in 3 vol, Moskva, 1989, vol. II, p. 2.
- Tikhonov A.N. Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: in 2 vol., Moskva, 1985, vol. 1, A — P.
- Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: in 4 vol., ed. B.A. Larina, Moskva, 1986, vol. 1 (A — D).
- Fasmer M. Ukaz. Soch, Moskva, 1987, vol. 3 (Muza — Syat).
- Vinogradov V.V. Istoriya slov, resp. ed. N.Yu. Shvedova, Moskva, 1999.
- Zemskaya E.A. Sovremennyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie, Moskva, 2013.

«Звено в звено и форма в форму»: методика «медленного чтения» художественного текста (Часть II)

В статье предложен комментарий к стихотворению Н.А. Заболоцкого «Метаморфозы». Анализ композиции и использованных в тексте лингвистических единиц разных уровней призван служить стимулом активизации познавательной деятельности школьников, направленной на самостоятельное установление смысла художественного текста.

Ключевые слова: *комплексный анализ текста; методика «медленного чтения»; личностно-ориентированное и проблемное обучение; лингвистический анализ текста; моделирование художественного мира языковыми средствами разных уровней.*

Elena M. Vinogradova

«Zveno v Zveno i Forma v Formu» («Part for Part and Forn for Form»): the Methodology of Close Reading of Literary Text (Part II).

The article offers the commentary to the poem «Metamorfozy» by N.A. Zabolotskii. The analysis of composition and different levels linguistic units used in the text serves as the motivation for pupils' cognitive activity oriented on independent setting of the text idea.

Key words: *complex analysis of the text; methodology «close reading»; learner-centered and problem teaching; text linguistic analysis; forming of art space by language means of different level.*

*Посвящается выпускнице 2017 г.
Марусе Расторгуевой,
всегда готовой к метаморфозам
и блестяще читающей
стихотворение Н. Заболоцкого*

Наступивший 2018 г. — «юбилейный» повод обратиться к творчеству Н.А. Заболоцкого (1903—1958). Произведениям этого поэта уделяется, на наш взгляд, недостаточное внимание в школьном курсе литературы (преимущественно в среднем звене). Между тем вдумчивое прочтение его стихотворений не только обогатит читательский опыт старшеклассников, но и даст возможность обобщить то, что они знают о законах русского языка и речи, не говоря

уже о том, что поэтические размышления Заболоцкого служат стимулом для самостоятельных раздумий учащихся над сложными философскими проблемами, для аккумуляции жизненного опыта и соотнесения его с умозрительными знаниями.

В настоящей статье мы предлагаем многократное перечитывание поэтического текста в поисках ответов на вопросы, касающиеся собственно лингвистических свойств выделяемых в тексте языковых единиц (выборочное повторение теоретических сведений и закрепление навыков анализа — задачи урока русского языка) и их роли в качестве элементов, «направляющих» читательскую рефлексию и интеллектуальную работу, результатом которой должно стать понимание смысла текста в целом (задачи урока литературы). В число вопросов включены такие, которые требуют активизации ассоциативных связей, жизненного опыта и культурологических знаний учащихся. Главное — пробудить познавательное любопытство.

Не претендуя на исчерпанность в истолковании смысла стихотворения Н.А. Заболоцкого «Метаморфозы», позволим себе поделиться опытом его «медленного чтения» с остановкой на тех фрагментах, которые

Елена Михайловна Виноградова, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы

E-mail: evinogradova@proc.ru

ГБОУ г. Москвы «Лицей № 1533 (информационных технологий)»

Ломоносовский проспект, д. 16, Москва, 119296, Россия

State Budget Educational Institution «Lyceum № 1533 (information technologies)»

16 Lomonosovsky Prospekt, Moscow, 119296, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Виноградова Е.М. «Звено в звено и форма в форму»: методика медленного чтения художественного текста (Часть II) // Русский язык в школе. — 2018. — № 5. — С. 27–34. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-27-34.

представляются нам особо значимыми¹. Вопросов будет больше, чем однозначных ответов. Такая работа позволяет повторить сведения о русском языке, необходимые для мотивированной интерпретации поэтического текста. Попробуем показать, что проникновение в глубину художественного содержания — это ТРУД, приносящий эвристическую радость. По мере чтения у нас будут накапливаться новые вопросы и интеллектуальные задачи, совокупность которых не менее ценна, чем готовые интерпретации. Если работа увлечет учащихся и окажется для них посильной, то затраченные усилия многократно окупятся удовольствием от самостоятельного понимания глубины содержания стихотворения².

Метафорфозы

- 1) Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
- 2) Лишь именем одним я называюсь,
- 3) На самом деле то, что именуют мной, —
- 4) Не я один. Нас много. Я — живой.
- 5) Чтоб кровь моя остынуть не успела,
- 6) Я умирал не раз. О, сколько мертвых тел
- 7) Я отделил от собственного тела!
- 8) И если б только разум мой прозрел
- 9) И в землю устремил пронзительное око,
- 10) Он увидел бы там, среди могил, глубоко
- 11) Лежащего меня. Он показал бы мне
- 12) Меня, колеблемого на морской волне,
- 13) Меня, летящего по ветру в край незримый,
- 14) Мой бедный прах, когда-то так любимый.
- 15) А я все жив! Все чище и полней
- 16) Объемлет дух скопление чудных тварей.
- 17) Жива природа. Жив среди камней
- 18) И злак живой и мертвый мой гербарий.
- 19) Звено в звено и форма в форму. Мир
- 20) Во всей его живой архитектуре —
- 21) Орган поющий, море труб, клavier,
- 22) Не умирающий ни в радости, ни в буре.
- 23) Как все меняется! Что было раньше
птицей,
- 24) Теперь лежит написанной страницей;
- 25) Мысль некогда была простым цветком,
- 26) Поэма шествовала медленным быком;
- 27) А то, что было мною, то, быть может,
- 28) Опять растет и мир растений множит.
- 29) Вот так, с трудом пытаюсь развивать

¹ Учитывая построчные комментарии к стихотворению Заболоцкого, представленные в статье польского филолога Е. Фарыно [Фарыно 1993], дополним их и выделим смыслообразующие компоненты текста, доступные для осмысления учащимися средней школы.

² Текст стихотворения Н.А. Заболоцкого цит. по: Заболоцкий Н. Собрание сочинений: в 3 т. — М., 1983. — Т. 1. — С. 191. Для удобства работы строки пронумерованы.

- 30) Как бы клубок какой-то сложной пряжи,
- 31) Вдруг и увидишь то, что должно называть
- 32) Бессмертием. О, суеверья наши!

(1937, 1948).

В начале разговора со школьниками можно опустить биографическую справку³ о Заболоцком — пусть необходимость соотносить сведения об авторе с содержанием стихотворения возникнет естественным образом, по ходу осмысления текста. Вопрос «О чем стихотворение?» можно поставить только для порождения первоначальной гипотезы, но отнюдь не для получения «правильного» ответа. Интрига «медленного чтения» — проверка гипотезы, получение знания, не очевидного после ознакомительного чтения. В качестве исходной гипотезы можно также предложить чужое суждение о произведении (в Интернете легко найти примеры такого «анализа» стихотворения Заболоцкого).

Но вот мимо названия стихотворения пройти никак нельзя — это обусловлено проспективной функцией заглавия текста (в самом общем виде оно направляет восприятие текста). К ретроспективной функции заглавия (обобщенное авторское истолкование смысла текста) следует обратиться на заключительном этапе, когда будут накоплены наблюдения над отдельными лингвистическими единицами и явлениями. Прежде всего необходимо убедиться в том, что ученики понимают значение слова *метаморфозы* (от лат. *metamorphosis* из др.-греч. *μεταμόρφωσις* — «преобразование, превращение, полная, совершенная перемена»)⁴. Желательно, чтобы учащиеся сами нашли объяснение в толковом словаре или словаре иностранных слов (это тоже работа!). Внешнего облика или внутреннего мира касаются метаморфозы? Обращение к фольклору и литературным произведениям позволит учащимся вспомнить, в каких из них в центре внимания оказываются метаморфозы героя — радикальные изменения его физической и/или духовной природы. В поисках литературных реминисценций в первую очередь нужно рассказать (или предложить ученикам самостоятельно найти информацию) о «Метаморфозах»

³ Здесь и далее разрядкой выделены термины, владение которыми закрепляется в ходе работы с текстом.

⁴ Можно привлечь внимание к другим терминам с теми же греческими корнями: *метафора*, *метонимия*, *метатеза*, *морфология*.

Овидия. Стоит познакомить учащихся с фактом смены заглавия: в первой редакции (1937) стихотворение называлось «Бессмертие»; название «Метаморфозы» появилось в издании 1948 г. (эти сведения ученики могут самостоятельно найти в примечаниях в указанном издании). К смене заглавий целесообразно вернуться в конце работы с текстом: тождественны ли они? Какую идею подчеркивает каждое из них и как связаны эти идеи? Как текст стихотворения поддерживает каждый из вариантов заглавия? Как можно было бы объяснить смену заглавия?

Датами написания и авторского редактирования стихотворения определяются временные рамки для привлечения к сопоставлению со стихотворением Заболоцкого других литературных произведений, для соотношения содержания стихотворения с биографией автора и с историческим временем, для сопоставления вариантов текста.

Читаем первые два предложения: *Как мир меняется! И как я сам меняюсь!* Предложения какого типа по эмоциональной окраске открывают стихотворение и с какого приема автор начинает текст? (*Риторическое восклицание.*) Какую эмоцию передают эти восклицательные предложения? Если это удивление, то чем оно вызвано? Где надо поставить логическое ударение и почему? С какой целью используется прием синтаксического параллелизма? Что стоит за союзом *и* — аналогия или обусловленность содержания второго предложения содержанием первого (меняется мир — меняюсь я)? Е. Фарыно замечает, что семантика начального стиха основана на традиционном противопоставлении «мир — я», но благодаря синтаксическому и интонационному построению, благодаря повтору предиката *меняться* противопоставление снимается и превращается «в пару эквивалентных элементов» [Фарыно 1973: 95]. Отношения «я» и мира становятся темой лирического сюжета. Чтобы учащиеся могли увидеть лингвистические свойства жанра медитативной лирики, задаем новые вопросы. Обозначен ли в стихотворении адресат речи? Кому предназначено размышление лирического героя?

В предложениях 3–5 внимание должно быть привлечено к антитезам: *лишь именем одним я называюсь — на самом деле то, что именуют мной...; не я один — нас много*. Здесь примечателен и грамматически выраженный контраст точек зрения (двусоставное

предложение со сказуемым, выраженным возвратным глаголом с однозначным залоговым значением, — односоставное неопределенно-личное предложение): *я называюсь — именуют мной*. Совпадают ли эти точки зрения с тем, что обозначается местоимением «я»? Что такое «я» в понимании лирического героя? Совпадают ли границы «я» с единственной и конечной физической формой? Как можно понять оппозицию «одно имя — много означаемых» (*нас много*)?

Предлагаем учащимся убедиться с помощью толкового словаря в многозначности слова *живой* и ставим следующие вопросы: «Что значит в контексте стихотворения *я живой*? Как происходит расширение личного «я»? Сохраняет ли оно при этом целостность и тождественность?» Подчеркиваем, что Заболоцкий выходит за границы понимания метаморфоз личности в рамках ее ограниченной во времени жизни, что метаморфозы не связаны с изменением возраста, приобретением жизненного опыта или влиянием обстоятельств (для сравнения вместе с учащимися вспоминаем, например, о возмужании Гринева, смене масок у Онегина и Печорина, духовном переломе Раскольникова, эволюции Андрея Болконского и Пьера Безухова). У Заболоцкого речь идет о другом — о месте «я», освобожденного от биографических границ, в картине меняющегося мира. Микрокосм становится отражением и повторением метаморфоз мира.

Развивая и уточняя мысль о трансформациях и расширении объема «я», обратимся к строкам 10–14. Какие образы включены поэтом в парадигму метаморфоз «я» (*колеблемого на морской волне, летящего по ветру в край незримый*)? Сравним эти образы с точки зрения лексической семантики движения: какой характер носит это движение: чем *колеблемый* отличается от *летящего*? Почему в первом случае употреблено страдательное, а во втором — действительное причастие? Какое отношение к движению «я» имеет стихия (*морская волна, ветер*)? Можно заметить, что от первого образа ко второму усиливается самостоятельность и поступательный характер движения, оно приобретает направленный характер и устремлено *в край незримый* (эта перифраза тоже нуждается в объяснении); ветер может мыслиться не как субъект действия, а как его средство, как соединяющее пространство: *...летящего по ветру в край незримый*. В обоих

случаях причастные обороты грамматически зависимы от местоимения 1-го лица (*меня*). Можно ли, опираясь на признаки по действию, выраженные в этих причастных оборотах, однозначно подобрать другие имена для «я»: кем / чем был «я» в предыдущих формах? Почему поэт не употребляет здесь имена существительные? Такое построение речи превращает причастные обороты в перифразы, подчеркивая временный и условный характер других номинаций «я».

Продолжим изучать парадигму образов-метаморфоз, обратившись к строкам 23–28. Как в этом фрагменте показано изменение мира? Можно ли установить метафорическую связь между меняющимися формами: *птица* — *написанная страница*, *цветок* — *мысль*, *бык* — *поэма*? От чего к чему направлена метафора? В какие лексико-семантические группы входят существительные первого и второго рядов? Совершенно очевидно, что метаморфозы идут в сходных направлениях: объекты природного мира оборачиваются творениями человеческого духа. Связующим звеном между физическим и духовным миром здесь становится человек, хотя из этого не следует, что только он обладает одухотворенностью. А.В. Македонов понимает мир природы в стихотворении Заболоцкого как ««скользящий мир» бесконечных метаморфоз, в которых рождается, как смутная возможность и некое всеобщее сознание, “зЫбкий ум”, и носителем его становится человек» [Македонов 1987: 199].

Комментируя парадокс утверждений об одном и том же объекте, предлагаем учащимся выделить в строках 4–15 противоречащие друг другу высказывания (обращаем их внимание на то, здесь не лексические антонимы, а тематические группы лексики с противоположной семантикой ‘жизнь / смерть’): *я — живой; я умирал не раз; сколько мертвых тел я отделил от собственного тела; он увидал бы там, среди могил глубоко лежащего меня; мой бедный прах; а я все жив*. Закономерен следующий шаг: проследить по тексту употребление лексики со значением жизни и смерти, найти семантические повторы — рефрены, развивающие эти темы и завершающиеся словом *бессмертие*.

На основе сделанных наблюдений переходим к анализу семантики многозначных слов в контексте: если высказывания о сущностном (онтологическом) статусе «я» не отменяют друг друга,

а предикативные признаки «умирать» и «жить» совмещаются в одном субъекте «я», то что значит «жить» в концепции этого стихотворения Заболоцкого? Как понять этот парадокс? Что обладает конечным бытием, а что бессмертно? В каких значениях употреблено слово *тело* в предложении *О сколько мертвых тел я отделил от собственного тела* (*мертвые тела и собственное тело* становятся контекстуальными антонимами)? Что означает эта метафора?

Сопоставим отдельные компоненты лексического значения предикатов двух соседних предложений: *я умирал* — *я отделил*. Первый характеризует состояние, которое, кажется, не подлежит контролю со стороны субъекта (не может быть произвольным), второй — активное действие, цель которого гипотетически можно увидеть в придаточной части предыдущего предложения: *чтоб кровь моя остынуть не успела*. Попробуем провести лингвистический эксперимент и описать ситуацию с другой точки зрения (сменить фокус эмпагии): «сколько мертвых тел отделилось / было отделено от [моего] тела». Разница очевидна. Воля «я», следовательно, совпадает с направлением некой внешней по отношению к нему житворной силы. Вернемся в связи с этим ко второму предложению и подумаем над смыслом употребленного в нем определительного местоимения *сам*: ... *я сам меняюсь*. Есть основания говорить не только об усилительной функции местоимения, но и об обстоятельственном значении («самостоятельно»). Метаморфозы «я» в таком контексте уже нельзя рассматривать как пассивный случайный результат, причем усилия «я» лишь метафорически направлены на внешнюю форму. Это акт самопознания, самоочищения и самосовершенствования. Не случайно возможность увидеть прошлые стадии «я» описана в стихотворении как гипотеза, как результат возможного умозрительного действия, принципиально отличающегося от непосредственного самоощущения «я» и требующего выхода за пределы «здесь и сейчас»: *И если б только разум мой прозрел / И в землю устремил пронзительное око...* Парадокс заключается в том, что лирический герой заранее знает, что могло бы ему открыться, если бы разум... прозрел. Потребуется помощь учителя, чтобы объяснить смысл перифразы небесного пронзительного ока («прозревшего разума», способного видеть сквозь время) — важно,

чтобы учащиеся осознали место этого образа в образном строе стихотворения. Е. Фарыно полагает, что в рассматриваемом фрагменте текста «универсальная точка зрения раздвигает пределы вариантного, эмпирического мира и противопоставляет себя точке зрения здравого смысла» и что это получает выражение и в стилистической окраске лексики (*прозрел, устремил пронзительное око*), и на уровне лексического значения слов⁵ (*прозреть* значит не только ‘начать видеть’, но и ‘видеть, понимая, сущность’, а *пронзительно* означает проникновение вглубь, в суть), и на уровне пространственной организации образа, выражаемой, в частности, предлогом *в* (*устремить око в землю* — туда, «где, согласно здравому смыслу, проходит граница визуальной картины мира» и где в сущности «увидеть ничего нельзя») [Фарыно 1973: 98].

Развитием идеи обретения способности к совершенно новому видению становится подчеркивающая тему самопознания поэтическая формула синтаксического расщепления «я» на три инстанции — субъекта, адресата и объекта действия: *Он* [разум мой. — Е.В.] *показал бы мне меня...*

Эвристическая логика порождает вопрос о том, есть ли закономерность в бесконечных мировых метаморфозах, стадии которых накапливаются в личном опыте «я»? В поисках ответа на этот вопрос еще раз обратимся к семантике слов, обозначающих метаморфозы «я» и мира. Нельзя не заметить градацию в признаках, относящихся к «я»: *лежащий, колеблемый, летящий*.

Проследим за средствами организации художественного времени. Прошкое и настоящее совмещаются в широкой временной перспективе через акт гипотетического духовного созерцания. Формы настоящего времени сказуемых и причастных оборотов в строках 12–20 в перспективе глагола в форме условного наклонения *увидал бы*, обозначающего гипотетическое будущее, утрачивают значение актуального настоящего: *я всё жив, жива природа, колеблемый, летящий*. Будущее и прошлое становятся непрерывным настоящим. Бытие в непрерывно меняющемся времени предстает и как бы вне времени — парадокс соединения конечного и бесконечного. Стоит обратить

внимание и на взаимодействие лексических (антонимы *раньше — теперь, некогда*) и грамматических (формы сказуемых: *было птиц — лежит страницей, была цветком, шествовала быком, было мною, мир растений множит*) средств выражения категории времени в строках 25–30. Покажем, как художественная модель времени связана с использованием в обрамляющих указанный фрагмент сложноподчиненных предложениях. Через местоименную пару *то — что* в главной части и в местоименно-соотносительном (местоименно-определятельном) придаточном не только достигается перифрастический эффект (предмет не называется прямо, а характеризуется через описание), но и выражена идея тождественности предмета, в котором совмещены предикативный признак в прошлом и предикативный признак в настоящем, хотя предложение в целом построено на языковой и контекстуальной антонимии: *что раньше было птиц, [то] теперь лежит написанной страницей*. В художественной логике стихотворения Заболоцкого прошлое сохраняется в настоящем. Заметим, что есть определенная закономерность в распределении предикатов с семантикой движения и статики относительно вариантов метаморфоз: плоды духовной жизни существуют как бы вне времени, содержат в себе признак вечного, бессмертного (поэма, написанная страница). По мнению Е. Фарыно, «я» есть коллизия духа и тела — соединение бессмертного содержания и воплощающего его бесконечного ряда смертных, конечных форм (*скопление чудных тварей*). Дух все чище и полней объемлет это *скопление чудных тварей*, все больше проникает в варианты физических форм [Фарыно 1973: 101–102].

В семантике слов, обозначающих прошлые состояния «я» и мира, отражается усложнение свойств, переход от физического и пассивного ко все более активному и духовному. И этот процесс бесконечен. Предлагаем ученикам найти в тексте описание условно последней фазы метаморфоз «я» и выделить новую пару перифрастических контекстуальных антонимов: *...то, что было мною, то, быть может, / Опять растет и мир растений множит*. Строки 27–28 вносят существенную поправку в модель мира, охваченного метаморфозами, подчиненными восхождению духа. Природное содержит зерно духовного, сохраняется в самосознании личности

⁵ Отметим также фонетическое сближение начал ключевых слов *прозрел* и *пронзительное*.

и в творениях человеческого духа и передается новому витку метаморфоз.

Вчитываясь в стихотворение, учащиеся увидят, что два круга метаморфоз — мира и личности — не параллельны, а совмещены. Эволюция «я» — это одновременно и некая фаза общей эволюции мира, и отражение всей совокупности мировых метаморфоз, опыт которых возвращается в природу. В итоге «я» характеризуется противоположными, но совпадающими в расширенном настоящем векторами восхождения и нисхождения; антонимичные предикаты жизни и смерти в ряду однородных членов с повторяющимся союзом уравниваются и становятся контекстуальными синонимами: *жив среди камней и злак живой, и мертвый мой гербарий*. Слово *гербарий* содержит семантику сохранения (кем-то) мертвого в мире живых со специальной целью (на память, для изучения).

Желательно, чтобы учащиеся сами нашли в тексте многочисленные лексические и лексико-семантические повторы и сформулировали, средством выражения каких тематических линий они являются. Поможем ученикам найти строки, где лексические повторы дополняются анафорой и синтаксическим параллелизмом. Теперь, отвечая на вопрос о функции названных приемов, учащиеся должны связать использование этих средств с темой «Я — мир», с мыслью о бесконечности метаморфоз, о едином законе, которому все подчинено.

Комментируя влияние сильных позиций на восприятие текста, обратим внимание не только на начальные, но и на срединные (*А я всё жив. Всё чище и полней объемлет дух скопление чудных тварей* — о поисках соответствия физической формы Духу) и на заключительные строки. Особая роль слова *бессмертие* в последней строке подчеркнута с помощью анжамбмана: в нарушение грамматических связей оно вынесено в начало следующей строки. Можно отметить использование этого приема и в других фрагментах стихотворения. Анжамбман коррелирует с идеей разрушения границ личного бытия, становится композиционным воплощением и стадийности движения мира (переход на новую ступень-строку), и непрерывности этого движения (сохранение грамматических связей).

Словарное и контекстуальное значение слова *бессмертие* требует особого комментария, тем более что поэт использовал его в качестве первоначального варианта заглавия. О личном бессмертии или о бессмертии природы говорит лирический герой? Чем определяется бессмертие, помимо единства всего сущего и бесконечности метаморфоз? По логике художественного образа растение или животное уже содержат зерно будущих духовных творений, а человек — одна из форм природы, связанная с предыдущими и будущими метаморфозами. Можно ли дать однозначный ответ на вопрос: в художественном мире стихотворения материя обретает одухотворенность, становясь всевидящим разумом, или дух воплощается в бесконечных изменениях материи?

Предпоследнее предложение тоже представляет собой сложноподчиненное с придаточным местоименно-соотносительным (местоименно-определятельным): *...увидишь то, что должно называть бессмертием*. Синтаксическая перифраза — языковое выражение фигуры умолчания: существует нечто, что может быть обозначено словом *бессмертие*, а референтом этого слова становится то, что находится перед мысленным взором лирического героя. Название «Метаморфозы», таким образом, соответствует внешнему проявлению того, суть чего обозначена словом *бессмертие*. Главная часть предпоследнего сложного предложения представляет собой определительно-личное предложение, в котором форма 2-го лица ед. числа сказуемого имеет обобщенное значение (объединяет лирического героя и адресата речи — делает личный опыт универсальным); *увидеть* здесь означает не физическое восприятие, а умозрительное постижение (причем, внезапное, как озарение — *вдруг*). В придаточной части используется безличное предложение с обобщенно-субъектным значением *должно называть*. Значение объекта постижения и названия, обозначенного местоименной парой *то — что*, можно реконструировать только на основании всего предшествующего текста.

Вернемся к роли местоимений 1-го лица в тексте стихотворения и отметим переход от единственного числа к множественному. В связи с этим встает вопрос о том, какое содержание вкладывается в местоимение *мы*? И как связано личное бытие с множеством

«мы» — это связь метаморфоз «я» или соединение отдельных объектов в «мы», равное миру?⁶ Связь «я — мир» представлена в тексте в двух конверсивных («перевернутых») синтаксических конструкциях: «мир меняется — я меняюсь» и «я жив — жива природа». Поэтическая мысль развивается по параболе. А что в центре параболы? Добавим пищу для размышления, анализируя закономерности в использовании лексических и грамматических форм выражения значения лица и числа: конкретно-личное значение (лирический герой) местоимений 1-го лица ед. числа в начале текста (*нас* в строке 4 означает множество метаморфоз «я») → переход к обобщению в местоимении *наши* (объединение лирического героя с открытым множеством адресатов) и форме 2-го лица ед. числа глагола *увидишь* во второй части текста → обобщенно-безличное в предпоследнем предложении (*должно называть*).

Последнее предложение (*О, суеверья наши!*) двойственно в смысловом отношении. К чему относится слово *суеверья*? Какой смысл заключен в предложении: убежденность в бессмертии есть суеверие (тогда модальность сомнения окрашивает весь предшествующий текст) или наши суеверия мешают постигнуть бессмертие? Может быть, суеверия — это стереотипные искаженные представления о причинно-следственных связях, не соответствующие реальной и непостижимой сложности бытия? С какими предложениями текста «рифмуется» последнее с точки зрения эмоциональной окраски⁸? Что именно является объектом эмоциональной реакции и порожденного ею размышления?

В тексте стихотворения постепенно разворачивается и обогащается образ целостного мира. Как понять сравнение с клубком какой-то сложной пряжи (образ вызывает ассоциации и с античными богинями судьбы — парками, и с живым глобусом

в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»⁹)? Как можно прокомментировать развернутые метафоры *архитектура мира, мир — орган*. Что значит *звено в звено и форма в форму*? Какие значения имеет слово *клавир* и проясняет ли контекст, в каком значении оно употреблено (инструмент и музыкальное произведение для него — метонимия)? Можно ли в таком случае говорить о случайности метаморфоз? Эти вопросы должны быть поставлены на заключительном этапе разговора.

Если воспользоваться сравнением мира с органом, то вполне уместно обратиться к стилевым регистрам текста. Какую роль в определении общей тональности речи играют слова с книжной окраской (*шептывала, именуют, око* и др.)? Есть ли среди таких стилиобразующих слов архаизмы и старославянизмы? Какие?

Стихотворение «Метаморфозы» включено в контекст философской лирики Н. Заболоцкого второй половины 30-х гг. Как отмечает А.В. Македонов, в этот период в поэзии Заболоцкого «человеческие мысли и переживания движутся вместе с движением образов природы» [Македонов 1987: 194]. Это и развитие традиций Ф.И. Тютчева, и то, что характерно именно для Заболоцкого: человеческие переживания и явления природы «не только отражаются друг в друге, но получают и самостоятельное объективное бытие, движение, каждое из отражений поэтому становится как бы двукратным и даже многократным¹⁰» [Там же: 198, 199]. А.В. Македонов видит в поэзии Н. Заболоцкого 30-х гг. преодоление

⁹ «Глобус этот был живой, колеблющийся шар, не имеющий размеров. Вся поверхность шара состояла из капель, плотно сжатых между собой. И капли эти все двигались, перемещались и то сливались из нескольких в одну, то из одной разделялись на многие. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею... В середине Бог, и каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отражать его. И растет, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает». (Л.Н. Толстой. «Война и мир»).

¹⁰ Поэтическая идея способности явлений бытия отражаться друг в друге, преодолевая время, выражена и в других произведениях Н.А. Заболоцкого, например: *И голос Пушкина был над листвою слышен. // И птицы Хлебникова пели у воды.* («Ночной сад»).

⁶ *Нас много*: справедливой представляется мысль Е. Фарыно о том, что «множественное число объекта понимается здесь не как «множество тождественных экземпляров», а как «множество разных, нетождественных вариантов объекта» [Фарыно 1973: 96].

⁷ В издании 1983 г. запятой нет.

⁸ Е. Фарыно видит в этом восклицании отсылку к началу текста и его полемическому плану [Там же: 102].

тоски и страха разъединения с природой; это и есть основа личного бессмертия. Будущее в художественном мире Заболоцкого бросает отблеск на прошедшее, «имеет с ним обратную связь»; человек не только порождается природой, но уже с самого начала как бы присутствует в ней как отражение природы в себе самой [Там же: 203–204].

В школьную программу по литературе входит ряд произведений, с которыми стихотворение «Метаморфозы» вступает в идейные и образные переклички: «Вновь я посетил...» и «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» А.С. Пушкина, «Я мечтою ловил уходящие тени...» К.Д. Бальмонта, «Память» Н.С. Гумилева, «Мне ни к чему одические рати...» и «Родная земля» А.А. Ахматовой... Так, строки из стихотворения Н.С. Гумилева (*Мы меняем души, не тела; Ты расскажешь мне о тех, что раньше / В этом теле жили до меня*) явно находят параллели в стихотворении Заболоцкого, и тем заметнее разница философии двух поэтов. Другие стихотворения Заболоцкого («Предостережение», «Искусство», «Прогулка», «Осень»), поэзия В. Хлебникова, живописные формулы П. Филонова — направления расширения культурного контекста при чтении стихотворения «Метаморфозы». Этот фон будет ярче, если напомним школьникам о событиях отечественной истории конца 30-х гг. и рассказать о том, что 19 марта 1938 г. Заболоцкий был арестован по обвинению в антисоветской пропаганде, подвергнут пыткам, а потом пять лет провел в лагере и на поселении. Страшны и горьки строки «Истории моего заключения» Н.А. Заболоцкого о том, как его били, не разрешали спать, как отекали его ноги... Его старались сломить морально и физически, а он «все силы напрягал для того, чтобы отвечать разумно и не допустить какой-либо несправедливости» в отношении людей, о которых его спрашивали¹¹. А до ареста, в 30-е гг., — увлечение философией К.С. Циолковского: с представлением о человеке как «союзе» непрерывно меняющихся атомов, каждый из которых — микроскоп, являющийся носителем всеобщности жизни и сознания, с идеями космического всеединства и многообразия форм

жизни во Вселенной. В 1937 г. Заболоцкий начинает работу по переводу «Слова о полку Игореве», не только углубляясь в прошлое народа, но и проникаясь идеей связи личной судьбы и судьбы родной земли.

Судьба поэта обостряет смысл строк 29–30 стихотворения «Метаморфозы», вызывающих ассоциации с образом античных богинь судьбы парок, держащих в своих руках нить личной судьбы каждого и способных в любой момент ее перерезать. Личное достоинство Н.А. Заболоцкого, его поэтические открытия — ступень в духовном восхождении нашей общей жизни и часть индивидуальной памяти каждого.

Так, размышляя над поэтическим текстом и проходя путь, подсказанный самим Заболоцким (*с трудом пытаюсь развивать как бы клубок какой-то сложной пряжи*), учащиеся могут получить не готовое, а самостоятельно добытое и личностно ценное представление об образном строе и идейном содержании произведения. Темы движения жизни, изменчивости ее форм, самопознания, личного и общего бессмертия, связи творчества и жизни соединятся в целостную картину, мысль, «сгущенная до афоризма», до «емкости математической формулы» [Македонов 1987: 206], развернется в цепочку образов и станет физически ощутимой. Главный теоретический вывод — мысль о связи формы речи с выраженным смыслом, а в психологическом плане главная награда — эмоциональное и интеллектуальное удовольствие от самого процесса «медленного чтения».

ЛИТЕРАТУРА

Македонов А. Николай Заболоцкий. Жизнь. Творчество. Метаморфозы. — Л., 1987.

Фарыно Е. Метаморфозы Заболоцкого // *Studia Rossica Posnaniensia. Zeszyt 4. Zeszyt poświęcony VII Międzynarodowemu Kongresowi slawistów w Warszawie (21–27 VIII 1973)*. — Poznań: UaM, 1973. — S. 93–114.

REFERENCES

Makedonov A. Nikolai Zabolotskii. Zhizn'. Tvorchestvo. Metamorfozy, Leningrad, 1987.

Faryno E. Metamorfozy Zabolotskogo, in *Studia Rossica Posnaniensia. Zeszyt 4. Zeszyt poświęcony VII Międzynarodowemu Kongresowi slawistów w Warszawie (21–27 VIII 1973)*, Poznań, UaM, 1973, pp. 93–114.

¹¹ Заболоцкий Н. История моего заключения. Публикация Е.В. Заболоцкой // Даугава. — 1988. — № 3.

Словарная статья в современном толковом словаре (Критические заметки)

В настоящей статье рассмотрены некоторые теоретические вопросы лексики и грамматики русского языка, нашедшие у лингвистов общее понимание и отраженные в учебниках и учебных пособиях. Однако эти наблюдения нередко приходят в противоречие с данными толковых словарей, что вызывает затруднения в процессе обучения.

Ключевые слова: *лексикография; лингвистическая теория; словарная статья; корреляция теории и словарной практики.*

Aleksandr N. Eryomin

Dictionary Entry in the Modern Defining Dictionary (Critical Notes).

Some theoretical questions of Russian language lexis and grammar found common understanding among linguists and reflected in textbooks and study guides are considered in the article. But the observations sometimes come into conflict with the defining dictionaries material that causes difficulties in the study process.

Key words: *lexicography; linguistic theory; dictionary entry; correlation of the theory and dictionary practice.*

Как известно, в словарной статье помещается единица определенной части речи. Вызывает вопросы грамматическая характеристика слов в современных словарях. Посмотрим, как реализуется это положение в Толковом словаре русского языка под ред. Н.Ю. Шведовой:

Холодный. 1. Имеющий низкую температуру; не нагретый, не дающий или не содержащий тепла. — *Холодный ветер.* <...> **9. Холодно**, в знач. сказ. Об ощущениях холода. — Мне *холодно*. (Конечно, это **9** значение — новое слово; слово категории состояния. — А.Е.).

Как видим, в одной словарной статье оказываются единицы разных частей речи: имя прилагательное и слово категории состояния (в другой теории и терминологии: предикативное наречие). В современных

пособиях отмечается, что слово *обидно* — это прежде всего слово категории состояния. Однако в словаре под ред. Н.Ю. Шведовой оно не представлено отдельной словарной статьей. Это слово фиксируется следующим образом:

Обидный. 1. Содержащий обиду, оскорбительный. **2.** Досадный, неприятный.

В качестве примера первого значения использована безличная конструкция: *Обидно* (в знач. сказуемого) *слушать упрёки*. Здесь, скорее, это слово категории состояния, и оно не может иллюстрировать значение прилагательного *обидный*.

Один из примеров второго значения — *Обидно* (в знач. сказуемого), *что опоздал*, где анализируемая лексема совмещает признаки краткого прилагательного и слова категории состояния.

Ср.: составляющие синкретизма: **1. Обидно** (кто? что?), *что опоздал* (краткое прилагательное, занимающее позицию сказуемого). **2. Обидно** (почему?), *что опоздал* (слово категории состояния, выражающее следствие — состояние от действия причины — опоздания).

Аналогичную ситуацию имеем с субстантиватами: в словаре в одних случаях они дифференцированы от части речи слова-мотиватора, в других — нет, например:

Рабочий. Наемный работник, занятый производительным или подсобным трудом на

Александр Николаевич Ерёмин, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка

E-mail: eremina.li@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»
ул. Степана Разина, д. 26, Калуга, 248023, Россия

Kaluga State University named of K.E. Tsiolkovsky
26 Stepana Razina Str., Kaluga, 248023, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Ерёмин А.Н. Словарная статья в современном толковом словаре (Критические заметки) // Русский язык в школе. — 2018. — № 5. — С. 35–36. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-35-36.

фабрично-заводском, строительном, сельскохозяйственном или другом специализированном предприятии. — Потомственный *рабочий*.

Рабочий. Относящийся к рабочим, состоящий из рабочих, принадлежащий, свойственный им. *Рабочая* молодежь.

Перед нами синхронная субстантивация: слова даны в разных словарных статьях, как и требует современная теория.

В то же время:

Дежурный. 1. Такой, какой несет дежурство. — *Дежурный* милиционер. 2. *Дежурный*. Тот, кто дежурит. — Выставить *дежурных* у входа.

Объединение в одной словарной статье прилагательного и существительного представляется нам небесспорным.

Многие синтаксические дериваты или слова, близкие к ним по семантике, также даются в одной словарной статье с мотиватором:

Смелый. 1. Не знающий страха, решительный. — *Смелый* человек. 5. **Смело.** Наречие. С полной уверенностью (разг.). — Можно *смело* утверждать что-н. || сущ. *смелость*.

В одной словарной статье объединены прилагательное, наречие и существительное.

Словарь под ред. Н.Ю. Шведовой по-разному отражает и так называемые детерминанты: *юридически*, *по совести*, *по-маминому*...

По совести отмечается как вводное слово, *по-маминому* рассматривается как особое разговорное значение существительного *мама*, хотя это неточно. Слово *юридически* вообще не включено в словарную статью.

С нашей точки зрения, все эти слова в данном значении надо относить к модальным словам как отдельной части речи. Им свойственна не номинативная, не грамматическая, а дискурсивная семантика.

В словарной же статье модальные слова других групп отмечаются в структуре номинативных слов как употребленные в особой вводной функции, например:

Действительный... 4. **Действительно.** Наречие. Истинно, в самом деле, так оно и есть. — Ты *действительно* очень устал. 5. **Действительно.** Вв. сл. Выражает уверенность. — На этот раз, *действительно*, он прав.

Таким образом, в статье прилагательного *действительный* мы находим прилагательное, наречие и, очевидно, краткое

прилагательное в особом употреблении — в функции вводного слова.

Приведем примеры использования модальных слов и наречий в современных текстах из Национального корпуса русского языка, где их число и частотность заметно возросли:

— Как это *по-маминому* — устроить пакость близкому. (Галина Щербакова. Мальчик и девочка (2001));

— Оно, конечно, *по совести*, может быть, так оно и есть, но если взглянуть по-деловому... (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей);

— *Юридически* это разные понятия, утверждают в Думе. (Юлия Цой, Светлана Субботина. В России появится Миграционный кодекс // Известия, 2013.05.20).

Особое место в толковых словарях занимают конкретно-предметные имена. В ряде дефиниций отсутствуют важные дифференцирующие признаки, что во многом затрудняет работу с лексическими единицами. Возникает необходимость отсылать учащихся к энциклопедическим словарям.

Ср., например, в чем-то даже забавные толкования названий рыб в словаре под ред. Н.Ю. Шведовой:

Сельдь. Небольшая морская промысловая рыба.

Корюшка. Небольшая морская промысловая рыба.

Килька. Небольшая промысловая рыба семейства сельдевых.

Как видно из примеров, дифференцирующие признаки рыб в данных толкованиях не указаны.

Рассмотренные выше вопросы теории языка и практики их отражения в словаре — предмет обсуждения как в научном лингвистическом сообществе, так и в среде преподавателей разного уровня.

ЛИТЕРАТУРА

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. — М., 2011.

REFERENCES

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov, executive ed. N.Yu. Shvedova, Moskva, 2011.

Лингвокультурологический урок речевого развития «Такая разная слава...» (VIII–IX классы)

Статья написана в рамках методической лингвоконцептологии. Автором представлен опыт моделирования лингвоконцепта «слава». Лингвоконцептоцентрический урок определяется как урок «творческого собирания себя».

Ключевые слова: *лингвокультурологический урок; речевое развитие; лингвоконцепт «слава».*

Svetlana A. Besschetnova

Linguoculturological Lesson of Speech Development "Such Different Glory..." (8th-9th forms).

The article is written on the base of linguoconcept methodology. The experience of the simulating of «glory» linguoconcept is presented by the author. Linguoconcept oriented lesson is determined as "creative self-completing" lesson.

Key words: *linguoculturological lesson; speech development; «glory» linguoconcept.*

Уроки на основе мировоззренческих концептов определяются Н.Л. Мишатиной как уроки «творческого собирания себя». Ученым разработана трехчастная модель такого урока, включающая:

1) создание творческой мотивации урока (определение функции рассматриваемого концепта в жизни человека);

2) решение комплексных (языковых и речевых) лингвокультурологических задач¹, цель которых — моделирование общеязыкового («Что знает сам язык об этом концепте?») и художественного («Каким предстает данный концепт в художественной картине мира писателя?») концептов;

3) создание речевых произведений как результат моделирования личностного концепта на базе художественного и общеязыкового концептов («Что знаю об этом концепте я?») [Мишатина 2009: 145].

В центре уроков речевого развития — построение целостной картины мира (или ее фрагментов) человека мыслящего, чувствующего и действующего, выбирающего смысл, наиболее соответствующий социокультурному предназначению личности в жизни, ищущему адекватного выражения себя в слове и тексте как пространстве культуры.

Приведем в качестве примера один из таких уроков. С одной стороны, он направлен на раскрытие понятийной, образной и ценностной составляющих концепта «слава», а с другой — это урок — поиск согласия в смыслах в условиях диалога педагога и его воспитанников, это урок-размышление на трудную и актуальную для подростков «сетевого столетия» тему.

1. Создание проблемной мотивации.

Ученики оценивают публикацию фотографий подростков-зацеперов в социальных сетях. Ряд вопросов позволяет актуализировать тему урока:

1. Что вы думаете об авторах этих публикаций? Для чего зацеперы выложили их в сеть? Чего они хотели?

2. Хотите ли вы поставить им лайки?

Светлана Анатольевна Бессчетнова, учитель русского языка и литературы

E-mail: svetlabush@mail.ru

ЧОУ «Школа «Дипломат»

ул. Мясная, д. 11, Санкт-Петербург, Россия

«School «Diplomat»

11 Myasnaya Str., Saint Petersburg, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Бессчетнова С.А. Лингвокультурологический урок речевого развития «Такая разная слава...» (VIII–IX классы) // Русский язык в школе. — 2018. — № 5. — С. 37–40. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-37-40.

¹ Под лингвокультурологической задачей понимается «проблема, включающая личностный контекст» [Методическая лингвоконцептология 2017: 79].

3. Вы сами следите за тем, сколько лайков ставят вам? Почему вам это так важно? А как можно оценить такую популярность, славу?

4. Нужна ли человеку такая слава, мимолетная, шумная, часто позорная, быстро проходящая, да еще и виртуальная?

5. Согласны ли вы, что любая известность есть хорошая известность?

II. Решение языковых и текстовых лингвокультурологических задач.

ЛКЗ 1. Одно из определений *славы* в Словаре В.И. Даля — «известность по качеству». Как вы понимаете это определение? (Слава может быть *доброй* и *дурной*.) В каком значении слово *слава* употреблено в пословице *Добрая слава в улу сидит, а худая по свету бежит*? Найдите соответствия с данными пословицами и поговорками (укажите соответствующую цифру).

Пословицы и поговорки

1. Хороши ребята, да славушка худа.
2. Доброму Савве добрая и слава.
3. Добрая слава дороже богатства.
5. Недолго жил, да славно умер.
6. Земля на могиле задернеет, а худой славы не покроет.
7. Иная слава хуже поношения.
8. И Сатана в славе, да не по добру.

А. Добрая слава:

Б. Дурная (худая) слава:

ЛКЗ 2. Понимание славы как доброй или дурной существует в обыденной, повседневной жизни, иными словами — в обиходе. Познакомьтесь с синонимическими рядами, в которые входит данное слово, и подумайте, какая интерпретация славы допускает ее двойственную оценку (например, популярность, слушок).

1. **Слава** — известность, признание, популярность, имя, лавры (*книжн.*), бессмертие (*высок.*).
2. **Репутация** — реноме (*шутл. и ирон.*), честь, доброе имя, слава.
3. **Молва** — слух (и толки; слава, разговоры, слушок (*разг.*), стоустая молва (*высок.*)).

Затем попросим учащихся записать три пословицы: *Слава герою, презрение трусу; На героя и слава бежит и Кто первый в труде, тому слава везде* — и выписать слова, которые не допускают двойственной интерпретации славы. (*Бессмертие, честь, доброе имя, стоустая молва.*)

Комментарий учителя

Мы видим, что необходимо различать славу обиходную и героическую. В русском языковом сознании героическая слава сопряжена

с подвигами и самопожертвованием (во имя людей, во имя родины). Есть еще Божественная слава (слава как атрибут Бога), воспринимаемая метафорически как особое сияние, вызывающее благоговейный трепет: *Небесный свод, горящий славою звездной, / Таинственно глядит из глубины...* (Тютчев). Понимание Божественной славы заимствовано из Библии. Двойственную интерпретацию допускает только обиходная слава.

ЛКЗ 3. Этимологически имя *слава* связано с идеей слушания и, соответственно, получения и распространения сведений. Исходное этимологическое значение существительного *слава* — «слух, молва», на базе которого и возникло значение «честь, похвала». Задумывались ли вы над тем, чем отличается честь от славы? Для этого составьте на основе предложенного текста сравнительный портрет чести и славы, дополняя текст необходимыми для раскрытия его содержания компонентами (словами *честь* или *слава*). О какой «известности по качеству» идет речь? (Об истинной, нетленной славе.)

1. ... нужно сперва *приобрести*, ... же нуждается лишь в том, чтобы ее *не утратить*.
2. Неимение ... есть *неизвестность*; недостаток ... — *позор*.
3. Как трудно *добиться* ... , так легко *удержать* ее за собою.
4. ... *засчитывается* каждому, даже в кредит, остается только *сохранять* ее.
5. ... , напротив, не может быть *утрачена* никогда, ибо деяние или творение, которыми она *приобретена*, стоят незабывемо навсегда. (Артур Шопенгауэр. Афоризмы для усвоения житейской мудрости).

Ключ: 1 — слава, честь; 2 — слава, честь; 3 — слава; 4 — честь; 5 — слава.

ЛКЗ 4. Немецкий философ Артур Шопенгауэр рассматривает понятия славы и чести как слова-близнецы. Восстановите его афоризм.

Слава есть (определение?) близнец (определение?) чести.

Слова для справки: *бессмертный, смертный*.

Комментарий учителя

«Слово всегда готово, когда готово понятие», — писал Л.С. Выготский. Но современным ученикам трудно дается «переход от конкретики к обобщению и абстрагированию, от анализа к синтезу», поскольку концепт не сформирован [Мишатина, Цыбулько 2016: 149]. Сфера концептов — это сфера понимания. Поэтому так важны лингвокультурологические задачи на установление понятийной составляющей концепта «слава», позволяющие соединить

языковую семантику со знаниями о мире (ЛКЗ № 1–4), определить содержательный потенциал концепта «слава»: а) известность, б) бессмертие, в) награда (лавры), г) репутация, д) молва; провести сравнительный анализ славы и чести; славы обиходной, героической и Божественной.

ЛКЗ 5. Вспомните известное фразеологическое выражение, напоминающее, что слава является нравственным испытанием для человека; ср.: *Пройти огонь и воду, и медные трубы*. Что происходит со славой человека, который не выдержал испытание «медными трубами»? (Мирская слава может растаять, словно дым; может улечься в один момент и т.д.) Как сохранить себя, например, поэту под бременем славы?

Вспомним мудрый совет Пушкина:

Поэт! Не дорожи любовью народной.

Восторженных похвал пройдет минутный шум.

Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:

Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Комментарий учителя

«Пройти огонь и воду» — фразеологизм очень древний и интернациональный. Это выражение восходит к древнему мифологическому осмыслению огня и воды как очищающих, «испытывающих» стихий. В русском фольклоре образ огня и воды тоже весьма живой и активный: вспомните, как говорили о героях сказок — «в огне не горят и в воде не тонут» (испытания воли, смелости, мужества и т.д.). Добавление «...и медные трубы», видимо, появилось первоначально в военной среде в период Отечественной войны 1812 года. «Медные трубы» здесь не что иное, как испытание славой! (См. «Фразеологизмы в русской речи» А.М. Мелеревич и В.М. Мокиенко.)

ЛКЗ 6. Допишите предложение, используя глаголы с семантикой шума: *Медные трубы... (...гремят и грохочут.)*

Комментарий учителя

Обратим внимание учащихся на глаголы, которые «сопровожают» слово *слава* — *растет, увеличивается, возрастает* (глаголы с семантикой увеличения), *приходит, обрушивается*

(глаголы с семантикой движения), *увенчать, покрыть* (глаголы с семантикой покрытия), и предметные метафоры — *в расцвете, в зените, на вершине, на высоте, на гребне* славы (существительные с семантикой наивысшей точки), а также *ореол, бремя, тень* славы.

ЛКЗ 7. Назовите имя грека, который выбрал себе путь позорной славы. (Герострат.) Что вы о нем знаете? (Желая прославиться, поджег храм Артемиды Эфесской, считавшийся одним из семи чудес света. Был приговорен к смертной казни, а имя преступника было запрещено упоминать, но, благодаря историкам, имя Герострата дошло до наших времен.) Подберите синонимы к фразеологизму *Геростратова слава*. (*Позорная, преступная*.) А что значит в наши дни «украсть чужую славу»? Приведите примеры. (Плагат в сфере науки и искусства.)

ЛКЗ 8. Анализ эпизода из фильма «Троя» (разговор матери с Ахиллесом) немецкого кинорежиссера Вольфганга Петерсена (2004). Перед каким выбором ставит сына мать? Какой путь выбирает Ахиллес? (Путь героической, т.е. вечной славы.) Какую плату требует этот путь? Какое деяние должен совершить герой?

— Оставшись в Лариссе... ты обретишь мир. Возьмешь в жены юную деву. Она подарит тебе детей, и у них тоже появятся дети. И они будут любить тебя. А после кончины будут оплакивать. Но не станут твоих детей, уйдут их дети. И твое имя забудут. Отправившись в Трою... ты обретишь славу. Тысячи лет люди будут слагать легенды о твоих подвигах. Твое имя останется в веках. Но отправившись в Трою... ты не вернешься. Ибо славу твою держит за руку твоя гибель.

Выполняя это задание, ученики приходят к выводу: каждому человеку в жизни не раз придется сделать свой выбор, решить, по какому пути идти. Каждый выбирает этот путь сам и несет личную ответственность за этот выбор.

III. Рефлексия.

Таблица

Синквейны, отражающие мое отношение к путям достижения славы		Личные открытия на уроке
Путь добра	Путь зла	
Слава. Заслуженная, вечная. Возвышает, прославляет, растет. Слава героям! Бессмертие.	Слава. Скандальная, «желтая». Светиться, позориться, шуметь. Дешевая слава недолговечна. Известность.	

Синквейны, отражающие мое отношение к путям достижения славы		Личные открытия на уроке
Путь добра	Путь зла	
Слава. Почетная, уважаемая. Добиться, трудиться, достичь. Слава не дается с рождения! Признание	Слава. Недобрая, несправедливая. Оскорбляет, возмущает, унижает. Дурная слава впереди бежит. Зло	

Домашнее задание.

Напишите сочинение-эссе на тему «Мое отношение к славе».

Согласны ли вы с афоризмом: «Известность достигается только благодаря отвратительной репутации»?

Каким бывает бремя славы?

Лингвокультурологический урок — это урок современного типа. На таком уроке ученик в сотрудничестве с учителем, строя здание «живого знания», развивает способность переносить идею, выведенную из контекстуализации предметных знаний, в собственное проблемно-смысловое креативное поле сознания.

ЛИТЕРАТУРА

Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. — Волгоград, 2010. — С. 295—307.

Мишати́на Н.Л. Диалог с Обидой и Честью на уроках словесности // Русская словесность. — 2005. — № 2. — С. 66—73.

Мишати́на Н.Л. Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход: монография. — СПб., 2009.

Мишати́на Н.Л., Цыбулько И.П. Антропологическая лингвометодика: в поисках смысла,

содержания и оценивания / под ред. Н.Л. Мишатиной. — М., 2016.

Мишати́на Н.Л. Об инвентаризации терминологического аппарата методической лингвоконцептологии // Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития: монография / науч. ред. Н.Л. Мишати́на. — СПб., 2017.

REFERENCES

Karasik V.I. Yazykovaya kristallizatsiya smysla, Volgograd, 2010, pp. 295—307.

Mishatina N.L. Dialog s Obidoi i Chest'yu na urokakh slovesnosti, in *Russkaya slovesnost'*, No. 2, 2005, pp. 66—73.

Mishatina N.L. Metodika i tekhnologiya rechevogo razvitiya shkol'nikov: lingvokontseptotsentricheskii podkhod. Monografy, Sankt-Petersburg, 2009.

Mishatina N.L., Tsybul'ko I.P. Antropologicheskaya lingvometodika: v poiskakh smysla, soderzhaniya i otsenivaniya, ed. N.L. Mishatina, Moskva, 2016.

Mishatina N.L. Ob inventarizatsii terminologicheskogo apparata metodicheskoi lingvokontseptologii, in *Metodicheskaya lingvokontseptologiya: itogi i perspektivy razvitiya: monografy*, acad. ed. N.L. Mishatina, Sankt-Petersburg, 2017.

К сведению авторов!

Редакция осуществляет прием статей через сайт журнала «Русский язык в школе». Просим вас зарегистрироваться на сайте, чтобы иметь возможность отправить статью. Требования к оформлению материалов см. на сайте журнала, на странице «Авторам».

Адрес сайта: <http://www.riash.ru/>

Методическая лингвоконцептология: взгляд на сочинение в формате ЕГЭ

В статье рассматривается подготовка к написанию сочинения в формате ЕГЭ по русскому языку на основе лингвоконцептоцентрической методики. Основа предложенного урока – лингвоконцепт «старость» в текстах ЕГЭ.

Ключевые слова: *концепт; лингвокультурологический портрет слова; концепт «старость»; сочинение в формате ЕГЭ.*

Marina A. Baburina

Methodological Linguoconceptology: Focus on the Composition in USE Format.

The repetition to the composition in USE format writing is considered in the article on the base of linguoconcept oriented methodology. The offered lesson theme is "old age" linguoconcept in USE texts.

Key words: *concept; linguoculturological word image; "old" concept; composition in USE format.*

Подготовка к написанию сочинения в формате ЕГЭ по русскому языку – тема для методической литературы не новая. Авторы существующих пособий стремятся облегчить работу учителя старших классов, технологизировать процесс написания сочинения, сделать его более простым и понятным для школьников. Темы сочинений группируются по видам и типам проблем, пособия содержат речевые обороты, призванные помочь написать сочинение. Без этого «технологического» подхода действительно не обойтись при подготовке слабоуспевающего и мало читающего ученика к обязательному экзамену.

Но как сделать, чтобы процесс подготовки к ЕГЭ стал не только технологичным, но и развивающим?

Один из путей предлагает методическая лингвоконцептология. Подготовка

к сочинению строится от концепта, понятия, темы или общей идеи текста, которую можно на первом этапе работы над сочинением назвать словом (именем концепта), а на последующих этапах работать над построением **лингвокультурологического портрета слова** [Методическая лингвоконцептология 2017: 70–78].

Возьмем, например, тексты, которые объединяют поднятые в них проблемы одинокой старости и взаимоотношений взрослых детей с престарелыми родителями.

Работу над сочинением строим поэтапно. Вначале проводим **ассоциативный эксперимент**, формируя ассоциативное поле концепта. Предлагаем учащимся привести ассоциации к слову *старость* и записать их. Самые частотные из них: *одинокая старость, глубокая старость, бедная старость, нищенская старость*. Самые редкие: *счастливая старость, мудрая старость*.

Подобный ассоциативный ряд характерен не только для современных старшеклассников, но и, как отмечают исследователи этой темы, для русской культуры в целом: «В современном русском социуме образ старости ассоциируется, прежде всего, с физической неполноценностью, жалким и одиноким существованием. Большое количество повторяющихся подобных ассоциаций указывает на стандартизированный концептуальный образ старости в русской лингвокультуре» [Блинова 2009: 5].

Комментарий учителя

Обращаем внимание учеников, что в их ассоциативном поле практически отсутствует позитивный образ старости (например, на западе существует понятие старости как третьего возраста, т.е. возраста «активной старости»).

Марина Анатольевна Бабурина, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования

E-mail: mbkot@mail.ru

Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования

ул. Ломоносова, д. 11–13, 191002, Санкт-Петербург, Россия

State budgetary institution of additional vocational education St. Petersburg Academy of Postgraduate Teacher Education

11–13 Lomonosov Str., 191002, Saint Petersburg, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Бабурина М.А. Методическая лингвоконцептология: взгляд на сочинение в формате ЕГЭ // Русский язык в школе. – 2018. – № 5. – С. 41–44. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-41-44.

Вспоминаем, что в мифологическом сознании славян закреплён базисный архетип первобытной культуры, включающий образ старика-мудреца, которому приписывались функции советчика, контролера и помощника. Персонажи славянской мифологии являются, как правило, существами могущественными и вездесущими: у Пушкина «мудрый старец» — это «вдохновенный кудесник», «любимец богов», «заветов грядущего вестник». В религии старость также признаётся ценностью, одним из важнейших этапов бытия человека. Старик позиционируется как наставник, учитель, хранитель традиций, обычаев, опыта, бесценной житейской мудрости.

Второй этап освоения концепта — **составление словарного портрета имени**. Вместе с учениками создаём лексикографический портрет слова *старость* по материалам словарей различного типа. Старость является результатом процесса старения, т.е. *стареть* означает *состариться*, *устареть*, *достигнуть глубокой старости*, *самых преклонных лет*, *одряхлеть годами*, *стариться*, *дряхлеть*, *ветшать*, *изнашиваться* (разг.); о жен.: *отцветать*, *увядать*. Достигнув старческого возраста, человек становится *старым*, *стареньким*, *пожилым*, *староватым*, *старообразным*. Синонимическую парадигму с доминантой «старый» образуют прилагательные *престарелый*, *дряхлый*, *древний*, *пожилой*, *седой*, *поседлый*. Обращаясь к методу дефиниционного анализа лексемы *старый*, мы обнаруживаем, что главной в её значении является сема «немолодой, не новый». К видовым (дифференциальным) семам относятся «давность, длительность существования», «слабость, немощность», «угасание», «разрушение», «изношенность», «устойчивость». Все эти семантические компоненты проявляются в лексикографических словарях в различных значениях многозначной лексемы *старый*.

Также обращаемся к **этимологическому портрету** слова. Так, например, в этимологическом словаре Г.А. Крылова (URL: <http://www.slovopedia.com/25/192-0.html>) утверждается, что анализируемое слово восходит к той же основе, что и глагол *стать*, и буквально означает «ставший». Лексема *старый* была образована от индоевропейского корня *ста* — со значением «стать, стоять». Изначально у слова *старый* отсутствовала сема «человек, достигший старости», которая есть в его современном значении [Блинова 2009: 8].

Затем задаём вопрос, провоцирующий дискуссию: кто виноват в том, что пожилой человек в наше время иногда оказывается одиноким, брошенным, никому не нужным? Обычно разгорается спор. Одни старшеклассники винят в этом государство и общество («старость социально не защищена», «общественное гетто старости»), другие видят причины старческого одиночества в равнодушии родных и близких (позорный взгляд на старость как «время доживания», «обочину жизни»), третьи говорят об ответственности самого человека за свою жизнь. Часто результатом отстаивания своей позиции в споре становятся размышления на этические темы: о том, почему общество должно заботиться о стариках и инвалидах; о том, почему убийство стариков и детей издавна считалось самым бесчеловечным преступлением; о том, почему нельзя обижать слабых и др. Результатом этого этапа освоения имени концепта становится круг этических проблем, связанных с понятиями старости, беспомощности, одиночества.

На основе дискуссии формируем метафорически-образный портрет слова. С этой целью педагог даёт задание вспомнить метафоры, пословицы, поговорки, устойчивые сочетания, относящиеся к старости, к людям пожилого возраста. Результатом этого этапа работы с концептом становятся следующие материалы для размышления:

1) фразеологизмы и устойчивые сочетания: *на склоне лет*, *на закате лет*, *годы ушли/уходят*, *стоять одной ногой в могиле*, *песок сыпется*, *на покой уйти*, *седой как лунь*, *старая карга*, *старый пень*, *старая калоша*, *божий одуванчик*;

2) пословицы и поговорки: *Годы — что горе: борозды прокладывают*; *На старого и немощи валятся*; *Лето к осени дождливей, а люди к старости болтливей*; *Корми деда на печи: сам будешь там*; *Как жили деды да прадеды, так и нам жить велели*.

Анализируя лингвистический материал наивной языковой картины мира, отражённой в устойчивых сочетаниях и поговорках, приходим к выводу, что к старости в русской культуре отношение разное: и почтительное, подчеркивающее важность и значимость опыта человека, и отрицающее в своей семантике отрицательные черты характера старых людей: ворчливость, болтливость, склочность. Самыми

частотными в языке и речи являются метафоры, сравнивающие старость с поздней осенью, закатом («закат жизни»), увяданием.

Следующий этап — **чтение текстов**. Сопоставляя содержание отрывков из произведений К.Г. Паустовского и Б.П. Екимова, учитель обращает внимание учащихся как на схожесть тематики, так и на своеобразие формулировки основной проблемы. Именно это своеобразие, отличие одного текста от другого можно увидеть, сравнив тексты на одну тему и тем самым предупредив распространенную ошибку одиннадцатиклассников при формулировке проблемы в сочинениях ЕГЭ — «подгон» отдельного текста под уже существующее в речи и сознании заготовленное клише. Различие в акцентах поставленной проблемы должно выразиться потом и в разных видах комментирования исходного текста, а также в формулировке позиции автора, на которую указывает концовка:

— Не дай вам бог, родной мой, — сказала она мне, — дожить до такой одинокой старости! Не дай вам бог!

Я осторожно повел ее домой и подумал: как бы я был счастлив, если бы у меня была такая мама!

(По К.Г. Паустовскому).

Но тогда, в тот последний мой крымский вечер, и теперь, от Коктебеля вдаль, я вспоминаю о старой женщине без горечи и печали. Нашлись люди добрые, посидели возле нее, поговорили. А что еще нужно старому человеку? Теперь она зимует и ждет весны. Как и все мы, грешные, ждем тепла, небесного ли, земного. Любое — в помощь.

(По Б.П. Екимову).

В далеком городе дочь ее слышала и даже видела, прикрыв глаза, старую мать свою: маленькую, согбенную, в белом платочке. Увидела, но почуяла вдруг, как все это зыбко и ненадежно: телефонная связь, видение.

— Говори, мама... — просила она и боялась лишь одного: вдруг оборвется и, может быть, навсегда этот голос и эта жизнь. — Говори, мама, говори...

(По Б.П. Екимову).

Сравнивая тексты, приходим к выводу: в каждом отдельном случае проблема одинокой старости звучит по-разному и по-разному авторы формулируют свою позицию. Просим ребят записать ответы на вопросы, помогающие понять мнение авторов: к чему призывает автор предложенного отрывка? что считает автор?

что понимаем мы, читатели, прочитав текст? какова основная авторская идея? Записанное обсуждается в классе, выбираются самые удачные и глубокие формулировки. Таким образом, происходит освоение имени концепта на текстовой основе.

Комментарий учителя

На этом этапе важно увидеть многомерность художественного текста, что затем приведет к собственным размышлениям учащихся:

проблема старческого одиночества и позднего раскаяния, ощущения вины перед близким человеком за недоданное внимание, равнодушие и эгоистическую занятость своими делами в тексте К.Г. Паустовского;

проявление искреннего интереса и неформального внимания даже к незнакомому пожилому человеку не только помогает ему почувствовать себя лучше, но и дает самому человеку ощущение тепла «небесного» и «земного», помогает расти душой (во втором тексте);

понимание родными, что болтливость и надоедливость свойственна старости и слабости человека в этом возрасте и что и эти проявления материнской заботы дороги, потому что жизнь самого близкого человека хрупка и коротка, а дочернее внимание не должно быть формальным исполнением долга (в последнем тексте Б.П. Екимова).

Концептуальный анализ текста становится средством движения от слова к смыслу. Поскольку слово является именем концепта, то в процессе концептуального анализа текста совмещаются рефлексия лингвистическая (обращенная на значение) и рефлексия ноэтическая, смысловая, что указывает на свойственные данной культуре стратегии смыслообразования.

Четвертый этап — **этап индивидуального творчества**, этап написания сочинения и выражения в нем своего отношения к предмету обсуждения, этап «присвоения концепта». Собственное мнение по заявленной проблеме должно быть подтверждено убедительными аргументами-примерами. Как ни странно, часто школьникам куда легче подобрать так называемый первый аргумент-пример из литературного произведения, чем второй — «из жизненного опыта». Размышляя о проблеме одинокой старости, о проблеме взаимоотношений «отцов и детей», одиннадцатиклассники вспоминают роман И.С. Тургенева «Отцы и дети», снисходительное, чуть пренебрежительное и довольно равнодушное отношение Базарова к своим «старикам», роман Л.Н. Толстого «Война и мир»,

терпеливое, но полное горечи самоотречения отношение Николая Ростова к старой графине Ростовой или полное раскаяния и вины мысли княжны Марьи об умершем отце...

На этом этапе работы над сочинением происходит выстраивание «лестницы смыслов», «диалог» между читателем и писателем. Лингвокультурологический портрет концепта расширяется за счет межтекстуальных параллелей, включается в индивидуально-ценностную картину мира ученика, что способствует развитию растущего человека, освоению им основных духовно-нравственных ценностей.

Метапредметное освоение концепта происходит, когда в процессе подбора второго аргумента учащиеся переходят к собственному культурному багажу, обогащают который помогает обращение к разным видам искусства: музыке, живописи и т.д. В качестве второго аргумента при написании сочинения можно обратиться к серии портретов, созданных художником Александром Шиловым, в частности к картине, названной автором «Одиночество». На ней изображена пожилая женщина, сидящая за столом. Ее поза, несколько отрешенный взгляд, выщербленная кружка сразу обращают на себя внимание зрителя. На вопрос учителя: «Почему у картины такое название?» — вначале дается весьма поверхностный ответ: «Потому что она одна, потому что она печальная». Только внимательно всмотревшись, ребята замечают обручальное кольцо «не на том» пальце, высокую траву заросшего участка, видимого из окна, и две конфеты, одна из которых наполовину съедена. Эта деталь потрясает: только одинокие старые люди покупают себе две-три конфеты, два пряника или печенья...

Другими примерами «из жизненного опыта» учащихся могут стать песни, посвященные семье, родителям, родному дому, детству. После некоторого «мозгового» штурма вспоминаются песни: «Родительский дом» (автор слов М. Рябинин), «Поговори со мною, мама» (автор слов В. Гин), «Дорогие мои старики» (автор слов С. Осиашили), «Письмо матери» (автор О. Митяев). Прослушивание одной из песен, на выбор учеников, становится эмоциональной доминантой урока, пробуждает личное отношение к затронутой теме. «Концепты не только мыслятся, они переживаются...», — отмечает Ю.С. Степанов [Степанов 1997: 41]. Так, лично воспринятая тема текста, выраженная

в имени концепта, становится основой для написания сочинения. Закончить урок можно известным стихотворением Дмитрия Кедрина «Сердце» (1935).

Таким образом, при подготовке к написанию сочинения в формате ЕГЭ происходит освоение текста через концепт, через осознание его понятийного, образного и ценностного содержания [Мишатина 2009: 74].

В одной из своих работ Ю.М. Лотман размышлял, что при усвоении языка ребенком в его сознание вводятся не правила, а тексты, которые он запоминает и на основании которых учится самостоятельно их порождать [Лотман 2000: 417–425]. Поэтому тексты, используемые нами в качестве подготовки к ЕГЭ, не только выполняют учебную задачу, они влияют на развитие мысли и чувства, формируют систему ценностей, определяют поведение растущего человека.

ЛИТЕРАТУРА

Блинова И.С. Концепт «старость» в русской и немецкой лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2009.

Лотман Ю.М. Проблема обучения культуре как типологическая характеристика // Лотман Ю.М. Семiosфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. — СПб., 2000. — С. 417–425.

Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития / науч. ред. Н.Л. Мишатина. — СПб., 2017.

Мишатина Н.Л. Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход: монография. — СПб., 2009.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. — М., 1997.

REFERENCES

Blinova I.S. Kontsept «starost'» v russkoi i nemetskoi lingvokul'turakh: extended abstract of Ph candidate's thesis, Volgograd, 2009.

Lotman Yu.M. Problema obucheniya kul'ture kak tipologicheskaya kharakteristika, in Lotman Yu.M. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov*, Sankt-Petersburg, 2000, pp. 417–425.

Metodicheskaya lingvokontseptologiya: itogi i perspektivy razvitiya / nauch. red. N.L. Mishatina, Sankt-Peterburg, 2017.

Mishatina N.L. Metodika i tekhnologiya rechevogo razvitiya shkol'nikov: lingvokontseptotsentricheskii podkhod: monografy, Sankt-Petersburg, 2009.

Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury, Moskva, 1997.

Формирование лингвокультурологической компетенции обучающихся на бинарном уроке русского и английского языков

В статье рассматриваются вопросы формирования лингвокультурологической компетенции учащихся на бинарных уроках. В качестве примера приведен урок на тему «Образование причастий» в VI классе – «Загадки перевода» (сопоставление английского стиха «There was a crooked Man» с переводом К.И. Чуковского). Бинарные уроки позволяют расширить информационное пространство, культурологический контекст, дают возможность практического применения полученных сведений.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция; бинарный урок; работа с текстом; русский язык; английский язык; образование причастий; жанры фольклора; нонсенс; метапредметная компетенция.

Irina A. Grigorchenko

The Formation of Linguoculturological Competence of Students during Linguistics Studying: Binary Russian and English Language Lesson.

The problems of linguoculturological competence of students formation at binary lessons are considered in the article. The lesson on the theme "Participles formation" (6th form) is presented as example – "Translation Riddles" (the comparison of English little poem "There was a Crooked Man" with the translation by K.I. Chukovskii). The binary lessons allow to enlarge the information space, culturological context, give the opportunity apply the gain knowledge.

Key words: *linguoculturological competence; binary lesson; work with the text; Russian language; English language; participles formation; folklore genres; nonsense; metasubject competence.*

Приоритетами современного школьного образования являются личность ребенка, его духовно-нравственное воспитание, учебная деятельность как источник развития творческих способностей и личностных качеств школьника. Именно «ориентация на развитие личности учащегося... и научные исследования на стыке лингвистики и культурологии создали базу для активного формирования лингвокультурологического подхода в методике преподавания русского языка» [Левушкина, Электронный ресурс]. Такие направления методики преподавания русского

языка, как школьная лингвоконцептология [Мишатиная, Электронный ресурс] и лингвокультурологическая характеристика текста [Дейкина, Левушкина 2014; Левушкина, Электронный ресурс], ориентированы на обучение русскому языку с учетом широкого культурного контекста, включение учащихся в национально-культурное языковое поле. Изучение русского языка (прежде всего как родного) в тесной взаимосвязи с культурой «способствует воспитанию у школьников русского национального менталитета, уважения к другим народам, осознанию принадлежности своего народа к мировой семье народов» [Шанский 1997: 7].

Необходимо учитывать, что процесс обучения русскому языку как родному входит в систему обучения языкам, являясь при этом ведущим. Обучение русскому языку в таком случае становится центром полилингвальной образовательной системы, что делает возможным и необходимым осмысление и сопоставление языков и культур, их лексических и грамматических систем, способов проявления культуры в языке (подробнее см. об этом: [Дроздова 2016]).

Изучение русского языка как родного во взаимосвязи с другими языками сегодня

Ирина Александровна Григорченко, учитель русского языка и литературы, заслуженный учитель Российской Федерации

E-mail: irson-05@mail.ru

МБОУ «Маршинская гимназия» г. Ульяновска

ул. Л. Толстого, д. 97, 432000, Ульяновск, Россия

Mariinsky gymnasium

97 L. Tolstoy Str., 432000, Ulyanovsk, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Григорченко И.А. Формирование лингвокультурологической компетенции обучающихся в процессе изучения лингвистики: бинарный урок русского и английского языков // Русский язык в школе. – 2018. – № 5. – С. 45–50. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-45-50.

становится возможным в рамках бинарных уроков.

Проанализировав различные точки зрения на бинарные уроки [Олешков 2006], предложим следующее определение: бинарный урок — это урок, объединяющий содержание двух учебных дисциплин, решающий в тесном взаимодействии задачи двух учебных предметов.

По мнению исследователей, бинарные уроки имеют большие возможности воплощения межпредметных связей на качественно новой ступени обучения, способствуя созданию нового, целостного, системного взгляда на мир [Бахтина 2015: 130]; позволяют достичь метапредметных результатов и совершенствовать метапредметные компетентности учащихся. Для бинарных уроков характерны постановка интересной учебной задачи и самостоятельный поиск учащимися путей и вариантов ее решения, необычные задания, требующие творческого применения знаний в новых условиях, нетипичное место проведения занятия и т.д. Бинарный урок по своей природе является одной из форм проекта. Такие уроки позволяют интегрировать знания из разных областей для решения одной проблемы, формировать лингвокультурологическую компетенцию учащихся через сопоставительное изучение предметов, дают возможность применить полученные знания на практике.

Особенностями бинарного урока, отличающими его от интегрированного урока, являются скоординированное содержание двух учебных предметов и равный вклад в урок двух учителей.

Содержанием бинарных уроков может быть сопоставление лексических и грамматических систем, фразеологизмов, текстов, способов коммуникации, проявлений культуры в языке.

Рассмотрим бинарный урок «Загадки перевода» (сопоставление английского стиха «There was a crooked Man» с переводом К.И. Чуковского) в рамках изучения темы «Образование причастий». Данный урок ведут два учителя: русского и английского языков. Их общая цель — развивать навыки работы с текстом, но каждый учитель также ставит и конкретную цель по своему предмету. Цель учителя русского языка — закрепление знаний, умений и навыков по теме «Образование причастий»: необходимо показать учащимся роль причастий в тексте, сравнить образование

причастий в русском и английском языках, чтобы систематизировать языковедческие знания. Учитель английского языка ставит другую цель — закрепить полученные сведения по грамматике, познакомить с английским фольклором, научить работать с этимологическим словарем, показать, как много общего у двух народов.

При подготовке и проведении данного урока применяются системно-деятельностный и культурологический подходы, используется исследовательская технология. На уроке отрабатываются навыки работы со словом, умения анализировать текст, идет повторение Past Simple, правильных и неправильных глаголов (на английском языке), способов образования действительных и страдательных причастий в русском языке, объясняется образование причастий в английском языке. Школьники учатся формулировать цели урока, выделять причинно-следственные связи, прогнозировать результат. В течение урока оценивают свою работу (на каждом этапе урока выставляют отметки в «Лист оценивания»). Используются приемы самопроверки, взаимопроверки по образцу, проверки учителем. На уроке создается ситуация учебного сотрудничества.

Для **эмоционального включения** учащимся предлагается составить ассоциативный ряд к слову *счастье*. Ребята называют слова *радость, солнце, друзья, дом, мир...* Учитель сообщает, что на уроке они будут работать с текстом детского английского стиха «There was a crooked Man» и с переводом, выполненным К.И. Чуковским, сопоставят, как раскрывается понятие «счастье» в обоих текстах.

Актуализация знаний о жанрах фольклора

Обращаем внимание на те понятия, которые будут нужны нам на уроке. Начинает учитель английского языка. Он рассказывает, что в английском языке всё многообразие стихов, песенок, колыбельных и считалочек для самых маленьких называется *nursery rhymes*. Дословно это словосочетание можно перевести как «детские рифмы» (т.е. рифмованные тексты для детей). Чтобы так называться, детский стишок должен быть «старым», «традиционным» и «хорошо известным». Названию жанра — *nursery rhymes* — можно найти аналог в русском языке.

Ребятам задается вопрос: от какого слова образовано слово *nursery*? (От слова *nurse* — «няня, нянчить, пестовать».) Предлагается

дословно перевести *nursery rhyme*, в результате чего получается, что *nursery rhyme* — это не просто «детские рифмы», но «рифмы, которыми нянчат, пестуют».

Учитель русского языка просит подобрать аналог таким произведениям из русского фольклора, и ребята вспоминают, что русские детские стихи и песенки называются «пестушки».

Учитель английского языка обращает внимание, что учащиеся разобрали понятие «*nursery rhymes*» и непосредственно слово *nursery* с литературной точки зрения. Надо прояснить несколько моментов по употреблению слова *nurse* и образованного от него слова *nursery*. Учитель задает вопросы учащимся:

— Как переводится слово *nurse*? («Няня», если это существительное, и «нянчить, вскармливать», если это глагол.)

Учитель отмечает, что это не совсем так. В современном английском языке слово *nurse* гораздо чаще встречается в значении «медсестра».

— Тогда как же на английском сказать няня? (*A babysitter/a nanny*.)

Слово *nursery* также часто употребляется в наши дни. Оно означает «детская комната».

В результате работы с понятием «*nursery rhymes*» учащиеся приходят к выводу, что в английском языке, как и в русском, значение слов меняется, поэтому не всегда бывает просто сделать перевод.

Английский стишок «*There was a crooked Man*», с которым ребята будут работать на уроке, относится к *nursery rhymes*, поэтому проделанная работа подготавливает к работе с текстом и настраивает на восприятие жанровых особенностей. (Данный этап урока активизирует мыслительную деятельность учащихся, позволяет увидеть лексическую полисемию в английском языке.)

Следующий этап урока — это **словарная работа**, которую проводит учитель русского языка.

Английский стишок «*There was a crooked Man*» — это нонсенс. Именно с этим словом проводится словарная работа.

Сначала школьники пытаются самостоятельно определить лексическое значение слова, потом смотрят значение в словаре иностранных слов, затем записывают словарную статью «нонсенс»:

1. Нечто нелепое, бессмысленное.

Синонимы: *абракадабра, бессмыслица, нелепица, тарабарщина, бред*.

2. То, что противоречит здравому смыслу [Васюкова 1998: 428].

К этой записи ребята будут обращаться в течение урока, так как и английский стишок, и перевод, выполненный К.И. Чуковским, — нонсенс. Учащиеся должны запомнить это определение и использовать его в своей речи.

Чтобы помочь учащимся сформулировать тему урока и поставить цели, предлагается текст об особенностях английского юмора. Эту работу тоже проводит учитель русского языка.

Работа с текстом

Задание: сформулировать тему текста, подчеркнуть ключевые слова, определить основную мысль текста.

Англичане испокон веков славятся своеобразным чувством юмора, любят забавные истории, каламбуры, всяческие небылицы. Малым формам английского фольклора свойственно эксцентрическое видение мира, комическое нарушение обыденной логики, восприятие окружающего мира шиворот-навыворот. Слово в фольклорных текстах во всех его формах, значениях и смыслах становится предметом игры. Словесная литературная игра основана на знании языка, его лексики, грамматики, семантики.

Стихи, песни, считалки и другие малые фольклорные жанры принадлежат к классической детской английской поэзии, являются ярко выраженным идеалом народного воспитания, выразительным образцом художественного языка.

Стихи и песенки Корнея Чуковского зачастую являются не столько переводами, сколько произведениями, написанными по мотивам английского фольклора. Один из самых известных подобных переводов — это перевод «бессмыслицы» «*There was a crooked Man*» [Детская литература, Электронный ресурс].

Этап целеполагания

На следующем этапе урока, который проводит учитель русского языка, учащиеся сначала определяют тему урока, а затем формулируют цели (познакомиться с текстом английского стишка и сравнить с переводом К.И. Чуковского; повторить способы образования причастий в русском и английском языке; выяснить, что нужно человеку, чтобы быть счастливым).

Работа с текстом

Работа с текстом начинается с чтения стихотворения «There was a crooked man». Ребята работают с учителем английского языка.

There was a crooked man, and he went a crooked
mile;
He found a crooked sixpence against a crooked
stile;
He bought a crooked cat, which caught a crooked
mouse;
And they all lived together in a little crooked
house.

[Poetry Foundation, Электронный ресурс]

Учащиеся читают стихок вслух. Делятся своими впечатлениями, обращают внимание на повторяющееся слово *crooked*. Делают в парах перевод. Наибольшие затруднения вызывает перевод глаголов *found*, *bought*, *caught*, так как это формы Past Simple неправильных глаголов. Учащиеся вспоминают, что эти глаголы показывают, что действие происходило в прошлом, причем действие завершённое, не имеющее связи с настоящим. Указателями являются слова *yesterday*, *ago*, *last*. Учитель предлагает учащимся вспомнить способы образования глаголов и просит «вырезать» из текста все глаголы, а затем распределить их по колонкам: правильные и неправильные. Ученики обращаются к стишку без глаголов и делают вывод

о том, что без данной части речи понять текст можно, но нет действия, нет развития событий, потому что в этой английской песенке используются глаголы действия.

Затем учитель предлагает прочитать текст без слова *crooked* («кривой») и поразмышлять о том, стал бы стишок известен без этого слова. Ребята определяют, что слово *crooked* — ключевое слово, постоянно повторяющееся в тексте (в трех строфах по два раза, в последней строфе один раз). Это слово не только создает ситуацию игры, но и лишает смысла весь текст, так как акцент смещается с действия на слово *crooked*. В итоге ребята определяют, что этот текст относится к жанру нонсенса. С этим словом проводилась словарная работа, поэтому учащимся понятно значение, а особенности жанра они выявляют во время работы с текстами (английским и русским).

Этап лингвистического анализа текста

На следующем этапе школьники работают с текстом, который получили в начале урока, выделяют причастия и указывают их морфологические признаки. Далее вспоминают способы образования причастий в русском и английском языках.

Учитель русского языка просит рассказать об образовании причастий по схемам и заполнить таблицу своими примерами (можно использовать все тексты на русском языке, с которыми ведется работа на уроке).

Таблица

Действительное причастие наст. вр.	Действительное причастие прош. вр.
Страдательное причастие наст. вр.	Страдательное причастие прош. вр.

Учитель английского языка объясняет, что в английском причастия называются participles. Причастий — 3 формы: participle I (причастие настоящего времени), participle II / past participle (причастие прошедшего времени) и perfect participle.

Вспомним три формы некоторых глаголов из стишка: *buy — bought — bought*, *catch — caught — caught*, *fin — found — found*. Третья форма глагола — это и есть participle II. Причастия данного вида переводятся на русский страдательными причастиями прошедшего времени (*купленный*, *пойманный*, *найденный*).

Составим несколько предложений. (*Кошка, купленная кривым человечком,*

поймала кривую мышку. Кривая мышка, пойманная кривой кошкой, подружилась с кривым человечком и т.д.)

Анализ ключевых слов

Следующий этап работы, который проводит учитель русского языка, — анализ стихотворения К.И Чуковского «Скрюченная песенка» [Чуковский, Электронный ресурс]. Наибольший интерес представляет работа с ключевым словом *скрюченный*.

Под руководством учителя русского языка учащиеся выстраивают словообразовательную цепочку слова *скрюченный*.

Учитель английского языка говорит, что слово *crooked* переводится как «кривой». Почему К.И. Чуковский использовал

слово *скрюченный*? Вот главная загадка урока. Чтобы найти ответ, надо обратиться к словарям.

Англия (англ. England) — южн. и средн. часть о. Великобритания. <...> Современное англ. назв. из древнеангл. *Engenaland* «страна англов». Англы — германское племя, переселившееся на этот остров в V–VI вв. Эгнотизм из древнегерм. *ang* «угол»: до переселения англы обитали на изгибе перешейки, соединяющего Ютландию с материком, у Фленсбургского залива Балтийского моря... [Никонов 1966: 25].

Учащиеся работают с этимологическим онлайн-словарем, в котором находят значение слова *Angle*.

Angle (v.) — «to fish with a hook,» mid-15c., from Old English *angel* (n.) «angle, hook, fishhook,» related to *anga* «hook,» from PIE **ang-/*ank-* «to bend». Old English *angul*, Old Norse *öngull*, Old High German *angul*, German *Angel* «fishhook» [Online Etymology Dictionary, Электронный ресурс].

Слово *Angle* (глагол) имеет значение «рыбачить с помощью крючка», оно образовано от древнеанглийского *angle* (сущ.) «угол, крюк, рыболовный крючок», родственное *anga* «крюк».

В этимологии слова *Англия* заложено значение слова *крюк*. И географическое положение страны (это остров, со всех сторон омываемый морями), и основной промысел англичан (рыбная ловля) связаны с крюком. Таким образом, слово *скрюченный* — это своеобразное кодовое слово, расшифровав которое, мы понимаем, почему стихотворение М.И. Чуковского «Скрюченная песенка» отсылает нас к английскому фольклору.

Подведение итогов урока проводится двумя учителями.

В конце урока учащиеся делают вывод о понимании счастья разными народами, сопоставляя героев английского стиха «There was a crooked man» и «Скрюченной песенки» К.И. Чуковского. Учителя задают вопрос, что делает человека счастливым. Учащиеся говорят, что у каждого народа свое представление о счастье и у каждого человека — свое, но все хотят жить на свете и иметь дом и друзей. И наше представление о счастье, о котором говорили в начале урока, совпадает с тем, что мы увидели в стихах.

На **этапе рефлексии** учащиеся определяют, что нового узнали, что было особо интересно, что не понравилось, и заносят

ответы в «Лист оценивания». Школьники отмечают, что их заинтересовала работа со словом *скрюченный*. Поиск информации о слове в разных словарях, сопоставление со словом *crooked*, составление словообразовательной цепочки, выявление морфологических признаков — всё это стало настоящим открытием на уроке.

Данный урок позволил решить поставленные задачи: повторить способы образования причастий в русском языке и сопоставить с образованием причастий в английском языке, применить полученные знания на практике при анализе текстов, создать ситуацию учебного сотрудничества; совершенствовать умение работать со словарями, развивать творческое воображение, монологическую речь.

В целом же к преимуществам бинарных уроков можно отнести то, что расширяется информационное пространство, культурологический контекст, появляется возможность практического применения полученных сведений. На бинарных уроках филологического цикла учащиеся пробуют себя в роли переводчиков, лингвистов, т.е. получают навыки профессионального самоопределения. Интеграция дает больший охват знаний. Урок становится более практическим, так как в жизни при решении той или иной задачи мы пользуемся совокупностью знаний, а не замыкаемся на одном предмете. Дети справляются с практическими заданиями, привлекая все свои знания. Бинарные уроки — это реализация творческого потенциала учащихся и учителя, это возможность показать взаимосвязь различных предметов, это расширение границ урока. Такие уроки способствуют формированию метапредметных компетенций учащихся, учат работать со справочной литературой. Очень часто после проведения бинарных уроков у ребят возникает желание узнать больше по той теме, которая была предложена, и они дополняют материал проектными работами.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтина Е.С. Бинарный урок как одна из форм реализации межпредметных связей в преподавании иностранного языка // Языки. Культура. Этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты. Марийский государственный университет (Йошкар-Ола). — 2015. — № 1. — С. 125–130.

Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. — М., 1998.

Дейкина А.Д., Левушкина О.Н. Методический потенциал лингвокультурологических характеристик текста в школьном обучении русскому языку // *Русский язык в школе*. — 2014. — № 4. — С. 12–17.

Детская литература англоязычных стран: учебно-методическое пособие для студентов и преподавателей пед. колледжей / автор-сост.: Т.Ю. Егорова. — Вологда, 2005 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/det/det.pdf> (дата обращения: 22.03.2018).

Дроздова О.Е. Основы языкознания для школьников: 5–8 классы: факультативный курс: методическое пособие. — М., 2016.

Левушкина О.Н. Лингвокультурологические характеристики текста в школьном обучении русскому языку: теория и практика: дис. ... д-ра. пед. наук [Электронный ресурс]. — URL: <http://diss.seluk.ru/di-pedagogika/749168-1-lingvokulturologicheskie-harakteristiki-teksta-shkolnom-obuchenii-russkomu-yaziku-teoriya-praktika.php> (дата обращения: 22.03.2018).

Мишати́на Н.Л. Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход: дис. ... д-ра пед. наук [Электронный ресурс]. — URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-metodika-i-tehnologiya-rechevogo-razvitiya-shkolnikov-lingvokontseptotsentricheskij-podhod> (дата обращения: 22.03.2018).

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. — М., 1966.

Современный образовательный процесс: основные понятия и термины / авт.-сост. М.Ю. Олешков, В.М. Уваров. — М., 2006.

Чуковский К.И. «Скрюченная песня» [Электронный ресурс]. — URL: <http://chukovskiy.ouc.ru/skryuchennaya-pesnia.html> (дата обращения: 22.03.2018).

Шанский Н.М. Иностранные языки на уроках русского языка (Статья первая) // *Русский язык в школе*. — 1997. — № 1. — С. 3–11.

Poetry Foundation [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/46948/there-was-a-crooked-man-56d22710e66f5> (дата обращения: 22.03.2018).

Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.etymonline.com/>

REFERENCES

Bakhtina E.S. Binarnyi urok kak odna iz form realizatsii mezhpredmetnykh svyazei v prepodavanii inostrannogo yazyka, in *Yazyki. Kul'tura. Etnosy.*

Formirovanie yazykovoi kartiny mira: filologicheskii i metodicheskii aspekty, Mari State University (Ioshkar-Ola), No. 1, 2015, pp. 125–130.

Vasyukova I.A. Slovar' inostrannykh slov, Moskva, 1998.

Deikina A.D., Levushkina O.N. Metodicheskii potentsial lingvokul'turologicheskikh kharakteristik teksta v shkol'nom obuchenii russkomu yazyku, in *Russkii yazyk v shkole*, No. 4, 2014, pp. 12–17.

Detskaya literatura angloyazychnykh stran: study guide for students and teachers of ped. colleges, compiler T. Yu. Egorova, Vologda, 2005, at: <https://www.booksite.ru/fulltext/det/det.pdf> (22.03.2018).

Drozдова O.E. Osnovy' yazy'koznaniya dlya shkol'nikov: 5–8 klassy': fakul'tativny'j kurs: metodicheskoe posobie. — Moskva, 2016.

Levushkina O.N. Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki teksta v shkol'nom obuchenii russkomu yazyku: teoriya i praktika: Ed. doctor's thesis, available at: <http://diss.seluk.ru/di-pedagogika/749168-1-lingvokulturologicheskie-harakteristiki-teksta-shkolnom-obuchenii-russkomu-yaziku-teoriya-praktika.php> (22.03.2018).

Maslova V.A. Lingvokul'turologiya: study guide for stud. of higher inst., Moskva, 2001.

Mishatina N.L. Metodika i tekhnologiya rechevogo razvitiya shkol'nikov: lingvokontseptotsentricheskii podkhod: Ed doctor's thesis, available at: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-metodika-i-tehnologiya-rechevogo-razvitiya-shkolnikov-lingvokontseptotsentricheskij-podhod> (22.03.2018).

Oleshkov M. Yu. Sovremennyi obrazovatel'nyi protsess: osnovnye ponyatiya i terminy, Moskva, 2006.

Tikhonov A.N. Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: in 2 vol., 2nd issue, stereotype, Moskva, 1990.

Chukovskii K.I. "Skryuchennaya pesnya", available at: <http://chukovskiy.ouc.ru/skryuchennaya-pesnia.html> (22.03.2018).

Shanskii N.M. Inostrannye yazyki na urokakh russkogo yazyka (Stat'ya pervaya), in *Russkii yazyk v shkole*, No. 1, 1997, pp. 3–11.

Poetry Foundation, available at: <https://www.poetryfoundation.org/poems/46948/there-was-a-crooked-man-56d22710e66f5> (22.03.2018).

Online Etymology Dictionary, available at: <http://www.etymonline.com/>

«Как же вам угодно именоваться?» («Удвоенные» имена персонажей в произведениях М.А. Булгакова)

Автор статьи систематизирует таутонимы – удвоенные имена персонажей – в произведениях М.А. Булгакова, устанавливает их прообразы, раскрывая биографические детали, проводит параллели между персонажами произведений разных авторов, определяет особенности функционирования таутонимов в художественном тексте.

Ключевые слова: таутоним; прототип; художественный прием; травестийный прием; маркер; карнавальность.

Evgenii A. Yablokov

«Kak zhe Vam Ugodno Imenovat'sya?» ("How do You Prefer to Be Called?") ("Double" Names of Characters in M.A. Bulgakov's Works).

The author of the article systemizes the tautonyms ("double" names of characters) in M.A. Bulgakov's works, sets their foretypes discovering the biographical specifics, draws a parallel between characters of different authors' works, determines the special aspects of tautonyms functioning in the literary texts.

Key words: tautonym; foretype; artistic device; travesty device; marker; carnality.

Среди множества поэтонимов (имен персонажей) русской литературы особую группу составляют случаи, когда наряду с личным именем указан тождественный ему патроним, отчество, например: *Сергей Сергеевич Скалозуб* в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», *Максим Максимыч* в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова, *Илья Ильич Обломов* у И.А. Гончарова, *Петр Петрович Белокуров* в рассказе А.П. Чехова «Дом с мезонином»,

палач с таким же именем в романе В.В. Набокова «Приглашение на казнь» и пр. Для обозначения подобных «удвоенных» имен в русской ономастике существует термин *таутоним* (см.: [Пеньковский 2004: 331; Подольская 1988: 124]). Наша цель – систематизировать булгаковские таутонимы и по возможности объяснить логику их функционирования в произведениях писателя.

«Удвоенные» имена у Булгакова – особый художественный прием (см.: [Яблоков 2001: 226]), обусловленный, в частности, влиянием Н.В. Гоголя (см.: [Кондакова 2001]). Носители таутонимов довольно многочисленны; в 14 булгаковских текстах нами обнаружено 24 соответствующих персонажа¹ (все мужского пола),

Евгений Александрович Яблоков, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: ejablokov@prosc.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт славяноведения, Российская академия наук

Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, 119991, Россия

Institute of Slavic Studies, The Russian Academy of Sciences

32-a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Яблоков Е.А. «Как же вам угодно именоваться?» («Удвоенные» имена персонажей в произведениях М.А. Булгакова) // Русский язык в школе. – 2018. – № 5. – С. 51–58. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-51-58.

¹ Заметим, что у Гоголя их почти вдвое меньше (по нашим подсчетам – 14):

- Акакий Акакиевич Башмачкин, Иван Иванович Ерошкин («Шинель»);
- Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, Лука Лукич Хлопов («Ревизор»);
- Балтазар Балтазарович Жевакин («Женитьба»);
- Иван Иванович Перерепенко, а также гости на ассамблее у миргородского городничего: «...Тарас Тарасович... Евтихий Евтихиевич,

среди них 21 — «авторский», два «унаследованных» (перешедших в булгаковские инсценировки из произведений Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого), а также один «чужой», имя которого отсылает к неназванному, но узнаваемому тексту.

Для удобства изложения двинемся в «обратном» порядке: начнем с последнего случая, когда в сознании персонажа возникает «чужой» таутоним (причем присутствует и «одноименная» фамилия). Имеется в виду повесть «Записки на манжетах» (1922), где герой-рассказчик вспоминает «Ивана Ивановича Иванова» [1: 434]². Ближайшая ассоциация в данном случае — тематический номера журнала «Сатирикон» (1913, № 34), целиком посвященный этому условному обывателю; «эмблематический» персонаж с тем же именем и похожим смысловым «ореолом» фигурирует в романе А. Белого «Петербург»³

Иван Иванович — не тот *Иван Иванович*, а другой... *Елевферий Елевфериевич*» («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»);

- *Петр Петрович Петух, Федор Федорович Перекроев* («Мертвые души»);
- *Пифагор Пифагорович Чертокуцкий* («Коляска»);
- *Федор Федорович* («Лакейская»).

Особая тема — развитие поэтонимической традиции Гоголя в русской литературе XIX — начала XX в. Вспомним хотя бы повесть Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859), где фигурируют *Фома Фомич Опискин* и *Иван Иванович Мизинчиков*, в именах которых «проступают» персонажи «Шинели» *Акакий Акакиевич Башмачкин* (ср. общенные ассоциации имени *переписчика Акакий* и фамилии *Опискин*) и его крестный отец, «столоначальник в сенате» *Иван Иванович Ерошкин*.

² Цитаты по: Булгаков 2007—2011 приводятся с указанием тома и страницы.

³ С автором «Петербурга» Булгаков в 1920-х гг. был лично знаком, и поэтонимические игры Белого вполне могли оказать на него влияние, в том числе в аспекте употребления «удвоенных» имен, которых в романе немало. Помимо *Ивана Ивановича Иванова*, это прежде всего *Аблеухов-старший*, в связи с которым сам Белый отмечал реминисценции из гоголевской «Шинели»: «*Аполлон Аполлонович*... в аспекте “министра” — значительное лицо; в аспекте обывателя — *Акакий Акакиевич*» [Белый 1996: 324]. Подчиненный Аполлона Аполлоновича *Герман Германович* [Он же 1981: 33] — пародийный двойник *Аблеухова-младшего* как предполагаемого Софьей Петровной Лихутиной

(1913) [Белый 1981: 205]. Образ *Ивана Ивановича Иванова* возникает во второй части «Записок на манжетах», когда прибывший в Москву герой по дороге с вокзала вместе со случайной попутчицей, курсисткой-медичкой, заезжает к ее отцу, чтобы разгрузить целый воз доставленных с поездом продуктов. Отец курсистки, в голодное время не имеющий проблем с продовольствием, мыслится как живой персонаж сатирического журнала 10-летней давности:

Ни грозы, ни бури не повалили бессмертного гражданина *Ивана Ивановича Иванова*. <...> Будут еще бури. Ох, большие будут бури! И все могут помереть. Но папа не умрет! [1: 434—435].

Однако, ожидая, пока разгрузят чужие продукты, герой разглядывает висящую напротив «папиного» подъезда афишу с заглавием «Дювлам»: *Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского* [1: 434]. Заметим, что в названии этого состоявшегося 19 сентября 1921 г. поэтического вечера (см.: [Литературная жизнь 2005: 168]) было случайно либо намеренно пропущено существенное со знанием «деятельность» («работы», «творчества» и т.п.), поэтому создается впечатление, будто речь идет о дне рождения мальчика-подростка. Развивая словесную игру, Булгаков прибавляет число 12 с афиши к реальному возрасту поэта, которому осенью 1921 г. было 28 лет, — возникает карикатурный инфантильный мещанин «Маяковский», напоминающий непотопляемого «папу»:

Он лет сорока, очень маленького роста, лысенький, в очках, очень подвижной. Коротенькие подвернутые брючки. Служит. Не курит. У него большая квартира, с портьерами... Живет в кабинете с нетопящимся камином. Любит сливочное масло, смешные стихи и порядок в комнате [1: 434].

Дополнительным стимулом к отождествлению Маяковского с *Иваном Ивановичем Ивановым* служит то, что поэт, известный

«Германа» из «Пиковой дамы». При этом мужа Софьи Петровны зовут *Сергеем Сергеевичем* [Там же: 48]. Николая Аполлоновича преследует в воображении «шаровидный толстяк-господин» *Пепп Пептович Пепп* [Там же: 227], чье имя имеет звукоподражательное происхождение и связано с мотивом всеобщего взрыва. Таутонимом отмечена и женщина — гувернантка *Аблеухова-младшего Каролина Карловна* [Там же: 227]; кстати, это реальное имя — оно принадлежало бонне будущего писателя, обучавшей его немецкому языку [Там же: 668].

антимещанскими инвективами («О дряни» (1921) и пр.), печатался (с 1915 г.) в «Новом Сатириконе», — у Булгакова же, по логике травестики, «Маяковский» уподоблен объекту сатириконских сарказмов.

Добавим, что в конце того года, когда вышел номер журнала, посвященный *Ивану Ивановичу Иванову*, Маяковский предпринял турне по России вместе с двумя другими футуристами — Каменским и Бурлюком. В январе 1914 г. они выступали в Киеве, и тогдашний киевский студент Булгаков, даже если не присутствовал на их вечерах, мог узнать о них из газет (см.: [Харджиев 1997: 13, 33]). В контексте нашей темы примечательны имена трех поэтов-гастролеров: *Владимир Владимирович*, *Василий Васильевич* и *Давид Давидович* — «однотипность» (которую они сами подчеркивали) воспринималась как элемент футуристического эпатажа [Каменский 1968: 156]. Таким образом, в «Записках на манжетах» таутоном является знаком литературной аллюзии, элементом сложной игры (подробнее о взаимопародировании Булгакова и Маяковского см.: [Яблоков 1994]).

Что касается булгаковских инсценировок — здесь о персонажах — носителях таутонимов, трудно сказать нечто содержательное. В пьесе «Мертвые души» (1931) это жандармский полковник *Илья Ильич* [6: 324] (в поэме Н.В. Гоголя имя принадлежит неизвестному жителю города NN), чья меркантильность позволяет Чичикову избежать суда и покинуть город. В пьесе «Война и мир» (1932), как и в толстовском романе, имеется второстепенный персонаж *Степан Степанович Апраксин* [6: 397]; у Толстого его фамилия — Адраксин [Толстой 1940: 94], Булгаков же использовал реальную фамилию прототипа С.С. Апраксина. Но никаких специальных мотивировок этих двух поэтонимов в булгаковских текстах, по-видимому, нет.

Перейдем к таутономам, принадлежащим «собственно» Булгакову. Сначала перечислим соответствующих персонажей в алфавитном порядке имен и по хронологии произведений (указывается страница, на которой конкретный таутоном упоминается впервые):

1. *Альберт Альбертович* [5: 424] — роман «Записки покойника» (1937).
2. *Андрей Андреевич* [5: 506] — «Записки покойника».
3. *Антон Антонович Княжевич* [5: 395] — «Записки покойника».

4. *Арнольд Арнольдович* [5: 435] — «Записки покойника».

5. *Артур Артурович* [2: 45] — повесть «Дьяволиада» (1923).

6. *Артур Артурович* [4: 282] — драма «Бег» (1928).

7. *Арчибальд Арчибальдович* [7: 78] — роман «Мастер и Маргарита» (1938).

8. *Виктор Викторович Мышлаевский* [1: 87; 4: 6] — роман «Белая гвардия» (1924) и пьеса «Дни Турбиных» (1926).

9. *Влас Власович Власов* [3: 431] — фельетон «Повестка с государем императором» (1924).

10. *Ларион Ларионович Суржанский* [1: 219; 4: 14] — «Белая гвардия» и «Дни Турбиных».

11. *Леопольд Леопольдович* [2: 270, 323] — рассказы цикла «Записки юного врача»: «Полотенце с петухом» (1926) и «Тьма египетская» (1926).

12. *Назар Назарыч* [3: 365] — фельетон «Рассказ Макара Девушкина» (1924).

13. *Петр Петрович* [5: 390–391] — «Записки покойника».

14. *Петр Петрович Бомбардов* [5: 464] — «Записки покойника».

15. *Полиграф Полиграфович Шариков* [2: 216] — повесть «Собачье сердце» (1925).

16. *Ричард Ричардович* [6: 562] — план последней пьесы (1939).

17. *Савелий Савельевич* [6: 21] — пьеса «Адам и Ева» (1931).

18. *Феликс Феликсович Най-Турс* [1: 312] — «Белая гвардия».

19. *Ферапонт Ферапонтович Капорцев* [3: 665] — фельетон «Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева» (1925).

20. *Филипп Филиппович Преображенский* [2: 152] — «Собачье сердце».

21. *Филипп Филиппович Тулумбасов* [5: 432] — «Записки покойника».

(Сюда не входят таутонимы, возникавшие в черновых редакциях романа «Мастер и Маргарита» на разных этапах работы и исключенные автором: *Николай Николаевич* [Булгаков 2014, 1: 90], *Антон Антонович Берлиоз* [Булгаков 2014, 1: 109], *Александр Александрович Берлиоз* [Булгаков 2014, 2: 92]).

Часть представленных в списке персонажей (№ 1, 4, 9, 12, 17, 19) — эпизодические, однократно упоминаемые, их таутонимы не играют особой роли. Например, тот факт, что имя *Влас Власович Власов* создано по модели *Ивана Ивановича Иванова*, не вносит в содержание фельетона ничего нового, разве что добавляет в образ персонажа элемент условности. Малочастотные имена *Альберт Альбертович*, *Арнольд Арнольдович*, видимо, соответствуют «странный» атмосфере романа «Записки покойника», где, кстати, число таутонимов (7) гораздо выше,

чем в других текстах Булгакова («Белая гвардия» — 3; «Дни Турбиных» и «Собачье сердце» — по 2).

В ряде случаев есть возможность реконструировать (хотя бы предположительно) мотивировку таутонима, проследить отсылку к реальному человеку, историческому либо литературному персонажу. Так, в «Записках покойника» администратор Учебной сцены *Петр Петрович* (без фамилии), «мрачный и замкнутый» [5: 390–391], — это администратор Второй студии МХАТа, затем артист театра *Иван Иванович Гедике* (игравший, кстати, лакея Федора в «Днях Турбиных»): сохранив таутоном, Булгаков заменил одно широко распространенное имя на другое.

Прототип «заведующего приемом пьес» в Независимом театре *Антон Антонович Княжевича* [5: 395] — *Василий Васильевич Лужский*, актер и режиссер МХАТа. Имя *Антон Антонович* напоминает о двух литературных персонажах: Загорецком из «Горя от ума», охарактеризованном как «отъявленный мошенник, плут» [Грибоедов 1988: 93], и корыстном Городничем из комедии «Ревизор». Вместе с тем можно (с большой осторожностью) предположить, что выбор таутонима обусловлен ассоциацией с А.А. Дельвигом: на выпущенной в 1903 г. открытке с фотографией Лужского⁴ он в овальных очках, весьма напоминающих очки Дельвига на известном портрете работы Ф.П. Бореля⁵; фамилия *Княжевич*, возможно, пародирует баронский титул Дельвига.

В тех же «Записках покойника» прототипом первого помощника режиссера по имени *Андрей Андреевич* послужил помощник режиссера во МХАТе *Николай Николаевич Шелонский*. Новое имя (греч. *ἀνδρὸς* — муж, мужчина) по смыслу подобно имени прототипа (*Николай* — греч. «победитель»), подчеркивая стойкость и сугубое терпение Андрея Андреевича в атмосфере интриг, затеваемых склочным дирижером Романусом [5: 503–508].

Николаем Николаевичем звали и человека, выведенного в романе «Белая гвардия» под именем *Виктор Викторович Мышляевский*. По мнению родственников писателя, подразумевается друг детства и юности Булгакова Н.Н. Сынгаевский, который, в отличие от романного персонажа,

занимался балетом и женился на балерине Б.Ф. Нижинской, когда та в конце 1910-х гг. работала в Киеве, а затем уехал с ней в эмиграцию (см.: [Яблоков 2015: 514–515]). Личное имя персонажа представляет собой латинскую кальку греческого имени прототипа: лат. *Виктор* — «победитель».

Указание на «удвоенное» имя прототипа содержится также в таутониме *Ларион Ларионович* (*Илларион Илларионович*) *Суржанский*. Его прототипом был свойственник писателя (двоюродный брат мужа сестры) *Николай Николаевич Судзиловский*. Фамилия *Суржанский*, во внутренней форме которой есть сема соединения разнородных частей (ср. *суржа*, *суржанка* — смесь пшеницы с рожью в посевах или в зернах [СРНГ 2008: 276–277]), возможно, намекает на сложную биографию Судзиловского, повлиявшую на фамилию и отчество: при рождении его звали Николай Владимирович Капацын — фамилия и отчество изменились после усыновления мальчика семьей Судзиловских (см.: [Ковалинский 1999]). При этом имя персонажа, вероятно, мотивировано именем двоюродной сестры писателя Иларии Михайловны Булгаковой, жившей вместе с семьей в Холме Люблинской губернии (ныне г. Хелм в Польше). В 1910-х гг. Илария училась на женских курсах в Киеве и несколько лет жила в семье Булгаковых. Ее имя восходит к греч. *ίλαρός* — «веселый, радостный»; соответственно в таутониме Лариосика подчеркнута его комичность.

Прототипом персонажа «Записок покойника» *Филиппа Филипповича Тулумбасова* явился администратор МХАТа Федор Николаевич Михальский. Сходство онимов здесь незначительно: одинаковый инициал имени и подобие уменьшительных форм: *Федя* / *Филя*. Правомерным кажется предположение (см.: [Яновская 1983: 66]), что диминутив *Филя* и личное имя в романе мотивированы фамилией другого известного Булгакову человека той же профессии — в 1920 г. во Владикавказском театре был администратор *Филь* (он указан, например, на программе Пушкинского вечера 26 октября 1920 г., в котором принимал участие Булгаков). Тождество с таутонимом профессора Преображенского (см. ниже) здесь вряд ли существенно; скорее автор романа подразумевал значение греческого имени *Филипп* — «любящий коней». Символом и эпицентром Независимого театра для Максудова является золотой конь [5: 390,

⁴ См.: <https://vivaldi.nlr.ru/lo000070976/view>

⁵ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/File:Anton_Delvig_2.jpg

393], а возможность «проникнуть» к нему зависит именно от Фили, поскольку он распоряжается театральными билетами и контрамарками. Отметим также, что в фамилии *Тулумбасов*, которая на первый взгляд ассоциируется с большим турецким барабаном (этот инструмент упоминается, например, в романе «Мастер и Маргарита» в сцене похорон Берлиоза [7: 271]), актуализировано просторечное значение слова *тулумбас* — председатель пиршества, попойки [Ушаков 2001: 427]; как явствует из дневника жены писателя, Михайловский и Булгаков неоднократно участвовали в общих застольях.

Своеобразный пример в плане аллюзий — персонаж «Записок юного врача» по имени *Леопольд Леопольдович*. Таутоним здесь воспроизводит реальное имя прототипа: видимо, по мнению автора, оно звучало достаточно экзотично и потому подходило персонажу, наделенному «сверхчеловеческими» возможностями. За полтора года до Булгакова лечебным пунктом Никольское Смоленской губернии заведовал земский врач *Леопольд Леопольдович Смирчек*, который служил там с ноября 1902 г. по март 1914 г., имел огромный опыт, пользовался любовью у крестьян. Как для самого писателя, так и для его героя *Леопольд Леопольдович* — человек, «почти» знакомый (по рассказам медперсонала); вместе с тем для юного врача *Леопольд* — сакральное существо, к профессиональному уровню которого герой лишь мечтает приблизиться.

Именами знакомых писателя мотивированы также таутонимы в ранних редакциях «Мастера и Маргариты»: *Николай Николаевич* — по-видимому, аллюзия на филолога Н.Н. Лямина, друга писателя; имя Берлиоза в редакции 1938 г. *Александр Александрович* — возможно, намек на А.А. Фадеева, который как раз в этом году возглавил Союз писателей. Имя Берлиоза в более ранней редакции — *Антон Антонович*, как и в рассмотренном случае с Княжевичем, может напоминать о Грибоедовском Загорецком или гоголевском Городничем. Если же учесть, что одним из прототипов Берлиоза считается А.В. Луначарский, носивший пенсне со стеклами овальной формы, то не исключено, что отмеченная выше ассоциация с А.А. Дельвигом актуальна и здесь, тем более с учетом того обстоятельства, что фамилия родного отца будущего наркома — и первоначально его самого — была *Антонов* (ср.: *Анатолий*

Антонов); позже фамилия и отчество были изменены в связи с усыновлением ребенка отчимом В.Ф. Луначарским.

Среди персонажей Булгакова, наделенных таутонимами, есть и такой, чьим прообразом явился сам писатель. В романе «Записки покойника» создан двойной «автопортрет»: автобиографические черты присутствуют не только у «нежизнеспособного» (движущегося к самоубийству) главного героя Максудова, но и у его «умудренного» двойника, театрального «гида» *Петра Петровича Бомбардова*⁶. Здесь фактически повторена мотивная структура рассказа «Морфий» (1927), где дневник самоубийцы Полякова представляет собой «записки покойника», а фамилия другого героя — *Бомгард*⁷ — предвосхищает фамилию *Бомбардов*. Имя последнего вызывает ассоциации с Петром Первым — это сочетание фонетически близко к таутониму Бомбардова. Аллюзию на императора содержит и фамилия персонажа. Так, в романе А.Н. Толстого «Петр Первый» читаем:

Петра при войске приказано именовать бомбардиром Петром Алексеевым.

Ср. в булгаковском либретто «Петр Великий» (1937) реплику Меншикова:

Вторую чарку Михайлову Петру, преобразенцу бомбардиру!

⁶ При первом знакомстве он представляется: «Петр Бомбардов» [5: 396]; возможно, шуточный намек на Петра Ломбардского, католического богослова и философа XII в., который в своих «Сентенциях» впервые создал единую систему догматического богословия. При этом в фельетоне Булгакова «День просвещения» (1920) речь идет о реальном музыканте-тромбонисте по имени Борис Ломбард (см.: [Яновская 1997: 5–18]). Высказывалось также предположение о возможной ассоциации с Пьером Бомбардом, владевшим рукописью «Песни об альбигойском крестовом походе» (XIII в.), экземпляр французского издания которой (1931 г.) имелся в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина [Галинская 2007: 32–33]; однако про знакомство Булгакова с этой книгой ничего достоверно не известно.

⁷ Фамилия созвучна фр. *bonne garde* — «надежный, верный хранитель»; это соответствует функции персонажа, долгие годы сохранявшего дневник погибшего товарища.

Дополнительный аргумент «самоотжествления» с Петром — сходство царского «псевдонима» Михайлов и имени Булгакова⁸.

В булгаковских произведениях встречаем ряд персонажей, чьи таутонимы отсылают к историческим личностям различных эпох. Таков, например, образ гусарского полковника *Феликса Феликсовича Най-Турса* в романе «Белая гвардия». Для нашей темы существенно, что в начале XX в. в Киеве жил реальный гусарский полковник *Николай Николаевич Най-Пум*. Фамилия объясняется тем, что по национальности он был сиамцем и попал в Россию в 1898 г. в свите принца Чакрабона, вместе с которым стал учиться в Пажеском корпусе. Впоследствии Най-Пум принял православие, причем его крестным отцом был Николай II — отсюда тождественные имя и отчество. Однако данный прототип мотивирует структуру имени-отчества и фамилию персонажа⁹, но не выбор личного имени. Заметим, что в булгаковском романе у Феликса Феликсовича имеется сестра Ирина. Такое сочетание вызывает однозначные ассоциации: *Феликс Феликсович* и *Ирина* (Александровна) *Юсуповы* — одна из самых блистательных супружеских пар предреволюционного времени (лат. *felix* — «счастливый», удвоение имени дает значение «счастливейший»); при этом Ф.Ф. Юсупов был известен участием в убийстве Г.Е. Распутина, о котором Булгаков в начале 1920-х гг. намеревался написать драму. Таким образом, если аллюзии на Н.Н. Най-Пума придают Най-Турсу «монархические» коннотации, то аллюзии на Ф.Ф. Юсупова вводят травестийный элемент; ограничимся этим выводом, хотя на самом деле прототипический фон образа Най-Турса значительно сложнее (подробнее см.: [Яблоков 2015: 532–535, 722–723]).

⁸ Кстати, под псевдонимом Михайлова выступала в театре первая жена Булгакова, когда они в 1920–1921 гг. жили во Владикавказе [Из семейной хроники... 1991: 82].

⁹ Фамилия Най-Турс мотивирована и по другой линии: она представляет собой слегка измененное английское словосочетание Knight's Tour (буквально — «путешествие рыцаря»; согласно русской традиции — «ход конем»), название известной задачи о шахматном коне, который должен обойти все поля доски, побывав на каждом лишь один раз (см.: [Яблоков 2015: 534]).

Историческими ассоциациями отмечен таутоним *Филипп Филиппович Преображенский* — характерно сравнение персонажа с «французскими рыцарями» [2: 152] и «французским древним королем» [2: 243]. В этой связи сошлемся на более раннюю работу [Яблоков 2014: 93–95], где рассмотрены связи Преображенского с Филиппом IV Красивым, «Железным королем» (сыном Филиппа III — ср.: *Филипп Филиппович*), который в начале XIV в. вел борьбу с орденом тамплиеров; таким образом, булгаковский персонаж ассоциируется одновременно с рыцарем и с королем, уничтожавшим рыцарей.

Интересен образ *Ричарда Ричардовича* — персонажа не написанной, а лишь задуманной Булгаковым в 1939 г. пьесы под условным названием «Ричард I», запись о которой была сделана Е.С. Булгаковой уже после смерти писателя [6: 667–668]. Судя по характеризующей героя фразе: «Ричард — Яго» [6: 563], — в образе высокопоставленного злодея выведен расстрелянный в 1938 г. бывший председатель ОГПУ и нарком НКВД *Генрих Григорьевич Ягода*, созвучные имя и отчество которого похожи на таутоним (кстати, в романе «Мастер и Маргарита» не названные по именам *Ягода* и его секретарь *Буланов* появляются на балу у Воланда [7: 328–329]). Образ «Ричарда I» вызывает ассоциации с Ричардом Львиное сердце — который, однако, не «Ричардович», поскольку был сыном Генриха II. Имена *Ричард* и *Яго*, разумеется, указывают на шекспировский контекст; «подходящий» персонаж — Ричард III, отцом которого являлся Ричард Йоркский; аморальный Ричард III идет к власти по трупам, но в итоге гибнет; самоубийством должна была завершиться и судьба булгаковского Ричарда Ричардовича.

Травестийным намеком на одну из известнейших в английской истории личностей выглядит образ *Артура Артуровича* в драме «Бег» — характерно, что первоначально пьеса носила название «Рыцари Серафимы». «Вертушка» с тараканьими бегами [4: 338], повелителем которой является «тараканий царь» [4: 282] *Артурка*, пародирует круглый стол короля Артура из британского эпоса. Что касается таутонима — в данном случае он, вероятно, должен свидетельствовать об «инферральности» носителя. Такими же маркерами «роковых» персонажей служат «удвоенные»

имена *Артур Артурович* в «Дьяволиаде» и *Арчибалд Арчибалдович* в «Мастере и Маргарите».

Нечто подобное можно сказать о *Полиграфе Полиграфовиче Шарикове*. Номинация показывает, что в видовом отношении персонаж балансирует не просто между животным и человеком (характерна «принятая» им «наследственная» — собачья по происхождению и человеческая по виду — фамилия¹⁰ [2: 217]), но между «органическим» существом и механическим устройством: имя, которое он выбирает, — «машинное» по источнику (московский трест «Полиграф» снабжал полиграфические предприятия оборудованием и материалами). То обстоятельство, что Шариков берет в качестве имени «целый» таутоним, объясняется примером «папаша» [2: 212]: новоявленный «человечек» [2: 211] бездумно копирует сочетание *Филипп Филиппович*¹¹. Впрочем, хотя сам Шариков не ассоциирует отчество ни с какими предками, можно отметить, что «механические» коннотации связывают его с фамилией второго «донора» — *Чугункина*, восходящей к слову *чугунка*, старому названию железной дороги [Даль 1909: 1369].

Наши наблюдения подтверждают тезис об особой роли таутонимов в художественном мире Булгакова. Характерно, что большая их часть (не менее десяти) создана

¹⁰ Ср. гоголевского *Петра Петровича Петуха* (поэтоним намекает на «человекоптицу», особенно с учетом бурного темперамента персонажа), а также *Михаила Собакевича* — не наделенного таутонимом, однако по внутренней форме имени и фамилии сочетающего черты «медведя» и «собаки», которому при этом уподоблены дрозд, а также все неодушевленные предметы в его доме. (Гоголь. «Мертвые души»).

¹¹ В подтексте сцены «именаречения» Шарикова — эпизод «Шинели», где мать новорожденного, обнаружив в святцах ряд неблагозвучных имен, решает назвать младенца по отцу — *Акакием* (Гоголь. «Шинель»). При этом родильница названа здесь *старухой* и *покойницей* — «если прибавить к этому и покойного отца (“отец был Акакий”...), причем контекст подводит к тому, что это было уже давно (что несколько противоречит реальности), то странность происхождения героя, изначально связанного с загробным миром... и как бы родившегося от покойников, не может не обратить на себя внимания» [Цивьян 2008: 276]. В булгаковской повести «инфернальный» герой сам находит себе имя (и отчество!) в календаре, функционально подобном святцам, — сам себя «крестит» и при этом «назначает» себе отца.

на основе экзотичных, не очень привычных для русского уха (иногда, как в случае с *Полиграфом Полиграфовичем*, — вовсе небывалых) имен, которые выглядят еще необычнее в «удвоенном» варианте. Часто таутонимом маркируется персонаж, связанный (в серьезном или пародийном плане) с потусторонним миром, предстающий онтологическим «перевертышем» и наделенный «сверхчеловеческими» способностями. Вместе с тем ряд носителей таутонимов у Булгакова являются незначительными, эпизодическими персонажами; в подобном случае необычное имя — один из признаков общей «карнавальности» художественного мира. Отметим также, что тождество личного имени и патронима здесь никогда не сигнализирует о характерологическом сходстве персонажа с его отцом, поскольку соответствующая информация в булгаковских произведениях отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. Мастерство Гоголя: исследование. — М., 1996.

Белый А. Петербург. — М., 1981.

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: полн. собр. черновиков романа. Основной текст: в 2 т. — М., 2014.

Булгаков М.А. Собр. соч.: в 10 т. — М., 1999. — Т. 8.

Булгаков М.А. Собр. соч.: в 8 т. — М., 2007–2011.

Галинская И.Л. Потаенный мир писателя. — М.; СПб., 2007.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. — М.; Л., 1937–1952.

Грибоедов А.С. Сочинения. — М., 1988.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — СПб.; М., 1909. — Т. 4.

Из семейной хроники Михаила Булгакова // Паршин Л.К. Чертовщина в Американском посольстве в Москве, или 13 загадок Михаила Булгакова. — М., 1991.

Каменский В.В. Путь энтузиаста. — Пермь, 1968.

Ковалинский В.В. Он был Лариосиком // Зеркало недели: Украина. — Киев, 1999. — № 17.

Кондакова Ю.В. Принципы инфернальной ономастики в художественных мирах Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа). — Екатеринбург, 2001. — С. 319–342.

Литературная жизнь 2005 — Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы

современников. Библиография. — М., 2005. — Т. 1: в 2 ч. — Ч. 2.

Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. — М., 2004.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. — М., 1988.

Словарь русских народных говоров. — СПб., 2008. — Вып. 42.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 3 т. — М., 2001. — Т. 3.

Толстой А.Н. Собр. соч.: в 10 т. — М., 1959. — Т. 7.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. — М., 1940. — Т. 11.

Харджиев Н.И. Статьи об авангарде: в 2 т. — М., 1997. — Т. 2.

Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации. Избранное: в 2 кн. — М., 2008. — Кн. 1.

Яблоков Е.А. Они сошлись... // Михаил Булгаков, Владимир Маяковский: диалог сатириков. — М., 1994.

Яблоков Е.А. Примечания // Булгаков М.А. Белая гвардия. — М., 2015.

Яблоков Е.А. Хор солистов: проблемы и герои русской литературы первой половины XX века. — СПб., 2014.

Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова. — М., 2001.

Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. — Холон, 1997.

Яновская Л.М. Творческий путь Михаила Булгакова. — М., 1983.

REFERENCES

Belyi A. Masterstvo Gogolya: investigation, Moskva, 1996.

Belyi A. Peterburg, Moskva, 1981.

Bulgakov M.A. Collected edition: in 10 vol., Moskva, 1999, vol. 8.

Bulgakov M.A. Collected edition: in 8 vol., Moskva, 2007–2011.

Bulgakov M.A. Master i Margarita: completed edition of novel handwritten drafts. Main text: in 2 vol, Moskva, 2014.

Galinskaya I.L. Potaennyy mir pisatelya, Moskva, Sankt-Petersburg, 2007.

Gogol' N.V. Complete set of works: in 14 vol, Moskva, Leningrad, 1937–1952.

Griboedov A.S. Sochineniya, Moskva, 1988.

Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: in 4 vol. Sankt-Petersburg, Moskva, 1909, vol. 4.

Iz semeinoi khroniki Mikhaila Bulgakova, in Parshin L.K. Chertovshchina v Amerikanskom posol'stve v Moskve, ili 13 zagadok Mikhaila Bulgakova. Moskva, 1991.

Kamenskii V.V. Put' entuziasta, Perm', 1968.

Khardzhiev N.I. Stat'i ob avangarde: in 2 vol., Moskva, 1997, vol. 2.

Kondakova Yu.V. Printsipy infernal'noi onomastiki v khudozhestvennykh mirakh N.V. Gogolya i M.A. Bulgakova, in Evolyutsiya form khudozhestvennogo soznaniya v russkoi literature (tests of phenomenological analysis), Ekaterinburg, 2001, pp. 319–342.

Kovalinskii V.V. On byl Lariosikom, in Zerkalo nedeli: Ukraina, No. 17, Kiev, 1999.

Literaturnaya zhizn' 2005 — Literaturnaya zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiya. Otsyvyi sovremnikov. Bibliografiya, Moskva, 2005, vol. 1, in 2 p, p. 2.

Pen'kovskii A.B. Ocherki po russkoi semantike, Moskva, 2004.

Podol'skaya N.V. Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii, Moskva, 1988.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, Sankt-Petersburg, 2008, issue. 42.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka, ed. D.N. Ushakov: in 3 vol., Moskva, 2001, vol. 3.

Tolstoi A.N. Collected edition: in 10 vol., Moskva, 1959, vol. 7.

Tolstoi L.N. Complete set of works: in 90 vol., Moskva, 1940, vol. 11.

Tsiv'yan T.V. Yazyk: tema i variatsii. Selected: in 2 books, Moskva, 2008, book 1.

Yablokov E.A. Khor solistov: problemy i geroi russkoi literatury pervoi poloviny XX veka, Sankt-Petersburg, 2014.

Yablokov E.A. Khudozhestvennyi mir Mikhaila Bulgakova, Moskva, 2001.

Yablokov E.A. Oni soshlis'..., in Mikhail Bulgakov, Vladimir Mayakovskii: dialog satirikov, Moskva, 1994.

Yablokov E.A. Primechaniya, in Bulgakov M.A. Belaya gvardiya, Moskva, 2015.

Yanovskaya L.M. Tvorcheskii put' Mikhaila Bulgakova, Moskva, 1983.

Yanovskaya L. Zapiski o Mikhaile Bulgakove, Kholon, 1997.

«Часы» М. Горького: концептуализация времени

В статье рассматриваются жанрово-стилевые и композиционные особенности произведения М. Горького «Часы». Раскрывается специфика темпоральной организации и интертекстуальных связей произведения. Описываются лексические, грамматические, стилистические и композиционные средства концептуализации времени.

Ключевые слова: *темпоральная структура; концептуализация времени; лексико-стилистические средства; синтаксические конструкции.*

Elena N. Shirokova

«Chasy» of M. Gor'kii: Conceptualization of Time.

The article considers the genre and style and composition characteristics of «Chasy» by M. Gorkii. The specifics of temporal organization and intertext links of the work is discovered. The lexical, grammar, stylistic and composition means of are described.

Key words: *temporal structure; conceptualisation of time; lexical and stylistic means; syntax constructions.*

Человек время осмысляет, исчисляет, переживает и проживает, и это обуславливает многоаспектность феномена времени. Антропоцентрическая категория времени по-разному концептуализируется в обыденной, научной и художественной картинах мира, что находит отражение в работах отечественного писателя и мыслителя М. Горького.

В частности, в произведении «Часы» тема времени является одной из основных. Впервые «Часы» были опубликованы в газете «Нижегородский листок» в 1896 г. с подзаголовком «Элегия». Впоследствии писатель убирает подзаголовок, однако нельзя не отметить некоторые черты, сближающие произведение с элегией. «Часы» являются результатом философских размышлений автора о времени и смысле жизни, характеризуются эксплицитно выраженной

авторской позицией, повышенной эмоциональностью и экспрессивностью. Вместе с тем это прозаическое публицистическое произведение, в котором доминируют две коммуникативные функции — воздействующая и экспрессивная. Последняя понимается как концентрация коммуникации на отправителе или получателе сообщения за счет апелляции к его чувствам, верованиям или эмоциям [Мартин, Рингхэм 2010: 198]. Этим объясняется выдвигание на передний план категории адресованности, прежде всего за счет открытой оценочности и призывности. Поэтическая (эстетическая) функция в «Часах» также представлена, но она не является основной.

Своеобразна архитектура произведения, которое разбито на восемь маленьких глав, пронумерованных римскими цифрами. Первый абзац каждой главы состоит из звукоподражания *Тик-так! Тик-так!*, заканчиваются все главы, кроме последней, словом *часы*. Данная анаэпифора коррелирует с ключевым знаком заголовка и является не только текстоформирующим, но и важным смыслопорождающим компонентом произведения. В частности, в результате текстовых связей звукоподражание *Тик-так!* приобретает коннотативные и символические семантические приращения — выступает как тревожное напоминание о скоротечности человеческой жизни.

В основе композиции лежат приемы противопоставления и градации, и тема времени раскрывается через систему оппозиций и сопоставлений. В начале произведения создается образ часов, материализующих ход объективного времени — единого, универсального, неподвластного

Елена Николаевна Широкова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, факультет гуманитарных наук

E-mail: shirokelena@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина»
ул. Ульянова, д. 1, Нижний Новгород, 604950,
Нижегородская область, Приволжский федеральный округ

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

1 Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 604950, Nizhny Novgorod region, Volga Federal district

Ссылка для цитирования: Широкова Е.Н. «Часы» М. Горького: концептуализация времени // Русский язык в школе. — 2018. — № 5. — С. 59–63. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-59-63.

и чуждого человеку. Эти признаки объективного времени эксплицируются с помощью многочисленных эпитетов:

звуки монотонные и математически правильные, однообразно отмечающие всегда одно и то же;

часы холодно и громко отмечают исчезновение секунд;

нет ничего на свете бесстрастнее часов: они одинаково правильно стучат;

часы будут сухо и спокойно считать;

часы бесстрастно будут считать¹.

В произведении у данных эпитетов появляется или актуализируется отрицательно-оценочная коннотация благодаря эмотивной лексике, репрезентирующей авторскую модальность:

Ночью в тишине и в одиночестве *жутко* слушать бесстрастное красноречие маятника часов;

эти *скучные*, однообразные, *убивающие душу тоской*, *укоризненно и холодно* звучащие часы.

В основе такого отношения лежит метонимический перенос, транслирующий переживание времени, обусловленное осознанием скоротечности жизни человека, восприятием времени жизни как движения от рождения к смерти, сопровождаемого страхом (переживание времени → время → механизм измерения времени):

Маятник стучит, и с каждым звуком жизнь сокращается на секунду, на крошечную частичку времени, данного каждому из нас;

Со дня своего рождения каждый день человек становится ближе к смерти;

И в то же время бояться смерти, хотя никто не избежит ее.

Также для создания образа часов М. Горький использует прием метафорического олицетворения, причем отрицательно-оценочный коннотативный фон формируется за счет сужения зоны-источника при метафоризации (человек → отрицательные качества человека):

Ничто, никогда не волнует их [часы] и *не дорого* им. Они *равнодушны*, и нам, если мы хотим жить, — нужно создавать себе иные часы, полные ощущений и мысли, полные действий...

В произведении оказываются противопоставленными время объективное, физическое, наделенное такими признаками, как автоматизм, бездушие, и время

жизни человека — время живое, переживаемое. Однако писатель не только противопоставляет эти виды времени, но и сближает. И объективное время, и время жизни — это природное время, неподвластное человеку. Циклическое воспроизведение жизни человечества, по Горькому, такой же бездушный автоматический процесс, как и движение объективного времени в целом. Негативная оценка формируется с помощью лексем с эмотивной семантикой, а также тропов (оксюморона, метафоры, сравнения):

Неужели же ваша *гордость* не возмущается этим *автоматическим творчеством*, которое бросило вас в жизнь, потом вырвало из нее и — только;

Если вы *горды* и *оскорблены* вашей *подчиненностью тайным задачам времени*;

Подумайте о вашей роли в жизни: был сделан *кирпич*, потом он лежал неподвижно в одном здании, потом рассыпался и исчез... И *скучно* и *пошло* быть *кирпичом* — не правда ли? *Не походите же на кирпич*, если у вас есть ум и душа...

Также в формировании оценки участвуют грамматические средства: вопросно-ответные комплексы, риторические вопросы, побудительные конструкции.

Публицистическое произведение Горького имеет полемический характер. С помощью вопросно-ответных комплексов писатель вводит вечные вопросы об онтологии времени, которые волновали выдающихся философов разных времен:

Откуда являются секунды и куда они исчезают? Никто не ответит на это...;

В неустанном движении часов нет неподвижной точки, — что же мы называем настоящим? За одной родившейся секундой рождается вторая и сталкивает первую в бездну неизвестного...

Подобные вопросы, задавал еще Августин, живший в IV–V вв.: «Что же такое Время? Время, становясь из будущего настоящим, выходит из какого-то тайника, и настоящее, став прошлым, уходит в какой-то тайник?» [Августин 1991: 292, 295]. При этом для Августина на первый план выдвигается «природа и сущность времени, которым мы измеряем движение тел» [Там же: 300]. Для Горького эти вопросы отодвигаются на второй план: *...Есть другие, более важные вопросы, и от разрешения их зависит наше счастье*. Это ранжирование вопросов, связанных с проблемой времени, подчеркивается и многоточиями, которые стоят в конце вопросно-ответных комплексов, приведенных

¹ Здесь и далее текст цитируется по: Горький М. Собрание сочинений: в 18 т. — М., 1960. — Т. 1.

выше. Многоточия приобретают дополнительные смысловые функции, связанные с актуализацией авторской позиции.

Так, на первый план при осмыслении проблемы времени выдвигается человек, проживающий время. По мнению писателя, хотя человек не властен над ходом времени, он в состоянии повлиять на время своей жизни. Время жизни человека — это не только определенный период времени, это в первую очередь то, чем наполняет свое время человек. И Горький выделяет два типа времени жизни человека: *время, пассивно проживаемое*, и *время, активно создаваемое*, для характеристики которых писатель использует лексику *час* в сочетании с двумя рядами оценочной лексики (соответственно отрицательно-оценочной и положительно-оценочной). Как отмечает Е.С. Яковлева, слово *час* в русской языковой картине мира «проецирует события на внутренний мир», это «темпоральный спецификатор качества времени (= события)» [Яковлева 1997: 278]. Часы, пассивно проживаемые, это *тоскливые и скучные часы; пустые, скучные часы*. Также для описания пассивно проживаемого времени используются слова из тематического ряда «страдание»: *страдание* (4 раза); *жгучий ряд горя; несчастье; несчастны* (2 раза); *зло и грязь жизни, ложь и жестокость ее*. Некоторые из этих слов включаются в метафорические конструкции: *страдание — обесцененный фонд; сожаление, милостыня нищих духом*.

Часы, наполненные чувствами, делами, борьбой, это *хорошие, полные чувствований и дум бурные часы; высоко прекрасные часы; прекрасные часы, полные явлений силы духа, поражающие благородством подвигов, — великие часы*. Причем лексема *час* используется только во множественном числе, и столкновение омоформ *часы* придает тексту повышенную экспрессивность. Кроме того, активно проживаемое время репрезентируется прилагательными, которые связаны с тематическими группами «новый», «ценный», «интересный» и имеют положительную коннотацию. Также частотны прилагательные в сравнительной степени (последнее, впрочем, обусловлено жанрово-стилевой принадлежностью и прагматикой текста):

Всего же *полнее и интереснее* жизнь тогда, когда человек борется с тем, что мешает ему жить; если вы не постараетесь наполнить каждую секунду вашей жизни чем-то *новым*

и *живым*; следует наполнять себя чем-то *более оригинальным, более ценным*.

Важным аспектом проживаемого времени является эмотивное время, при котором состояние души человека проецируется на ход времени, и время в восприятии человека замедляется, ускоряется или останавливается (см. подробнее: [Широкова 2010: 159–160]). Причем однообразие, монотонность жизни, скука и страдание обуславливают субъективное замедление времени, а яркие эмоции, насыщенность жизни интересными событиями — его ускорение. По мнению М. Горького, в жизни всех людей есть страдание, и у всех есть скучные и тоскливые часы. При этом одни люди сосредоточены на своих несчастьях, и страдание заполняет всю их жизнь, лишенную движения, развития. У других же, гордых людей, осознание ничтожества человеческой жизни, ее скоротечности, а также страдания и несчастья вызывают возмущение и гнев. Такие люди стремятся изменить мир. При этом *сознание выполненной задачи может уничтожить страх смерти, и честно пройденный путь жизни даст покойный конец*.

Таким образом, в «Часах» эмотивное время интересует писателя не в процессуальном, а в результативном аспекте. На первый план выдвигается не то, как человек переживает ход времени своей жизни, а то, как он воспринимает время прожитой жизни в целом. И осмысление сущности времени жизни человека для М. Горького неразрывно оказывается связанным с поиском смысла жизни:

И от человека остаются только одни дела его. И *прекращаются* для него *часы* вместе с его желаниями, и *наступают* иные *часы* — *часы оценки его жизни, суровые часы*.

И двум формам времени жизни человека — пассивно проживаемому и активно создаваемому — соответствуют *две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые — вторую*. Обусловленность эмотивного времени качеством жизни человека определяет особенность восприятия эмотивного времени в «Часах», что передается с помощью оксюморонного сочетания: *В борьбе незаметно промчатся тоскливые и скучные часы*.

Интересны интертекстуальные связи «Часов». Специфика их в том, что они

не только ретроспективны, но и проспективны. Так, многие взгляды Горького-философа созвучны идеям немецкого философа М. Хайдеггера, представленным в трактате «Бытие и время», впервые изданном спустя тридцать лет после «Часов». Вряд ли немецкому философу было знакомо малоизвестное, не входившее в собрания сочинений произведение М. Горького. Тем более поражает сходство взглядов этих двух выдающихся людей. Для М. Хайдеггера жизнь человека — это «бытие к смерти», сопровождаемое «страхом смерти». При этом «смерть требует осмысления как наиболее своя, безотнositельная, не-обходимая, *верная* возможность»² [Хайдеггер 2006: 258]. Об этом же пишет М. Горький: люди «боятся смерти, хотя никто не избежит ее, как это известно. Неизбежное — закономерно. Ведь человек с той поры, как явился на земле, — всё умирает, и к этому надо привыкнуть, пора». Созвучно их отношение и к самому времени. По мнению немецкого философа, часы материализуют время для обыденного сознания, при этом время всегда понимается как время «для-чего» [Там же: 414]. Для М. Горького время также всегда наполнено событиями, эмоциями, поступками. Для репрезентации этого используется существительное *час*, которое, как уже отмечалось, употребляется во множественном числе и отражает разные аспекты времени: физического, при этом *часы* означают единицу измерения времени; проживаемого, *часы* обозначают период времени, заполненный событиями и эмоциями; эмотивного, *часы* репрезентируют период переживаемого времени; духовного, выражаемого словоформой *часы* со значением 'жизнь человека'.

В целом же жанрово-стилевая специфика произведения, его тематика и интенции автора определяют лингвопрагматические черты текста и его темпоральную организацию. Основной временной план произведения — расширенное настоящее с футуральной перспективой. Так, субъектами при сказуемых, выраженных глаголами настоящего времени, являюся слова с обобщающей семантикой, например:

Одни упорно уклоняются от жизни, другие всецело посвящают себя ей;

Никто не ответит на это.

Есть предложения, оформленные в виде афоризмов:

Все люди одинаково несчастны, но более всех несчастен тот, кто украшает себя своим несчастьем;

Стремление вперед — вот цель жизни;

Страдание соблазнительно; это опасная привилегия; обладая ей, мы обыкновенно не ищем другого, более высокого права на звание человека.

Эти предложения имеют значение настоящего вневременного. Специфична темпоральная семантика обобщенно-личных предложений с подлежащим, выраженным местоимением *вы*, и глагольным сказуемым в форме будущего времени. Лексическое их наполнение таково, что при обращении к конкретному читателю они имеют футуральную перспективу, ср., например, взаимодействие настоящего вневременного и будущего времени:

Со дня своего рождения *каждый человек становится* ближе к смерти. И когда *вы будете хрипеть* в агонии — часы будут сухо и спокойно считать ее секунды.

Однако обобщающий характер субъекта (любой читатель, любой человек) способствует ослаблению оппозиции настоящее / будущее, и формы будущего времени приобретают значение будущего вневременного. Наряду с этим функцию генерализации выполняют местоимения и наречия с соответствующей семантикой: *никто, ничто, никогда, нигде, везде, во всем, нынче, все, каждый*.

Также в «Часах» много побудительных предложений, которые формируются с помощью форм глаголов в повелительном наклонении, например:

Не жалуйтесь на бессилие, и ни на что *не жалуйтесь*;

Помогайте рождаться ей [мысли], она всегда окупит ваш труд;

Да оскорбит вас это сознание!

Такие предложения имеют «презентно-футуральную перспективу от момента волеизъявления (t1) к более позднему моменту или периоду (t2): t1→t2» [ТФГ: 1990, 80]. Ретроспекция единична. Она вводится прецедентным текстом и служит противопоставлению прошедшего и расширенного настоящего:

«На что дан свет человеку, которого путь закрыт и которого ты окружил мраком?» Это старый Иов спрашивал у Бога. Нынче нет уже таких смелых людей...

² Здесь и далее при цитировании Хайдеггера сохранены особенности написания и курсив источника.

Таким образом, темпоральная организация текста асимметрична: настоящее вне-временное и настоящее расширенное сочетаются с ярко выраженной футуральной перспективой, что обусловлено прагматической установкой автора и жанрово-стилевой спецификой произведения. Концептуализация времени связана с тем, что для М. Горького время — это антропоцентрическая категория, в которой на первый план выдвигается время жизни человека, определяемое качеством наполняющих его событий и эмоций, проживаемое и переживаемое. При этом важную роль в концептуализации времени играет ключевой знак *часы*, формирующийся на основе взаимодействия омоформ *часы* и разных значений полисеманта *час*.

ЛИТЕРАТУРА

- Августин А. Исповедь. — М., 1991.
Горький М. Собрание сочинений: в 18 т. — М., 1960. — Т. 1.
Мартин Б., Рингхем Ф. Словарь семиотики. — М., 2010.
Теория функциональной грамматики: Темпоральность, Модальность. — Ленинград, 1990 (ТФГ).

Хайдеггер М. Бытие и время. — СПб., 2006.

Широкова Е.Н. Темпоральный код языка и его эмотивный субкод. — Нижний Новгород, 2010.

Яковлева Е.С. Час в системе русских названий времени // Логический анализ языка. Язык и время. — М., 1997. — С. 267–281.

REFERENCES

- Avgustin A. *Ispoved'*, Moskva, 1991.
Gor'kii M. Collected edition: in 18 vol., Moskva, 1960, vol.1.
Khaidegger M. *Bytie i vremya*, Sankt-Petersburg, 2006.
Martin B., Ringkhem F. *Slovar' semiotiki*, Moskva, 2010.
Shirokova E.N. *Temporal'nyi kod yazyka i ego emotivnyi subkod*, Nizhnii Novgorod, 2010.
Teoriya funktsional'noi grammatiki: Temporal'nost', Modal'nost', Leningrad, 1990 (TFG).
Yakovleva E.S. *Chas v sisteme russkikh nazvanii vremeni*, in *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya*, Moskva, 1997, pp. 267–281.

Об образовательном форуме

«Учебник в современной информационно-образовательной среде»

Уважаемые коллеги!

Институт стратегии развития образования РАО приглашает Вас принять участие в мероприятиях образовательного форума «Учебник в современной информационно-образовательной среде».

В рамках форума планируется обсудить следующие проблемы:

1. Вербальное и визуальное в современном школьном учебнике.
2. Фундаментальная наука и учительская практика в современном учебнике.
3. Роль учебника как базового компонента УМК по предметам языкового цикла в моделировании современной информационно-образовательной среды.
4. Учебник, функционирующий в условиях двуязычия в современной школе.
5. Проблема педагогической экспертизы современного учебника.
6. Электронные учебники в современном образовательном процессе.
7. Школьный учебник истории: путь в XXI век.

Ключевые мероприятия форума

21 июня 2018 года

Круглый стол «Куда движется современный филологический учебник: история, современное состояние, перспективы» (К 100-летию со дня рождения Г.И. Беленького)

1 июня – 5 октября 2018 года

- Заочная конференция «Учебник в современной информационно-образовательной среде»
- Конкурс методических разработок педагогов «Цифровой урок»

11–12 октября 2018 года

- Очная экспертная сессия «Фундаментальная наука и учительская практика в современном учебнике»

- Круглый стол «Школьный учебник истории: путь в XXI век»
- Дискуссионные площадки по ключевым вопросам тематики Форума

- Курсы повышения квалификации «Учебник в современной информационно-образовательной среде: векторы развития» (16 ч.)

Место проведения всех мероприятий форума: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО» по адресу г. Москва, ул. Макаренко, д.5/16.

Участие в мероприятиях форума бесплатное (кроме курсов повышения квалификации), организационный взнос не взимается.

Оргкомитет оставляет за собой право отбора докладов. Все материалы будут размещены в электронном сборнике (индексирование в базе РИНЦ) и на сайте конференции.

Лучшие статьи будут опубликованы в журналах перечня ВАК: «Отечественная и зарубежная педагогика», «Ценности и смыслы», «Русский язык в школе», «Преподавание истории и обществознания в школе».

Дополнительная информация о конкретных мероприятиях форума будет размещена в информационных письмах и на сайте института: <http://www.instrao.ru>

«Мне страшно оступиться...»: лингвостилистический анализ стихотворения Е. Благиной «Колея»

В статье дан анализ стихотворения Е. Благиной «Колея», раскрыт его философский подтекст. Автор статьи выявляет скрытые образы на основе анализа языковых средств стихотворного текста.

Ключевые слова: *четырёхстопный ямб; ключевое слово; образ-гипербола; метафора; эффект соприсутствия.*

Boris G. Bobylev

«Mne Strashno Ostupit'sya...»: Lingvostylistic Analysis of the Poem «Koleya» by E. Blagina.

The analysis of the poem «Koleya» by E. Blagina is presented, its philosophical undertone is discovered. The author of the article determines undetected images following the analysis of linguistic means in the poem text.

Key words: *iambic fourmeter; key word; hyperbole image; metaphor; copresence effect.*

Елена Благина относится к числу недооцененных мастеров русского слова. По своей солнечной природе, прозрачности и легкости, гибкости и разнообразию языка, включающего в себя и богатую литературную традицию, и народную красочную речь, и высокое церковнославянское начало¹, стих Елены Благиной сближается с произведениями «Золотого века»

русской поэзии². В то же время поэтесса, прошедшая школу виртуозов «Серебряного века»³ (ее учителями были Валерий Брюсов и Георгий Шенгели), очень тонко и умело использует арсенал выразительных средств русского поэтического модерна.

При этом нередко произведения Благиной обладают глубоким смыслом, требуют внимательного, вдумчивого прочтения. К таким произведениям относится стихотворение «Колея», которое поэтесса включает не только в книги стихов для детей, но и в самый значительный свой поэтический сборник «Окна в сад» (1966).

Над рожью, дождем примятой,
Стоит денек почти сквозной.
Орловский ветер пахнет мятой,
Полынью, медом, тишиной.

Иду стеной высокой хлеба,
Иду, иду да постою,
Любуясь, как упало небо
В наполненную колею.

На синем дне летают птицы,
Плывут печально облака...
Стою... Мне страшно оступиться,
Мне очень страшно оступиться —
Так эта пропасть глубока!

Борис Геннадьевич Бобылев, доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры речевых и педагогических технологий

E-mail: boris-bobylev@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

ул. Комсомольская, д. 95, г. Орел, 302026, Россия

Orel State University named after I.S. Turgenev

95 Komсомolskaya Str., Orel, 302026, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Бобылев Б.Г. «Мне страшно оступиться...»: лингвостилистический анализ стихотворения Е. Благиной «Колея» // Русский язык в школе. — 2018. — № 5. — С. 64–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-64-66.

¹ Церковнославянскому языку Елену Благинину учил дедушка, сельский священник Михаил Иванович Солнышкин, организатор замечательного церковного хора. «Великопостные песнопения “Чертог твой вижду, Спасе мой” или “Да исправится молитва моя” я слышу в себе до сих пор...», — вспоминает поэтесса [Приходько 1971: 8].

² Об этом очень хорошо и аргументированно пишет исследователь творчества поэтессы, председатель комиссии по ее творческому наследию В.А. Приходько в книге «Елена Благина. Очерк творчества» [Там же: 28–32].

³ В 1925 г. Е.А. Благина оканчивает Литературный институт В.Я. Брюсова.

Это стихотворение посвящено воспоминанию о юности, очень давней поездке на родину — в орловское село Яковлево⁴.

Текст прост, как сам «хлеб насущный». В нем нет ничего, что бы затруднило восприятие ребенка. Стихотворение написано пространственным в русской поэзии размером — четырехстопным ямбом. Рифма, по преимуществу, точная. Анжамбеманы отсутствуют, границы строк совпадают с границами синтагм. Единственную заметную ритмическую особенность (два пиррихия подряд) в сочетании с неточной рифмой мы находим в восьмой строке. Заметим, что и тот, и другой прием служит для выделения ключевого слова стихотворения: *В наполненную колею*.

Возникающая здесь картина природы отличается точностью, конкретностью, узнаваемостью. Вместе с лирической героиней мы идем по дороге, проложенной по чернозему, среди хлебных полей, отмечая самые мельчайшие детали — примятую дождем рожь, прикосновения ветра, упоительные запахи июля, наполненную водой колею, отражающихся в ней птиц и облака... Особая ласковость интонации создается использованием слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *дождиком, денек*. Образ-гипербола *иду стеной высокой хлеба* при всей его эстетической изысканности соответствует восприятию ребенка: детям все окружающие предметы кажутся гораздо выше, чем взрослым... Слова *Мне страшно оступиться в наполненную колею* могут быть восприняты детьми буквально: кому приятно оступиться в глубокою дорожную грязь? Да и смелая метафора *упало небо* тоже может быть понята ребенком в шуточном, игровом ключе превращений, когда небо оборачивается водяным голубым дном, где водятся не рыбы, а птицы, и где плавают облака...

Вместе с тем сквозь узнаваемые, конкретные, выписанные с почти фотографической и репортажной точностью детали (указаны даже географические

координаты — *орловский*), просвечивает иная реальность. И, если взглянуться вслед за лирической героиней в эту глубину, утрачиваются границы между «здесь» и «везде», «сейчас и всегда», между небом и землей, временем и вечностью.

Уже в первой фразе стихотворения присутствует грамматическая метафора [Шендельс 1972; Бобылев 2004]: предлог *над*, обладающий пространственным значением, относится к темпоральному существительному *денек*. В скрытой форме наложение пространственной и временной семантики присутствует и в использованной поэтессой стертый метафора *День стоит*. Данная грамматическая аномалия усиливается при помощи метафорического эпитета *сквозной*. Здесь возникает комплекс разнообразных ассоциаций: *сквозной* — это и просвистанный насквозь ветром, и одновременно прозрачный, легкий, невесомый. Остановленное мгновение приобретает зрительную и тактильную конкретность, материализуясь в образах пронзительно синего неба, распахнутого над головой, и сквозного ветра, несущего с собой запахи лета.

Отметим синестетический образ, возникающий в конце первого четверостишия: *пахнет... тишиной*. Подобные образы впервые появляются в языке русской литературы у Н.В. Гоголя. Андрей Белый пишет о его «цветном и фигурном слухе» («яркий крик»... «красный звон»... «острые звезды») [Белый 1996: 133]. В поэтике же русского модернизма начала XX в. синестетические приемы становятся стилиобразующими, получая самое широкое распространение (ср.: *дико визжащие звезды* в «Масках» А. Белого, «*Красный смех*» Л. Андреева, *серый голос* дяди Якова в «Детстве» М. Горького). У Благиной же оказываются задействованными одновременно все органы чувств. Наряду со зрительными, слуховыми, обонятельными и тактильными образами здесь также в подтексте присутствует и вкусовая ассоциация: *полынь и мед, горечь и сладость* стоят рядом.

Если в первом четверостишии присутствие лирической героини обозначено лишь косвенно, опосредованно — через сенсорные слова и детали, то во второй строфе она является нам через непосредственное действие, выраженное рядом глагольных форм I-го лица. Трижды повторяется форма *иду*, которая имеет в данном случае наиболее распространенное для глаголов настоящего

⁴ «Это было давно, в пору моей юности. Ехала поездом без билета, а меня высадили, как раз в нужном месте. Я пошла через рожь, а навстречу дедушка, Михаил Иванович Солнышкин. Увидев меня, обрадовался. “Ну, вот, внученька, и встретились. Из поезда прямо в мои объятия!” Вспомнила я потом ту встречу, тропинку через рожь и написала стихотворение» [Никашкина 2013: 42].

времени значение: «действие, совершаемое в момент речи». Возникает впечатление, что мы имеем дело с «настоящим репортажем», которое журналисты употребляют для создания эффекта соприсутствия автора и читателей в описываемой ими реальности — «здесь и сейчас». Мы как бы идем вдоль хлебного поля вместе с лирической героиней. Движение носит прерывистый, пульсирующий характер, оно сменяется остановками: *Иду, иду, да постою...* И в этой пульсации чувствуется особое состояние лирической героини, ее все нарастающая отрешенность от окружающего. Наполненная дождевой водой, проложенная в орловском черноземе глубокая колея предстает окном в небо. Мы одновременно «падаем» и возносимся в это небо, приближаясь к пересечению некоей невидимой границы.

И вот... Стоп кадр! *Стою...* Это тоже настоящее время, однако значение его другое. «Настоящее репортажа» сменяется «настоящим вневременным». Мы покидаем земную сиюминутность и оказываемся за пределами времени — в небесной Вечности. Повтор безличного оборота *Мне страшно*, усиление его при помощи наречия степени *очень*, употребление слова *пропасть*, внутренняя форма которого несет в себе значение гибели, заставляет и нас вздрогнуть, остановиться, всмотреться вместе с Благининой в ту бездонную глубину, вспоминая слова апостола Павла: «Блюдите, како опасно ходите!» (Ефес. 5, 15).

В контексте стихотворения оказываются одновременно актуализированными («задействованными») и прямое значение слова *колея* («след колеса на грунтовой дороге»), и его переносное значение («ход

жизни, привычное ведение дела»). Колея у Благининой становится образом жизненного пути, имеющего небесное и земное измерения. Начинается стихотворение с предлога *над*, уводящего наш взгляд в высоту, заканчивается словом *глубока*. Высота и глубина оказываются взаимобратимыми. Важность этой ассоциации подчеркивается и переключкой *стеной высокой хлеба — так эта пропасть глубока*. Вертикальное измерение в стихотворении сменяется горизонтальным, являя скрытый образ креста: с неба мы спускаемся на землю и вновь уходим в него, пройдя свой земной путь.

ЛИТЕРАТУРА

Белый А. Мастерство Гоголя. — М., 1996.

Бобылев Б.Г. Метафорическое использование грамматических категорий в художественном тексте // Русский язык в школе. — 2004. — № 1.

Никашкина И. «Вечно ваша Благинина...» // Библиотечное дело. — 2013. — № 13.

Приходько В.А. Елена Благинина. Очерк творчества. — М., 1971.

Шендельс Е.И. Грамматическая метафора // Филологические науки. — 1972. — № 3.

REFERENCES

Belyi A. Masterstvo Gogolya, Moskva, 1996.

Bobylev B.G. Metaforicheskoe ispol'zovanie grammaticheskikh kategorii v khudozhestvennom tekste, in *Russkii yazyk v shkole*, No.1, 2004.

Nikashkina I. «Vechno vasha Blagininina...», in *Bibliotchnoe delo*, No. 13, 2013.

Prikhod'ko V.A. Elena Blagininina. Ocherk tvorchestva, Moskva, 1971.

Shendel's E.I. Grammaticheskaya metafora, in *Filologicheskie nauki*, No. 3, 1972.

К сведению подписчиков!

Во II полугодии 2018 года журнал «Русский язык в школе» с приложением «Русский язык в школе и дома» выйдет три раза: в июле, сентябре и ноябре.

Вы можете оформить подписку:

- 1) через наших партнеров – подписные агентства: «Роспечать» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – 73334); «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – П3896), «Урал-Пресс», «ПРЕССИНФОРМ», НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА»;
- 2) через интернет-сайты: <https://www.pochta.ru/> (выбрать раздел «Другие сервисы», далее – «Подписка онлайн»); <http://www.rospr.ru/> (выбрать раздел «Подписка на периодические печатные издания»).

Словообразовательные способы выражения социальной оценочности в современном медиатексте

В статье рассматривается отражение актуальных социальных и политических процессов в современном медийном словотворчестве. Анализируется функционирование новообразований, созданных узуальными (префиксация) и незузуальными (контаминация, заменительное словообразование) способами в качестве средства выражения социальной оценки.

Ключевые слова: язык СМИ; новообразования; социальная оценочность; языковая игра.

Valentina A. Toropkina

Derivational Methods of Social Evaluativity Expression in the Modern Mediatext.

The reflexion of the latest social and political processes in the modern media word creation is considered in the article. The functioning of neologisms created by usual (prefixation) and unusual (contamination, substitutive derivation) methods is analyzed as the mean of social evaluativity expression.

Key words: media language; neologisms; social evaluativity; language game.

Круг тем, освещаемых современными СМИ, крайне широк, но общественно-политическая проблематика остается одной из центральных в отечественном медиадискурсе. В данном случае функция СМИ состоит в том, чтобы информировать граждан о важных событиях социально-политической жизни общества, достоверно описывать политическую ситуацию в стране и за ее пределами. Однако современные масс-медиа зачастую не только транслируют информацию читателям, но

и анализируют, интерпретируют ее, что выражается в регулярном использовании оценочных средств.

«Средства массовой информации, — отмечает О.В. Александрова, — являются мощным средством воздействия на человеческий разум. Будучи динамичным по своей сути, язык средств массовой информации наиболее быстро реагирует на все изменения в общественном сознании, отражая состояние последнего и влияя на его формирование. Именно в языке средств массовой информации легко увидеть те новые тенденции в подходах к изучению языка, которые прослеживаются в современной лингвистике. Среди таковых существенную роль играют функциональные аспекты использования языка...» [Александрова 2008: 210]. И в этом плане особенно важно исследование языковых и речевых средств оценки социальных и политических реалий в медийных текстах. Как отмечают исследователи, «социальная оценочность — одна из главных особенностей языка публицистики, нуждающейся не только в номинации явлений, фактов, событий, но и в их социальной оценке, интерпретации. <...> Действие социальной оценочности сохраняется, но она принимает более тонкие формы. <...> Широкое распространение

Валентина Александровна Торопкина, аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания

E-mail: tva94@rambler.ru

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Пр. Гагарина, д. 23, Нижний Новгород, 603950, Россия

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Pr. Gagarina, Nizhny Novgorod, 603950,
Russian Federation

Ссылка для цитирования: Торопкина В.А. Словообразовательные способы выражения социальной оценочности в современном медиатексте // Русский язык в школе. — 2018. — № 5. — С. 67–71. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-67-71.

получает ирония как средство непрямого оценки, позволяющая в условиях отсутствия в обществе четких идеологических ориентиров избегать выражения собственных позиций» [Клушина, Солганик 2014].

В широком понимании оценка является актом человеческого сознания, заключающимся в сравнении предметов, лиц, явлений и соотношении их свойств и качеств с нормой, определенной системой ценностей [Смирнова 2013: 15]. Оценка в тексте выражается с помощью языковых и речевых единиц разных уровней, обладающих оценочной семантикой и выражающих отношение автора к содержанию текста. Большой потенциал выражения оценочных значений имеет словообразование. Им обладают новообразования как узуальной, так и незуальной структуры.

Информация аксиологического характера, отражающая оппозиции в системе ценностей и противостояние в обществе, может выражаться с помощью номинаций узуального типа с префиксом *не-*:

«*Небратья*» пришли всерьез и надолго. В отечественной публицистике появился свежий жанр — изумление степенью воинственности и «отмороженности» украинского общества. (Взгляд, 13.09.2017);

Выход из кризиса: что предлагают *нелибералы*. (Конт, 23.04.2017);

Мозговая *непобеда*. Сегодня власть в Одессе ошетилилась оружием и массой силовиков. Даже флотские, ожидая чего-то, объявили, что будут применять оружие. А против кого? Против жителей Одессы. (Конт, 03.05.2017);

Незлостный нарушитель. Навальный не сядет в колонию, как просила ФСИН. (Российская газета, 02.09.2016).

Экспрессивность и креативность подобных новообразований повышается при нарушении синтагматики морфем, когда приставка *не-* присоединяется к именам собственным, что нетипично для русского словообразования:

Нероссия, выкинутая на мороз. (Русский эксперт, 02.02.2017);

НЕМОСКВА — политическое движение, которое предлагает вместо высылки нелегалов за счет бюджета использовать их труд принудительным образом на тяжелых работах и высылать уже на заработанные таким образом деньги. (20.04.2017, <http://nemoskwa.narod.ru/index/0—5>).

Подобные новообразования отражают актуальные социальные тенденции поляризации общества: «Благодаря развитию

системы коммуникаций, в первую очередь Интернета, политические субъекты получают новые возможности влиять на аудиторию. <...> Это влияние может заключаться и в поляризации общества путем противопоставления различных социальных групп. В эскалации социальной напряженности участвуют и журналисты, которые открыто выступают на стороне одной из групп в борьбе с политическими оппонентами» [Ильсова 2014: 257].

Поляризация общества особенно усиливается под влиянием экстралингвистических факторов. В современных СМИ, незамедлительно реагирующих на актуальные события, в данный момент ведется активная рефлексия и полемика по поводу предстоящих выборов на пост президента, противостояние проявляется в том числе в создании новообразований с префиксами *псевдо-*, *квази-* со значением неистинности, ложности, которые используются для обвинения в политических махинациях:

Сейчас страну готовят к *псевдовыборам*. Они не станут выборами, даже если туда допустят и Алексея Навального, и Ксению Собчак. Почему? Потому, что на выборах избиратели могут сменить власть, а на *псевдовыборах* этой возможности у избирателей нет. (Федерал Пресс, 09.12.2017);

На буржуазных *псевдовыборах* в РФ должен быть максимально раскрученный и медийный одиозный оппозиционный кандидат-либерал-СТРАШИЛКА, в первую очередь предназначенный для большей части электората, в основе своем консервативного. (Конт, 19.11.2017);

Выбирайте, кого вам дали, и не мычите. Конституции в России нет. Оплачиваем свое лечение сами, уважаемые *псевдоизбиратели*. (Бизнес онлайн, 18.11.2017, <https://www.business-gazeta.ru/news/361086>).

Причем в зависимости от политических установок издания подобные номинации используются как по отношению к официальной власти, так и по отношению к оппозиции:

Во Владивостоке задержаны несовершеннолетние активисты штаба Навального... Политолог подчеркнул, что молодежь в данном случае используется блогером как оппозиционная пехота на митингах, как пехота в таких *квазиизбирательных* технологиях... (Экономика сегодня, 22.09.2017);

Все, кто следил за избирательной кампанией Собчак и Навального, понимали, что рано или поздно столкновение этих монстров оппозиции в тесной либеральной каморке произойдет.

Ксения Собчак, возмущенная фейками, распространяемыми штабом *квазикандидата* в президенты РФ, ворвалась в студию «Эха Москвы». (Народные новости, 18.01.2017).

Однако для отражения социальных и политических процессов все чаще используются новообразования неузальной структуры, которые отражают стремление современных СМИ к языковой игре, поддерживающей развлекательную и экспрессивную функцию медиатекстов. Под неузальными способами понимаются способы деривации с нарушением существующих в языке словообразовательных законов¹, к наиболее востребованным в медийном словотворчестве способам относятся в том числе различные виды контаминации, замещающее словообразование.

При этом новообразования неузальной структуры могут использоваться вне оценочной функции для усиления коннотации текста и привлечения внимания читателя:

Марс-бросок. Полвека назад земной космический корабль стартовал к Красной планете. Он все еще в пути. (Новая газета, 22.12.2017) — ср.: *марш-бросок* с заменой первой части слова на *Марс*;

Медаль за город *Дзюдонешт*. Как Владимир Путин не вышел на татами на чемпионате мира в столице Венгрии. (Коммерсантъ, 29.08.2017) — ср.: *Будапешт* с заменой первой части слова на *дзюдо*;

Тудан-Судан. Президент Судана Омар Башир первый раз приехал в Россию — и сразу в Сочи, туда, где сейчас на первый взгляд решаются судьбы не только Ближнего Востока, и даже не только Дальнего. (Коммерсантъ, 24.11.2017) — ср.: *туда-сюда*.

Однако в современных СМИ, которым свойственна острая полемичность и социальная ориентированность, развлекательность совмещается с социальной оценочностью, а новообразования игрового характера становятся средством критики актуальных событий. Как отмечают исследователи, одним из ярких средств выражения социальной оценочности в языке современных СМИ является языковая игра [Ильясова 2014: 60].

¹ Мусатов В.Н. Русский язык: морфемика, морфология, словообразование: учеб. пособие. — М.: Флинта, 2010.

Так, критика социально важных явлений зачастую осуществляется в иронической форме, с применением средств языковой игры, в частности словообразовательных неологизмов на базе контаминации разных типов. При этом игровая форма может находиться в контрасте с содержанием публикации, освещающей серьезные социальные проблемы и даже трагические события:

Прямо на наших глазах в России сформировалось причудливое *митрополитбюро*: союз беспринципных депутатов, раболопных чиновников и недалеких священнослужителей под безмолвие или активное одобрительное улюлюканье невежественной толпы устраивает в относительно европейской и светской по Конституции России стремительную всеобщую варваризацию. (Газета.ru, 12.03.2015) —

митрополит + политбюро;

Кап-кап-капремонт. Жильцам позволят сэкономить на капитальном ремонте и освободят от платы за поверку счетчиков. (Российская газета, 03.11.2017) —

капремонт (капитальный ремонт) + кап-кап-кап;

Ракета-сноситель. Вице-премьер Дмитрий Рогозин объявил о сворачивании производства тяжелых ракет «Протон» и переходе Центра имени Хруничева на выпуск ракет-носителей «Ангара-А5» и ее модернизированной версии «Ангара-А5М». Специалисты скептически оценили заявление вице-преьера, курирующего космическую отрасль. И это не новость. Бывший глава Роскосмоса Олег Остапенко еще четыре года назад назвал «Ангару» «тупиковой ракетой». (Новая газета, 09.09.2017) —

сносить + носитель, ср. ракета-носитель.

Активно освещаются в СМИ криминальные происшествия, иронически переосмысляемые с помощью приемов языковой игры:

Тип-топ-менеджер: корпоративными мошенниками в России чаще всего становятся директора. (Российская газета, 27.12.2016) —

тип-топ + топ-менеджер — лексема *тип-топ* со значением 'в полном порядке, хорошо', в некоторых словарях относимая к жаргону [Комлев 2006], в тексте о мошенничестве приобретает ироническую окраску;

Банкформирование. Арестованных финансистов проверяют на причастность к системным разорениям банков. (12.12.2017) —

путем заменительного словообразования, ср. *бандформирование*; можно рассматривать как производное путем наложения с графическим видоизменением *банк* + *бандформирование* либо образованное с помощью мены фонемы <д> на <к> [Улуханов 1996];

Шито-крипто. Отсутствие у цифровой валюты правового статуса развязало руки должникам. (Коммерсантъ, 10.01.2018) —

шито-крыто (разг. экспрес. ‘скрыто так, что никто не узнает’ [Фразеологический словарь 2008, Электронный ресурс]) + *крипто* (о криптовалюте).

При этом в словообразовательные процессы активно вовлекаются прецедентные феномены, расширяющие семантическое поле оценочности за счет культурных ассоциаций:

Чипокалипсис сегодня. Светлана Сухова разбиралась в громкой проблеме с процессорами, которую уже окрестили «самым серьезным вызовом» IT-индустрии. (Огонек, 15.01.2018) —

ср. название фильма *«Апокалипсис сегодня»*.

Часто используются устойчивые выражения, обыгрываются штампы медийной речи:

Минкультурное наследие. По «делу «Седьмой студии» задержана бывшая глава департамента министерства Софья Апфельбаум. (РБК, 27.10.2017) —

ср. *культурное наследие*;

Глубоко *доверяющие*. Кто-то тут переживал, что всех без исключения доверенных лиц включают в санкционный список. Но были ведь и те, кто переживал, что не включают. (Коммерсантъ, 31.01.2018) —

ср. *глубоко верующие* (люди).

Также новообразования игрового характера с негативной оценочностью нередко встречаются в публикациях на военную тематику, тем самым имплицитно выражается обеспокоенность процессами милитаризации общества:

В обстановке повышенной *сбоеготовности*. За что изымают оружие у «Спецсвязи». (Коммерсантъ, 20.12.2017) —

сбой + устойчивое сочетание *повышенная боеготовность*.

При этом особую роль для создания оценки имеют смысловые отношения между исходным и производным словом.

Следует отметить, что в приведенных выше примерах одно из производящих слов, прямо не употребляемое в тексте, имеет контекстуально обусловленное негативное значение (см. *сбой*, *сносить*), что способствует формированию имплицитной оценки. Негативная оценка в подобных публикациях поддерживается за счет контекста:

Мирные *внешнебаллистические* инициативы. В этом и был смысл этой коллегии: на предложение о новом витке гонки вооружений Россия отвечает безоговорочным согласием. Потому что может произойти все что угодно, но низкая точность наших ракет всегда будет компенсироваться мощностью их заряда. (Коммерсантъ, 23.12.2017) —

ср. устойчивое сочетание, штамп газетной речи *мирные внешнеполитические инициативы*.

Кризисное состояние общества также передается с помощью новообразований, созданных путем заменительной деривации на базе прецедентных феноменов советской эпохи и описывающих современные деструктивные тенденции в обществе:

Общей характеристикой уходящего года могло бы стать определение «год великого *недолома*», поскольку основные тенденции в мировой идеологии, политике и экономике осуществлялись, как правило, в неявной, скрытой форме, а их манифестация, скорее всего, состоится в наступающем 2018 году. (Завтра, 27.12.2017) —

ср.: в статье «Год великого перелома: к XII годовщине Октября» И.В. Сталин назвал 1929 г. «годом великого перелома на всех фронтах социалистического строительства».

Медийное словотворчество в целом отражает актуальные социальные тенденции, активно отвечает на информационные потребности общества, в словообразовательные процессы вовлекаются ключевые слова современности. Поэтому обсуждаемые социальные события дают мотивацию для создания новообразований:

Северная Корея применила *киморужие*. Очередная неудача разработчиков ракетных программ КНДР.. не могла омрачить торжества по случаю 105-летия со дня рождения основателя КНДР Ким Ир Сена — родоначальника правящей династии Кимов и деда нынешнего лидера Ким Чен Ына. (Коммерсантъ, 17.04.2017) —

Ким Чен Ын + *химоружие* (химическое оружие);

Ким-бомба. КНДР испытала мощнейший водородный заряд. (Российская газета, 04.09.2017).

При этом могут создаваться стандартизированные способы выражения негативной оценки:

Гособоронзаказат. Президент раскритиковал реализацию гособоронзаказа и пригрозил увольнениями как производителям, так и чиновникам. (Газета.ру, 18.03.2011) —

ср. *гособоронзаказ*;

Гособороноткат. Как военные и чиновники воруют бюджетные миллиарды. (Огонек, 05.06.2017);

Казахстан дает России *гособоронотказ*. Россия, по оценке ведомства, может потерять рынок объемом «в миллиарды долларов». (Коммерсантъ, 21.04.2016).

Итак, в современном медиадискурсе словообразовательные неологизмы, созданные узуальными и незузальными способами, служат эффективным средством воздействия на массовое сознание, отражают и интерпретируют актуальное состояние общества. При этом для медийного словотворчества характерно совмещение стремления к развлекательности медиатекста, использованию приемов языковой игры с установкой на выражение социальной оценочности, создаются иронические контексты. Как отмечают исследователи, «речевая деятельность нашего современника, стимулируемая новыми социально-политическими процессами в стране, все более и более становится проявлением общего, повышенной степени эмоционально-волевого состояния общества. Поэтому обращение к оценочным речевым средствам в какой-то мере удовлетворяет потребностям в ярком, эффективном и эффектным словоупотреблении. Активная жизненная позиция неизбежно стремится выразиться в действенном слове. В наибольшей степени это наблюдается при индивидуально-творческом подходе к словообразованию» [Валгина 2003].

ЛИТЕРАТУРА

Александрова О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык средств массовой информации. — М., 2008.

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. — М, 2003.

Ильясова С.В. Игровые способы и приемы выражения социальной оценочности в языке

современных российских СМИ // Политическая лингвистика. — 2014. — № 1(47). — С. 60–64.

Каблуков Е.В. Роль медиадискурса в поляризации российского общества // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 21 (312). — С. 257–263.

Клушина Н.И., Солганик Г.Я. Публицистический стиль, или газетно-публицистический стиль, или стиль массовой коммуникации // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. — Красноярск, 2014. — С. 499–501.

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. — М., 2006.

Смирнова Л.Г. Лексика русского языка с оценочным значением: системный и функциональный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Смоленск, 2013.

Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. — М., 1996.

Фразеологический словарь русского литературного языка. — М., 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <https://phraseology.academic.ru/14165> (дата обращения: 10.02.2018).

REFERENCES

Aleksandrova O.V. Yazyk sredstv massovoi informatsii kak chast' kollektivnogo prostranstva obshchestva, in *Yazyk sredstv massovoi informatsii*, Moskva, 2008.

Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka, Moskva, 2008, available at: <https://phraseology.academic.ru/14165> (10.02.2018).

Il'yasova S.V. Igrovye sposoby i priemy vyrazheniya sotsial'noi otsenochnosti v yazyke sovremennykh rossiiskikh SMI, in *Politicheskaya lingvistika*, No. 1(47), 2014, pp. 60–64.

Kablukov E.V. Rol' mediadiskursa v polyarizatsii rossiiskogo obshchestva, in *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 21 (312), 2013, pp. 257–263.

Klushina N.I., Solganik G. Ya. Publitsisticheskii stil', ili gazetno-publitsisticheskii stil', ili stil' massovoi kommunikatsii, in *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): guide dictionary*, Krasnoyarsk, 2014, pp. 499–501.

Komlev N.G. Slovar' inostrannykh slov, Moskva, 2006.

Smirnova L.G. Leksika russkogo yazyka s otsenochnym znacheniem: sistemnyi i funktsional'nyi aspekty: extended abstract of Ph D's thesis, Smolensk, 2013.

Uluhanov I.S. Edinitsy slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya, Moskva, 1996.

Valgina N.S. Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke, Moskva, 2003.

Нищеброд (Часть 1)

В статье рассматриваются семантические, прагматические и словообразовательные изменения слова *нищеброд* и его производных, возникших в XVIII–XIX вв., но актуализированных в современном русском языке в публицистическом стиле, интернет-общении, молодежном сленге. С одной стороны, в общем языке можно наблюдать усиление оценочности в слове *нищеброд* (и производных) для экспликации различных жизненных позиций и морально-нравственных приоритетов, что служит свидетельством включения понятия в традиционный философско-публицистический дискурс о бинарности русского бытия и мироощущения (материальное – духовное). С другой стороны, в молодежном сленге слово *нищеброд* ведет себя иначе: подвергается графико-фонетической и морфологической трансформации в результате сближения со сленговым англоамериканизмом *bro* (< *brother* “приятель, знакомый”) и используется в речевой практике с игровым заданием.

Ключевые слова: история слова; семантическая трансформация; прагматика; оценочность; инновация; лингвофилософский дискурс; молодежный сленг; заимствование.

Aleksandr V. Zelenin

Nishchebrod (Pauper) (Part I).

The article considers semantic, pragmatic and derivational *nishchebrod* word changes and its derivatives appeared in 18–19th centuries, but actualized in publicistic style, internet-communication, youth slang. From the one hand, we can see the intensification of evaluativity in *nishchebrod* word (and derivatives) for the explications of different life stances and moral and ethic priorities in common language that proves this term including into traditional philosophical and publicistic discourse and proves the binarity of Russian being and mental outlook (material and mental). From the other hand, *nishchebrod* word does differently: it is exposed to graphic-and-phonetic and morphologic transformation in the result of closing to slang Anglicism-americanism *bro* (< *brother*) that used in speech practise with the game purpose.

Key words: word history; semantic transformation; pragmatics; evaluativity; innovation; linguophilosophic discourse; youth slang; borrowing.

Слово *нищеброд* (и его производные) в последние полтора десятилетия заметно активизировалось в современном русском языке: оно может встречаться в радио- и телепрограммах, интернет-коммуникации (форумы, чаты, твиты), газетах и журналах, шутливом молодежном общении. Слово не новое в русском языке, его история насчитывает около 300 лет, однако в XXI в. оно вдруг снова оказалось востребованным. Какие же социальные и языковые мотивы стоят за этим фактом?

Александр Васильевич Зеленин, доктор филологических наук, преподаватель вуза.

E-mail: aleksandr.zelenin@uta.fi

Университет Тампере (Финляндия)

Tampereen yliopisto

Kalevantie, 4, Tampere, 33100, Finland

Ссылка для цитирования: Зеленин А.В. *Нищеброд* (Часть I) // Русский язык в школе. – 2018. – № 5. – С. 72–78.
DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-72-78.

Изучение всего словообразовательного ряда позволяет увидеть динамику социальных процессов в обществе, глубже понять морально-нравственное состояние и его социальную саморефлексию, ведь именно в языковых знаках и запечатленных в них трансформациях проявляется желание и потребность общества взглянуть на свое социальное и духовное бытие, зафиксировать в слове оценки, социальные или групповые нормы морали.

Слово *нищеброд* входит в тематическую группу с доминантным словом *нищий*. Упоминания о нищих в древнерусских документах встречаются уже в древности; о нищих на улицах Киева в X–XI вв. писал один из первых исследователей этого феномена И. Прыжов [Прыжов 1862]. В XVII в. нищие представляли уже иерархическую касту, в Москве их было особенно много [Ключевский 1892]; зачастую они

получали свое прозвание по месту и технологии сбора милостыни: *царские нищие, кладбищенские, патриаршие, соборные, монастырские, церковные, гулящие* (без постоянного места), *леженки* (лежащие на голый земле обычно на мостах, перекрестках) [Петров 1899: 40]. Интересные факты о типах странствующих людей в России в середине XIX в. дает известный собиратель народного быта С.В. Максимов. Свою книгу, ставшую очень популярной и до сих пор выступающую настоящей энциклопедией народной жизни, он назвал «Бродячая Русь Христа-ради. Попрошайки. Попрошки. Кубраки. Лабори. Нищая Братия. Поборушки. Погорельцы. Нищebroды. Калуны. Калики Перехожие (Слепцы). Богомолы. Богомольцы. Скрытники. Христороубцы» (1877), где слово *нищebroды* употреблено в назывном (номинативном) значении для характеристики социально-профессиональной группы людей «попрошайки, просители милостыни; нищие, для которых нищенство стало промыслом».

Примечание. Понятие «нищий» в русском языке имеет двоякий смысл: в православии нищие олицетворяют идею праведности, благочестивости («блаженны нищие духом», т.е. малоимущие, бедные люди богаты не деньгами, но духом, следованием христианским заповедям). Однако часто в современном русском языке слово *нищий* используется для обозначения попрошайки. Исторические словари русского языка не дают достоверных и однозначных данных, когда мог произойти семантический процесс внутреннего семантического расщепления понятия «нищий» на церковно-каноническое и народно-разговорное. Словарь древнерусского языка вследствие небольшого количества языкового материала осторожно предполагает, что слова *попрошайка* (варианты: *попрошай, попрошатай*) [СРЯ XI–XVII, 17: 101], *побираха* [СРЯ XI–XVII, 15: 127] именно в значении «нищий, поборушка» в русском языке позднего происхождения, они появились только в конце XVII в. Выскажем гипотезу, что существительное *нищebroд*, которое возникло в еще более позднее время, также один из лексических способов названия части нищих, профессионально занимающихся поборушничеством, сбором милостыни, именно по своему центральному семантическому признаку — передвижение, ходьба по разным местам. Прежде синкретичное понятие «нищий» требовало лексемой экспликации для выражения разных смыслов: словоформа *нищий* осталась без изменений в церковно-книжной сфере в высоком духовном смысле, в народной же речи шел процесс

поиска обозначений для называния не церковно-религиозного содержания понятия, а вполне конкретного взгляда на способ существования таких людей, их «труд» по добыванию пропитания. Народный язык обычно довольно прямолинейно ищет смысловой мотив для номинации, в дальнейшем становящимся внутренней формой слова. Так для обозначения «работы» нищих появляются слова *побирушка* (*побируха*), *попрошайка* (в XVII в.) и *нищebroд* (в XVIII в.). Если в лексемах *попрошайка*, *побирушка* внутренняя форма прочитывается легко и мотивируется глаголами *попрошайничать*, *побираться*, то какова внутренняя форма слова *нищebroд*?

Слово *нищebroд* находит поддержку в диалектном словообразовании, с элементом *-брод-* образована целая группа лексем: *забрóда* ‘человек, болтающийся без дела, праздный шатун’, *пустобрóд* ‘тот, кто любит бродить без дела, слоняться, шатун’ (яросл.), *шалобрóд* ‘праздный шатун и бездельник’ [Даль 1866, 4: 566], *вольнобрóд* ‘беглый, шатун, бродяга’ [Даль 1863, 1: 212], *сумасбрóдный* ‘безумный, безрассудный, дикий, бестолковый, ни с чем не сообразный, противный здравому смыслу’ [Даль 1866, 4: 329]. Ключевым здесь является корень *брод-* для выражения мотива беспечности, широко представленный во множестве производных в русских народных говорах: *бродить* ‘ходить из одного места в другое, избегая дела’, *брóдкий* ‘любящий ходить без дела, лазить куда-нибудь, забираться куда не следует’ (свердл.), *брóда* ‘человек, который бродит без дела, без толку и цели’, *бродяжить* ‘ходить, слоняться без дела’ (Ср. Урал.), ‘болтаться без дела, гулять, вести разгульную жизнь’, *бродяжник* ‘праздный дармоед, шатающийся стороною, в людях’, *ходить брóдня брóдней* ‘от нехоти и лени едва ноги волочить’, *бродить меж двор, меж двory волочиться, меж двory скитаться* [Полякова 2010, 1: 51, 136], *калабрóдить* или *колобрóдить* ‘шататься без дела, проводить время в праздности’ (яросл.) [Еремина 2014: 123]. От последнего слова (*колоброд* ‘болтун; человек, имеющий привычку ходить, блуждать, вести себя суетливо, шумно; *колобродом* в говорах могли назвать назойливого гостя’ [СРНГ 12: 363]) образован антропоним, русская фамилия *Колобродов* (*Калабродов*, *Калобродов*). Во всех перечисленных производных использован прагматический потенциал глагола *бродить* в русском языковом сознании — фиксация и оценка в общественном мнении неприкаянного душевного состояния

субъекта, проявляющегося в бессмысленном, бесцельном или пустопорожном хождении [Левонтина, Шмелев 2002: 271] и ассоциируется с безделием, нежеланием работать, трудиться, намерением избежать тяжелой физической работы.

Появление группы однокоренных слов *нищеврод*, *нищевродить* следует относить, очевидно, к середине XVIII в. в зарождающемся городском просторечии. Примечательно, что эти слова приводит трехязычный словарь И. Нордстета, давая им иноязычные эквиваленты: *нищеврод* — нем. *Bettler* ‘попрошайка, побирушка’, франц. *besacrier* (в том же значении), *нищевродить* — нем. *betteln*, *betteln gehen*; франц. *mandier*, *caimander*, *être à la besace* (букв. ‘быть при сумке, котомке’) [Нордстет 1780: 429]. Это новообразование (*нищеврод*) относилось, по всей вероятности, только к нищим мужского пола, так как у Нордстета слово *нищия* передается, например, немецким эквивалентом с показателем женскости (*eine Bettlerin*, *ein Bettelweib*), во французском — женским артиклем *une mendiante*, *une quêtuse* [Нордстет 1780: 429]. Слово *нищеврод*, вероятно, только входило в употребление; оно было использовано, в частности, в стихотворной поэме И. Долгорукова (1764–1823): *В лохмотьях нищеврод // Меня не поражает; Домашний мой народ // Его с двора гонят.* (Длгрк. Соч. I: 478) [СРЯ 1989, 15: 156], хотя составители «Словаря Академии Российской» эту лексему не включили в словник, посчитав, возможно, неузальной, еще не устоявшейся [САР 1793, 4: 537–540]. Языковая ситуация конца XVIII — первых десятилетий XIX в. показала, что слова все-таки укоренились в русском языке, поэтому переиздание этого словаря уже содержит лексемы *нищеврод*, *нищевродничать* [САР 1847, 2: 461]. Женское производное *нищевродка* появилось на столет позже после своего этимона (*нищеврод*); оно — языковой факт второй половины XIX в., впервые фиксируется в первом издании словаря Даля [Даль 1865, 2: 1132: нищета]. Негативная оценка данной группы слов была присуща им с момента их возникновения, ср. прагматико-стилистическую помету, предлагаемую В.И. Далем при слове *нищевродничать*: «укорно».

Характерно, что слова *нищеврод*, *нищевродить* стали, скорее, фактом переводных словарей, нежели толковых. Так, во «Французско-русском словаре» И. Татищева [Татищев 1824, 1], следуя традиции французско-русских лексиконов XVIII

в., французские слова переводятся так: *besacrier* — нищеврод, нищий, сумоносец (стлб. 455); *claquedent* — нищеврод, голяк, голтепа, по переводу: зубохлоп (сл[ово] ругательное) [sic!]; пустомеля, трещотка (сл[ово] низкое) (стлб. 823); *caimander* — нищевродить, шататься прося милостыни (стлб. 610). Обращение к переводным словарям особенно важно, так как они позволяют наблюдать методы семантизации иностранных слов при помощи русских эквивалентов с выявлением в них дифференциальных признаков, далеко не всегда эксплицированных в толковых словарях. Это связано с тем, что потребителями толковых словарей являются носители языка, для которых семантические нюансы в синонимичных словах ясны или интуитивно ощущаются, в то время как пользователю переводного словаря зачастую нужны более детальные семантические комментарии, выявляющие различия и условия употребления того или иного синонима. Вот почему приведенный нами ряд французских слов позволяет увидеть те нюансы, которые осознавались русскими уже в начале XIX в.: с одной стороны, слова *нищеврод*, *нищевродить* выступали как коннотативно окрашенные синонимы слов *нищий*, *нищенствовать*, с другой — в словах *нищеврод*, *нищевродить* уже видны семантико-стилистические сдвиги. Свидетельством этого служит включение слова *нищеврод* в ряд оценочных *голяк*, *гольтепа* (*гольтепа* ‘бедные люди, беднота, оборванцы’), *зубоскал*, *пустомеля*, *трещотка*: уже не признак нищенства, сбора милостыни служит семантическим ядром слова *нищеврод*, а обобщенно-негативное значение ‘занудный попрошайка, оборванец’.

В советское время слово *нищеврод* пошло на спад по понятным лингвосоциологическим причинам: ликвидации данной социальной группы и искоренения понятия и слова из социалистического языкового лексикона, поэтому оно даже не было включено в первый словарь советской эпохи — «Толковый словарь русского языка», 1934–1939 гг. (под ред. Д.Н. Ушакова), а в четырехтомном «Словаре русского языка» (1957–1961) было ограничено пометой «книжн.[ое] устар.[ое]» (непонятно, почему дана помета «книжное», ведь оно возникло, по всей видимости, в народно-разговорном языке и проникло в литературный язык).

Примечательна и показательна была попытка активизировать слова *нищеврод*,

нищевродничать А.И. Солженицыным в его известном «Словаре языкового расширения» [Солженицын 2000: 136], однако авторское желание реставрации слов (несмотря на многократные переиздания его словаря) в их прямом, номинативном значении не оказало влияния на узус и осталось только фактом писательской работы и раздумий над словом. Нужны были социальные факторы, чтобы вдохнуть в слово (и весь ряд производных) новую жизнь, переосмыслить его и наделить новым содержанием. Просто механическое возвращение слова в речевой обиход без дополнительной, социально мотивированной нагрузки, без изменившегося прагматического веса вряд ли было возможно. Центральной причиной востребованности лексемы стало наполнение ее актуальными для общества смысловыми приращениями, отражающими ценностную, оценочную матрицу социальных групп.

Судя по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), слово *нищеврод* неактивно в русском языке; поиск данной лексемы дал всего шесть примеров, причем несколько цитат приходится на произведения М. Горького. Действительно, это слово можно назвать одним из ключевых, центральных в автобиографических текстах Горького «Детство. В людях. Мои университеты», «Жизнь Клима Самгина», где упоминание слова *нищеврод* — это горькое воспоминание писателя о своих детских и юношеских годах:

В школе мне снова стало трудно, ученики высмеивали меня, называя ветошником, *нищевродом*, а однажды, после ссоры, заявили учителю, что от меня пахнет помойной ямой и нельзя сидеть рядом со мной [Горький 1951, 13: 196].

Однако в последние два десятилетия произошел всплеск активности лексемы и ее производных, что помогает обнаружить другая обширная база данных — Интегрум (integrum.ru), электронный свод печатных изданий и интернет-ресурсов. Интересно, что активность коснулась не только корневого слова, но и производных; это свидетельствует о том, что всё словообразовательное гнездо оказалось востребованным в современном узусе, отражая новые социально-нравственные параметры и ориентиры макро- и микрообщественных групп.

Заданные нами в этой поисковой базе «Интегрум» хронологические рамки явствен-

но свидетельствуют о начале резкого роста употребительности ключевого слова словообразовательного ряда *нищеврод*, начиная с 2008—2009 гг. За период с 2000 по 2018 г. в центральной прессе слово *нищеврод* использовалось 353 раза; наиболее часто слово упоминалось в изданиях «Комсомольская правда», «Советская Россия», «Московский комсомолец», «Новая газета», «Новый мир». Региональная пресса еще более активно использовала данную лексику — 544 словоупотребления.

Развитие смысла центрального слова *нищеврод* и новых семантических, прагматических, словообразовательных возможностей в современном русском языковом пространстве идет по трем линиям. Рассмотрим более детально все три вектора развития слова в современном узусе.

Первая линия основана на семантическом расширении смысла слова: в этимологическом значении *нищеврод* — это ‘попрошайка, проситель милостыни; бедняк’, однако в актуализированном употреблении оно стало обозначать мало зарабатывающих, не приспособившихся к новой жизни людей (например, бюджетников) и использоваться как их негативно оценочное наименование преимущественно в речевой практике быстро разбогатевших людей.

На оси социального расслоения с одной стороны оказались «новые русские», нувориши, мажоры, с другой — те, кто не мог, не сумел приспособиться к изменившейся ситуации, кто не «поймал» финансовую «птицу счастья»; они-то и получили в социолекте первой группы обозначение *нищевроды*. Семантический механизм построен на сочетании двух внутренних мотивов: актуализации сема ‘бедный, нищий’ и коннотативного насыщения («заражения») от близких в смысловом отношении слов. Слово *нищеврод* оказалось втянутым в целую группу близких обозначений, активно функционировавших в языке последних десятилетий: *лузер*, *маргинал*, *лох*, *совок*, *бюджетник*. У всех этих синонимов общей (унифицирующей) семой оказалась сема ‘неудачник’. «[П]ридя из англоязычной культуры, прежде всего американской, в дискурсе которой это слово приобрело культурную значимость, *лузер* вступило с русским *неудачник* в отношения смысловой эквивалентности» [Лассан 2009: 29]. В этом прослеживается англо-американское языковое и морально-ценностное влияние с такими установками, взглядами на человека: субъект в жизни должен быть

успешным, предприимчивым, деловым, нацеленным на достижение цели, уверенно продвигающимся по своей карьерной лестнице, человек должен уметь зарабатывать на достойную жизнь (под которой понимается прежде всего высокая материальная обеспеченность). Иными словами, успех, деньги и достаток решают всё. Поэтому не случайно совпадение повышенной популярности («модности») слов *нищеврод* и *лузер*, как показывают хронологические замеры, в одно и то же время:

Последнее время то тут, то там мелькает слово *лузеры*, которое понимается как «неудачник». (Россия, 26.05.2005);

А жесткое заморское слово *лузер*, сменившее жалостливое «неудачник»? (Версия (Башкортостан), 15.07.2011) (обе цит. по: [Мустайоки, Вепрева 2015: 462]).

По данным А. Мустайоки и И. Вепревой, «[п]ик модного цикла — самая высокая частотность метавысказываний *модное слово лузер* приходится на 2011 год» [Там же].

Существенно изменение коннотации слова *нищеврод* сравнительно с языковым употреблением в XIX в.: если в словаре Даля оно снабжалось пометой «укорно» (т.е. осознаваемое носителями языка как укоризненное, порицательное, попрекающее), то теперь, в первое десятилетие XXI в., оно приобрело более сильную негативную прагматику — как презрительное, уничижительное, осуждающее. Таким образом, изменился фокус, социальная точка оценочности: раньше — с долей жалости, сострадания и сочувствия, теперь — с позиций успешности, предприимчивости, финансовой обеспеченности, но без эмоциональной жалости и сочувствия. Именно в этой узкой социальной группе олигархов слово *нищеврод* всё более расширяет смысловые рамки, по-скольку употребляется не как номинативный знак, а только как оценочное существительное без точных и четких смысловых границ. В социолекте данной группы круг «нищевродов» постоянно растет, расширяется: чем более состоятельным становится представитель этой группы, тем легче попадают в «нищевроды» люди с меньшим достатком (пусть также богатые). Отсюда такие социально-обусловленные употребления в социолекте (мульти)миллионеров:

— А когда вырасту, буду гонять на «Мерседесе», — соловьем заливается мой сынуня.

— Фу, — морщится тетя Лена. — Да сейчас на «Мерседесах» только ленивый не ездит!

Посмотри, кругом одни мерины. *Нищевроды* обожают эту машину. (Свободная пресса, 22.01.2017).

Вторая линия семантического и прагматического развития слова *нищеврод* связана с попыткой и реакцией менее обеспеченной группы людей осмыслить это понятие не с чисто финансовых, а с иных, морально-нравственных позиций. В семантическом отношении интересно отметить столкновение внутренней формы слова, связанной с идеей нищеты, бедности, и имплицитных сем, рождаемых в контексте (семантический прием контекстуализации) и мотивированных апелляцией к самоуважению, достоинству человека как личности. Происходит энантиосемичное перерождение, переосмысление слова: можно быть бедным, но важнее не потерять внутреннего достоинства, самоуважения, духовности:

Противоположность *нищевродам* та категория людей, которые с голоду умрут, но ни за что не пойдут побираться. Как правило, это вымирающая старая интеллигенция. И такая бабулька, надев латаные-перелатаные платье и туфли и имея одну-единственную дешевую карамельку в старинном ридикюльчике, будет безмерно счастлива своему богатству. Люди с внутренним достоинством никогда не станут *нищевродами*. Ведь нищета — это внешняя сторона. Имея малость, можно быть богатым, а живя на помойке, не стать *нищевродом*. Красноречивый пример — замечательный кинофильм «Небеса обетованные». (Вечерний Бишкек, 21.07.2006).

Таким образом, смысл понятия переводится в морально-этическую плоскость, у него рождается переносное, вторичное значение, не выводимое из словообразовательных компонентов; *нищеврод* — это показатель и характеристика состояния души человека, а не обладание (большим или малым) количеством денег:

Под категорию *нищевродов* подпадают и те, у кого есть и имущество и деньги, но эти люди считают, что имеющегося у них категорически мало, а также что если бы денег у них было больше, то им открылись бы совсем иные пути и дороги в жизни. (Свободная пресса, 12.02.2017).

В таком переосмысленном значении становится понятным оценочное использование слова *нищеврод* по отношению к людям, пусть и владеющим статусными, дорогими вещами, имеющим «тягу к понтам», но от этого не становящимся лучше, моральнее, добрее:

[П]орой желание человека выглядеть статусно, дорого доходит до абсурда. <...> Стремление к мнимой роскоши кроется в том, что детство, юность многих пришлось на тяжелые для нашей страны годы... <...> Поэтому во взрослой жизни, когда представилась возможность получения «халывных» денег, они бросились во все тяжкие, дабы подчеркнуть свою «статусность» и «успешность». Это и роскошные шубы, иномарки, немилостиво пышные торжества. (Свободная пресса, 22.01.2017).

Третья линия семантического развития слова *нищеброд* связана с молодежным сленгом и основана на языковой игре. В этом случае перезтимологизации подвергся второй компонент структуры слова: произошло упрощение *-брод* до *-бро* под влиянием популярного в молодежном языке омонимичного обозначения *бро* (от английского *brother* > *bro*, *бро*). Его появление (*brother* 'брат' > *bro*) в Оксфордском словаре английского языка фиксируется концом XIX в. в среде чернокожей молодежи и выходцев с Карибских островов. В дальнейшем произошли обобщения значения 'брат' > 'парень, приятель, знакомый, друг' и выход за пределы социолекта в молодежный язык, сначала — в спортивную сферу (волейбол, баскетбол) и музыкальную культуру. С появлением Интернета слово проникло в сетевой сленг, а затем в кино- и видеоиндустрию, литературу, язык масс-медиа, что было обусловлено модой на андерграундную культуру латино- и афроамериканцев. (OED, www).

В русском языке распространение неизменяемого существительного *бро* началось через газетные публикации в спортивных изданиях, в иностранных музыкальных новостях и через интернет-сленг:

«Смотрю волейбол, болею за тебя, *бро*», — пишет в твиттере капитан сборной по баскетболу Антон Понкрашов. (Сов. спорт, 2.09.2014).

Молодежный язык творчески переработал русское существительное *нищеброд* с явной ориентацией на студенческую аудиторию. Происходит сужение значения слова *нищеброд* > *нищebro* 'небогатый, с ограниченными финансами человек (обычно о молодежи, студентах)'. Такое графико-фонетическое отличие от литературной лексемы имеет для молодежного социолекта кодовый характер: непосвященный счетчик такое употребление за ошибку, знающий же человек увидит в нем знак приобщения к «своим», к своему кругу.

Очевидно, в этом случае можно говорить о криптолалической функции такой шифрующей языковой трансформации:

Заглянул, увидел цены и побежал дальше. Зашел в Эльдораду. В Эльдораде прикольно — все можно потрогать, потыркать. Есть витрина для состоятельных парней, есть для нас, для *нищebro*. Ясное дело, направился к последней. (Helpix, 22.04.2016; www.; орфография оригинала сохранена. — А.З.).

В молодежном употреблении задействован метонимический механизм семантической адаптации: от обозначения человека (*нищebro*) — к обозначению недорогого бутерброда для «своего», «брата» (*бутерброд* > *бутербро*) и онимизации слова (переходу имени нарицательного в имя собственное) «*Нищebro*»:

Простецкая закусочная у входа в «Эрмитаж» с гениально сконструированными сендвичами. Идеальный пашот с соусом *beurre monté* и бутером «*Нищebro*» (сыр, пассата, кинза, картофельный хлеб ховис), кофе, 170 р. (Афиша, 01.11.2014);

[П]ериодически заходят люди и спрашивают: «Ну какой же это бутерброд? Как он может стоить 250 рублей». Именно для таких людей Шишкин ввел в меню [бутерброд] «*Нищebro*» за 150 рублей. (The Village, 28.04.2014).

В молодежном языке вместе с изменением графико-фонетической формы изменилась и коннотация: *нищebro* звучит скорее фамильярно-шутливо, нежели негативно-оценочно.

Таким образом, семантические трансформации слова *нищebro* ярко показывают социолингвистический разброс употреблений: центральным в современном языке является резкое противоборство и противопоставление значений и коннотаций в социолекте богачей (оценка базируется на финансовой стороне) и остальной части общества (оценка базируется на морально-нравственном содержании); молодежное употребление является периферийным, игровым (в результате переразложения структуры) и коннотативно менее интенсивным.

ЛИТЕРАТУРА

Еремина М.А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции. — Нижневартовск, 2014.

Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. — Сергиев Посад, 1892.

Лассан Э. Время лузеров // *Respectus Philologicus*. — Vilnius, 2009. — № 16 (21).

Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира. — М., 2001.

Максимов С.В. Бродячая Русь Христарди. Прошаки. Запрошки. Кубраки. Лабора. Нищая Братия. Побирушки. Погорельцы. Нищebroды. Калуны. Калики Перехожие (Слепцы). Богомолы. Богомолыцы. Скрытники. Христолюбцы. — СПб., 1877.

Мустайоки А., Вепрева И. Метаязыковой портрет модных слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). — Вып. 14 (21): в 2 т. — М., 2015. — Т. 1: Основная программа конференции.

Петров Л. Благотворительность в Древней Руси // Вестник благотворительности. — СПб., 1899. — № 9.

Полякова Е.Н. Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века: в 2 т. — Пермь, 2010. — Т. 1: А—О.

Прыжов И. Нищие на Святой Руси. — М., 1862.

Российский, с немецким и французским переводами, словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом: в 2 ч. — СПб., 1780. — Ч. 1.

Словарь Академии Российской. — СПб., 1793. — Т. 4: От М до П.

Словарь русских народных говоров. — Л., 1977. — Вып. 12.

Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1989. — Вып. 15.

Словарь русского языка XI–XVII вв. — М., 1991. — Вып. 17.

Словарь церковно-славянского и русского языка. — СПб., 1847. — Т. II: З–Н.

Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. — М., 2000.

Татищев И. Полный Французско-Российский словарь, сочиненный по пятому изданию Словаря Академии Французской. — СПб., 1824. — Т. 1: От А до С.

Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. — М., 1863–1865.

REFERENCES

Eremina M.A. Len' i trudolyubie v zerkale russkoi yazykovoi traditsii, Nizhnevartovsk, 2014.

Klyuchevskii V.O. Dobrye lyudi Drevnei Rusi, Sergiev Posad, 1892.

Lassan E. Vremya luzerov, in *Respectus Philologicus*, No. 16 (21), Vilnius, 2009.

Levontina I.B., Shmelev A.D. Na svoikh dvoikh: leksika peshego peremeshcheniya v russkom yazyke, in *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira*, Moskva, 2001.

Maksimov S.V. Brodyachaya Rus' Khristaradi. Proshaki. Zaproshchiki. Kubraki. Labori. Nishchaya Bratiya. Pobirushki. Pogorel'tsy. Nishchebrody. Kaluny. Kaliki Perekhozhie (Slepsy). Bogomoly. Bogomol'tsy. Skrytniki. Khristolyubtsy, Sankt-Petersburg, 1877.

Mustaioki A., Vepreva I. Metayazykovoi portret modnykh slov // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: material of annual international conference «Dialog» (Moskva, May 27–30, 2015), issue 14 (21): in 2 vol., Moskva, 2015, vol. 1: Osnovnaya programma konferentsii.

Petrov L. Blagotvoritel'nost' v Drevnei Rusi, in *Vestnik blagotvoritel'nosti*, No. 9, Sankt-Petersburg, 1899.

Polyakova E.N. Slovar' leksiki permskikh pamyatnikov XVI — nachala XVIII veka: in 2 vol., Perm', 2010, vol. 1: A—O.

Pyzhov I. Nishchie na Svyatoi Rusi, Moskva, 1862.

Rossiiskii s nemetskogo i frantsuzskogo perevodami slovar', sochinenniy Ivanom Nordstetom: in 2 p., Sankt-Petersburg, 1780, p. 1.

Russkii slovar' yazykovogo rasshireniya, compiler A.I. Solzhenitsyn, Moskva, 2000.

Slovar' Akademii Rossiiskoi, Sankt-Petersburg, 1793, vol. 4: ot M do P.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, Leningrad, 1977, issue 12.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv., Moskva, 1989, issue 15.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv., Moskva, 1991, issue 17.

Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka, Sankt-Petersburg, 1847, vol. II: Z–N.

Tatishchev I. Polnyi Frantsuzsko-Rossiiskii slovar', sochinenniy po pyatomu izdaniyu Slovary Akademii Frantsuzskoi, Sankt-Petersburg, 1824, vol. 1: Ot A do S.

Tolkovyi slovar' zhivago velikorusskago yazyka V.I. Dalya, Moskva, 1863–1865.

«Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения)

В статье анализируются эпистолярное наследие и научные труды академика Ф.И. Буслаева с точки зрения образа автора. Его интонации, символы, ключевые слова, педагогические и лингвистические приемы работы с текстом характеризуют ученого как яркую языковую личность со своими нравственными принципами и приверженностью национальным традициям в духе славянофильства. Подчеркивается, что наследие Ф.И. Буслаева проникнуто стихией народного духа и мифотворчества, в которой ученый находит выражение лучших свойств характера наших предков. В работе представлены и охарактеризованы основные перекрестки языковой личности Ф.И. Буслаева на материале его произведений народно-поэтического, литературоведческого, лингвистического и духовно-эстетического циклов. Отмечаются языковые особенности «Воспоминаний» ученого. В них с наибольшей силой выразился писательский талант творца филологии духа.

Ключевые слова: *филология; стилистика; народный эпос; языковая личность; когнитивная лингвистика; авторский текст; язык и культура; методология филологических исследований.*

Oleg V. Nikitin

«Philology of Spirit». Fedor Ivanovich Buslaev as Linguistic Persona (For 200th Anniversary of the Birth).

The epistolary heritage and scientific works by the academician F.I. Buslaev is analyzed in relation of author's image. His intonations, symbols, key words, pedagogical and linguistic procedures of the work with the text characterizes the scientist as the vivid linguistic persona with own moral principles and traditionalism in the mould of Slavophilism. It is marked that F.I. Buslaev's heritage is full with national genius power and mythogenesis in which he finds out the expression of the best characteristics of our ancestry. The article presents and characterizes the general constants of F.I. Buslaev's linguistic persona as exemplified in folk-poetic, literary, linguistic and moral and aesthetic cycles. The language special aspects of "Vospominaniya" by the scientist are reported. His talent for writing is expressed in this work most of all.

Key words: *philology; stylistics; national epos; linguistic persona; cognitive linguistics; author text; language and culture; philological investigations methodology.*

В исторических картинах прошлого есть события и лица такой величины, что возносит их на пьедестал славы подлинных

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор.

E-mail: olnikitin@yandex.ru

ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет»

ул. Радио, д. 10А, Москва, 105005, Россия

Moscow State Region University

10A Radio Str., Moscow, 105005, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Никитин О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2018. – № . – С. 79–86. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-79-86.

героев, не просто вместивших в свои биографии яркие научные открытия и значимые достижения, но первенствовавших среди великих мыслителей своего времени. Их живой свет до сих пор озаряет дорогу в словесное искусство и показывает истинные ценности гуманизма.

Филологией духа пронизано всё творческое наследие Ф.И. Буслаева (1818–1897), вобравшее лучшие традиции историков, этнологов, педагогов, искусствоведов и языковедов XIX в., когда и происходило формирование национальной словесности как науки — выразительницы духа, народной культуры, верований и творческих исканий славистов, поднимавших стяг знания языка над серостью и косностью отсталых идей,

над «полицейскими законами» обучения и проносивших его с достоинством, несмотря ни на какие лишения и либеральные взрывы «прогрессивной» интеллигенции.

Облик Ф.И. Буслаева как представителя своего поколения в чем-то, безусловно, и традиционен: с гимназических лет он воспитывался в духе философской грамматики и четких логических схем ученической муштры, а затем, воспротивившись, создал иную систему филологического образования высокодуховной личности, вложив в свой первый и главный методико-лингвистический труд «О преподавании отечественного языка» (1844) и современный ему западный опыт, и прогрессивные идеи сравнительно-исторического языкознания, и личные интересы — романтику души, влечение к народному мифотворчеству, старине, без которой невозможно воспитать живого наследника племени россов, понимающего и ценящего родное слово.

Первый «перекресток» языковой личности Ф.И. Буслаева как раз и находится в области его педагогических экспериментов, гравировавших имя ученого как создателя, мыслителя, «сочувственника» и мудрого наставника детских душ.

В период написания книги «О преподавании отечественного языка» в обществе не было единства: по какому пути должно идти обучение — по «реалистическому» или «гуманистическому»? Эти споры Ф.И. Буслаев показал на страницах своего сочинения. В самом широком смысле два направления разнились целями воспитания и преподавания: у одних польза знаний — главный аргумент, у других — образование духа. Вот как писал ученый об этом:

Учи детей предметам, а не словам; начиная образованием, нужным для света: для высших идей ученик еще не созрел. Гуманисты: начиная идеями и словом как выражением идей; образуй ученика для высшего мира духовного: для здешней жизни научит его сама жизнь (цит. по изд.: [Буслаев 1867: 23]).

На протяжении всего повествования Ф.И. Буслаев призывал задуматься над тем, что «учитель отечественного языка оказывает самое сильное влияние на нравственное направление ученика» [Там же: 176]. Он говорил о необходимости приобщения к лучшим образцам отеческого наследия: Несторовой летописи, «Слову о полку Игореве» и другим памятникам (см.

о вкладе ученого в лингвистическое источниковедение: [Никитин 2004]), и особое внимание уделял чтению текстов.

В филологии духа Ф.И. Буслаева возникает новая наука — стилистика, которая до того времени почти никак не применялась в учебных целях. Под ней он разумел всё словесное пространство, которое охватывает мир народной культуры и его язык: архаизмы, варваризмы, провинциализмы [Там же: 309]. Ф.И. Буслаев знакомил детей с таким интереснейшим разделом науки о языке, как ономастика. Ученый говорил о впечатлениях от речевого выражения, подчеркивал важность восстановления «первобытного смысла» для того, чтобы «возобновлять в душе своей творчество первоначального языка» [Там же: 313]. Используя современную научную терминологию, можно сказать, что автор знакомил учеников с картиной мира — концептосферой, куда включал такие понятия, как «вещь», «мир», «душа», «искусство», «наука», «право», «вера», «судьба» и др. Их лингвокультурологическому разбору были посвящены отдельные разделы этой книги. Главным для Ф.И. Буслаева является проникновение в семантику логоса, постижение внутренних связей и природного генезиса слова, его символики. Он приводил показательный пример:

Для выражения познавательной способности и действий ее мы употребляем слова: *ум, разум, рассудок, суждение, понятие, мысль* и др. Отличие ума от разума особенно заметно в прилагательных и глаголах: *умный* может быть и зверь, *уметь* может и зверь; но быть *разумным* и *разуметь* не может. *Умение* бывает и механическое, от навыку: *разумение* предполагает познание того, что делаешь. Можно *уметь* что-нибудь делать и *не разуметь*, почему так делаешь. Отсюда видно превосходство *разума* (*vernunft*) над *умом* (*verstand*); потому пословицы: *ум без разума беда, ум за разум зашел*. Так как обе эти способности в человеке соединяются, потому и язык наш соединяет оба эти слова в выражении *ум-разум* [Там же: 321].

В народном языке он отмечал такие явления, как тавтология, эллипсис, повторение, и впервые говорил о фразеологии. Эти «фигурные выражения», как полагал ученый, позволяют воспитать у ученика «разборчивое чутье к русской речи» [Там же: 344].

Не случайно вторая часть книги «О преподавании отечественного языка», куда Ф.И. Буслаев включил материалы для грамматики и стилистики, вызвала такой

сочувственный отклик академика А.А. Шахматова: «...из всего написанного о русском языке я не читал ничего более интересного, более живого и талантливое этого ядра Исторической грамматики Буслаева» [Шахматов 1898: 9].

Народный язык, его история, классическая поэзия и проза русских литераторов XVIII–XIX вв. Ломоносова, Державина, Крылова, Грибоедова, Пушкина вдохновляли филологические поиски Ф.И. Буслаева и направляли их в область настоящей педагогики: взросления, духовно, нравственно и словесно обогащали учеников, воспитывали в них живую сопричастность родной истории и понимание культурной традиции словотворчества как искусства и дара Божьего.

Второе проявление филологического облика Ф.И. Буслаева — его неподдельный интерес к истокам народной культуры и древнерусской словесности, из которой он особенно выделил «стихотканье»: «Только поэзия имеет средства изображать человека во всех подробностях и случайных обстоятельствах его быта; только искусство умеет соединить интерес к мелочам жизни с высокими стремлениями души» [Буслаев 1852: 3]. Он был внимателен к эстетике языка прошлого родной земли. Вот, вышли русские стихотворения «оксфордского бакалавра» Ричарда Джемса, записанные «по горячим следам», и Ф.И. Буслаев тут же откликается на них научным исследованием о поэзии XVIII в., называя их драгоценными памятниками русского языка [Там же: 2].

Он обращает внимание на «Домострой» как своего рода учебник жизни, наставляющий детей и вразумляющий их благочестивым опытом старины. Но там ученый не находит поэзии и устремляет свои поиски к тем образцам эпической деятельности, которые вроде бы находились на периферии официальной традиции, даже порицались ревнителями веры за «неверное» язычество, но жили в памяти народа: праздники с песнями и хороводами, свадебные обряды, похороны, чернокнижие, чародейство, заговоры и нашептывания, приметы. «Воспитанная язычеством и поддерживаемая суеверием, русская поэзия была темной стороной жизни наших предков в XVI и XVII столетиях», — писал Ф.И. Буслаев [Там же: 22]. Но в этом заключалась ее мифологическая основа, уходившая своими корнями в глубокую древность. В этом он видел живой дух народа, его симпатии

и историческую память и восхищался такими «отреченными» стихами, как уникальными по художественной форме и языку произведениями искусства. Разбирая «джемсовы песни», Ф.И. Буслаев прославляет безыскусственный эпос, поднимает способности необразованного простолюдина над обычными суевериями и вводит его в храм словесности! Для академической науки того времени это был смелый шаг.

В речи «О народной поэзии в древнерусской литературе», произнесенной в Торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1859 г., Ф.И. Буслаев еще определеннее высказывается о ценности таких источников «для истории возвышенной христианской поэзии древней Руси» [Буслаев 1859: 42]. В своем языковом и интеллектуальном сознании ученый включается в «ментальный образ мира» того времени, ищет и находит его ключевые события, открыто говорит «о тесной связи древнерусской поэзии с искусствами образовательными» [Там же: 45]. Для филологического зрения Ф.И. Буслаева здесь важен и другой акцент: «...изучая древнюю Русь, исследователь яснее понимает и современное нам нравственное состояние русского народа, точно так же, как изучение устной народной поэзии нечувствительно вводит нас в художественный мир древней Руси» [Там же: 50].

В речевом портрете Ф.И. Буслаева отчетливо проступали славянофильские черты, а его увлеченность древним мифотворчеством выразилась в использовании отвлеченных элементов высокого слога: «деятельное начало» [Буслаев 1852: 22], «с христианскими понятиями» [Там же: 23], «проблески христианской набожности» [Там же: 24], «увлекается красноречивым негодованием» [Там же: 26], «с благочестивыми требованиями» [Там же: 33], «обременительные для памяти» [Там же: 47] и т.д. Часто Ф.И. Буслаев обращается к общепhilософскому термину «эстетика», который он соотносит с народным творчеством, как бы показывая этим глубину и красоту древних мифологических представлений, например, это выразилось в сочетаниях: «эстетическому развитию той эпохи» [Там же: 25], «с глубоким эстетическим тактом» [Там же: 57].

На пути проникновения в историческое прошлое слово для Ф.И. Буслаева играло первостепенную роль. Оно — и миф,

и поэзия, и наука, и искусство. И дело даже не в том, что он всегда восторгался Гриммовской школой. Ее методика была своего рода инструментом для познания духовной традиции народа. Ф.И. Буслаев видел в мифотворчестве «необразованного» люда отголоски культурных, этнических и языковых переплетений старины и поднял этот безличностный миф до уровня высокого художественного творчества и талантливого языкотворчества. Везде в нем главным мерилom являлось слово как живой родник мысли, побуждений, верований, как «глас народа». Замечательно выказанное им в статье «Эпическая поэзия» отношение к доисторическому периоду языка, в котором он ясно чувствовал подлинную речь разумного существа, богатую своими оттенками смыслов, метафорами, поговорками, «минутными движениями сердца»:

...происхождение языка есть первая, самая решительная и блистательная попытка человеческого творчества. Слово — не условный знак для выражения мысли, но художественный образ, вызванный живейшим ощущением, которое природа и жизнь в человеке возбудили. Творчество народной фантазии непосредственно переходит от языка к поэзии. Религия есть та господствующая сила, которая дает самый решительный толчок этому творчеству, и древнейшие мифы, сопровождаемые обрядами, стоят на пути созидания языка и поэзии, объемлющей в себе все духовные интересы народа [Буслаев 1861: 1–2].

Совершенно особенным филологическим колоритом обладает курс лекций по истории русской литературы, читанный его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу в 1859–1860 гг. В нем Ф.И. Буслаев не только показал высоту духа просвещения, но и представил обстоятельный анализ редких памятников письменности, включил их в контекст истории и культуры народа, в образовательную систему — «чтобы своими личными взглядами и соображениями» не нарушить «полноты и свежести впечатления» [Буслаев 1904: 5]. Лекции — это авторские этюды ученого, в которых проявилось его мастерство как педагога и служителя филологии, откликавшегося на перспективные идеи и направления того времени. Удивительно во второй лекции читать об индоевропейских народах, сравнительном изучении языков и «самой точной», по выражению Ф.И. Буслаева [Там

же: 14], сравнительной грамматике, убедившей ученого в том, что «языки всех этих (германцев, кельтов, индийцев и т.д. — О.Н.) народов суть не что иное, как ветви или наречия одного общего им целого <...>. Родство их обозначается не только в склонениях и спряжениях, особенно в местоимениях, именах числительных, но и во многих словах, имеющих бытовое и семейное значение» [Там же: 14–15]. Ф.И. Буслаев внушал своему ученику, что язык — это не только «выражение мыслей и представлений говорящего», но и мир «идей и представлений» [Там же]. Автор знакомил наследника с именами ведущих компаративистов XIX в.: М. Мюллера, В. и Я. Гриммов, П. Шафарика и др., включая таким образом сам предмет в русло мировой традиции сравнительного исследования истории, этнографии, литературы, языка. Он подчеркивал: «С тех пор оказалось уже невозможным изучение русской словесности и вообще народности и старины независимо от родственных нам славянских племен» [Там же: 19].

Показательно в лекциях Ф.И. Буслаева вдохновенное восхищение славянскими наречиями и определение древнего церковнославянского языка. Это — «не что иное, как одно из местных наречий племени болгарского, ранее прочих подвергшееся литературной обработке трудами христианских славян, живших вместе с греками, и потому усвоивших себе все плоды тогдашней их образованности» [Там же: 24].

Филологический дух Ф.И. Буслаева поднимается высь от сербских песен, древних историко-поэтических сказаний и басен, народных фантазий, в которых он подчеркивал элементы национальной идентичности, говорил о высокой нравственной силе и смысле таких произведений. От древностей немецкого эпоса и западнославянских «штудий» Ф.И. Буслаев снова переходит к излюбленному вопросу «эпического быта» русской обрядовой поэзии, выделяя в ней ключевые понятия-символы: «рождение», «женитьба» и «смерть» [Там же: 88]. Можно сказать, что ученый стоял у истоков когнитивного изучения мировоззрения древних народов, выраженных в художественном слове. Он подробно разбирал каждый этап человеческой жизни, включая в такую историко-культурную летопись мифологические представления о «роде-племени», об «умыканье», «игрищах» и «хороводах», «вене»

(т. е. плате за невесту), «кладных деньгах» (условная плата жениха и свекра невесте») и т.д. [Там же: 101–103]. Ф.И. Буслаев — мастер создания лингвокультурного портрета эпохи, в котором перекликаются старинные речения, вобравшие символику языческих верований, например: «свадьба без див не бывает» — говорит русская пословица, то есть без демонических чарований» [Там же: 107], а семантика обычного слова выходит за пределы канонического текста и разрастается до семиотического пространства вселенной народных представлений: так, он объяснял символическое значение «каши», «воды» и «огня», «сапога».

Эта филологическая стихия духа, судя даже по напечатанным лекциям, не только захватила Ф.И. Буслаева как проникательного литературоведа, но проявила в нем и лингвистические свойства характера ученого: строгий историзм и компаративизм при изучении любых аспектов народного эпоса, просвещенческая направленность художественных текстов, широкие семасиологические обобщения и отличное знание старинных устных и письменных славянских поэтических традиций и юридическое быта Древней Руси.

Третий аспект языковой личности Ф.И. Буслаева можно увидеть при чтении его главных лингвистических трудов: магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию» [Буслаев 1848] и фундаментального учебника «Опыт исторической грамматики русского языка» [Буслаев 1858а; 1858б].

В первой работе ученый вслед за А.Х. Востоковым, опубликовавшим в 1843 г. научное издание Остромирова Евангелия, выступил последовательным компаративистом и дал тщательный разбор культурно-исторических реалий быта нашей древности с семасиологической и сравнительно-исторической точек зрения. Он одним из первых обратил внимание на лексикологический запас славянского Евангелия [Буслаев 1848: 5], обнаружил в нем следы язычества и разделил древнейшую историю языка на мифологический и христианский периоды [Там же: 6]. В русле наших наблюдений над «филологией духа» Ф.И. Буслаева важен факт концентрации его мысли на слове как творчестве, живописующем идею и «своей изобразительностью» превращающем «вещественное

явление» в духовное [Там же: 9]. Он воспринимал его сквозь тень преданий и чувствований, как будто слышал и видел его:

Слово, как звук, выражающий движения потрясенной души, тронутой впечатлением внешним в соприкосновении с действительностью, означает предметы по тем достоинствам, какие ярче бросаются в глаза и затрагивают (так в тексте. — О.Н.) воображение» [Там же: 10].

Слово в понимании Ф.И. Буслаева — это верование, мифология, «народное сознание природы и духа, вызывшееся в определенных образах» [Там же: 65–66]. Он боготворит народное начало в стихии мыслительной деятельности человека и не отделяет последнего от матери-природы:

Слово понимается каждым согласно с его образом мыслей, а народ, образуя язык, находится в периоде бессознательного обоготворения сил природы, следовательно <, > весь язык, прошедши этот период, удерживает в себе следы первоначального мышления. Изобразительность в наименовании духовных способностей произошла не от недостатка в словах и не от отграниченности самосознания, но от свежести воззрений на природу и от веры в тайное с нею общение человеческой души¹ [Там же: 66].

В этой бесконечно интересной книге, выходящей за пределы своего века с его мифологическими концепциями и спорами, автор дал толчок широкому научному движению изучать слово не только как исторический факт, но как явление народной мысли, стихии впечатлений и душевных отзвуков. Здесь отразилось представление ученого об экологии языка и его связи с природными началами жизни. Недаром символам *душа*, *дух* он посвятил обстоятельный разбор [Там же: 67–74].

Можно предположить, что языковое сознание Ф.И. Буслаева «идет по своим нравственным законам движения», сообразно с природным течением, в котором жизнь языка неотрывна от исторических судеб и изустных культурных традиций славянства.

Одна из основных мыслей магистерского сочинения перекликалась, как мы думаем, с глубокими личными переживаниями ученого, теснейшим образом воспринимавшего словесные механизмы народной

¹ В цитируемом фрагменте и далее авторские двоеточия заменены запятыми, точкой с запятой согласно современным правилам.

речи как социальные факты языка, историческую память, своего рода заповеди, в мифологическом облике которых можно обнаружить реальный, переосмысленный народом национальный код культуры. Его хранит, по мнению Ф.И. Буслаева, родной язык:

...пока он [народ] не утратит своего языка, до тех пор не погибнет в нем духовная жизнь его предков. Мысль, извне привитая к слову, никогда не осилит живого образа, в нем впервые воссозданного. И если народ силою своего умственного образования разовьет самостоятельно строгую мыслительность, в пределах своего собственного языка, то это возможно не иначе, как только по глубокому и искреннему сочувствию, хотя и не всегда отчетливому, с теми представлениями, какие лежат в основе самого языка. Вместе с родным языком мы нечувствительно впитываем в себя все воззрения на жизнь, основанные на верованиях и обычаях, в которых язык образовался; и как предания, донесшиеся до нас из отдаленных веков только в звуке, мифология народная долго будет жить в языке своей яркой изобразительностью и метким взглядом на природу [Буслаев 1848: 88].

В «христианском» периоде, по мнению Ф.И. Буслаева, происходило «возведение слова от наглядного представления до общего понятия» [Там же: 89]. При этом многие религиозные понятия типа «крест», «алтарь», «церковь» «ославянились, ходили в устах народа задолго до перевода Св. Писания» [Там же: 105]. Особое внимание ученый уделяет славянским терминам родства, по сути представляя идеографический анализ конца птолов, обозначающих семейные отношения: *жених, брак, понятие о победе, невеста* и др. Всю вторую часть книги пронизывает идея эволюции языковых форм и значений, в данном случае — от семейных понятий к явлениям, обозначающим гражданский быт.

Язык — текст — история — миф — христианство — народ — вот те общие культурные скрепы, которые сопровождают духовное развитие славян от древнейшей «эпической» традиции с ее природными словесными конкордансами до времени «ясного разума христианских идей [Там же: 211]. В «филологии духа» Ф.И. Буслаева эти величины постоянны как символы — носители человеческой мысли, сплетенные почти неосознанной тканью с оттенками далеких верований и языков прежних эпох, хранящих удивительные артефакты словесного менталитета народа.

В «Опыте исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаев как творческая личность находится на пересечении двух способов изучения языка — филологического и лингвистического. Он немного колеблется между философскими системами В. фон Гумбольдта, Я. Гримма, Ф. Боппа и грамматическими представлениями К. Беккера, которые давали «слишком значительный перевес определениям различных логических тонкостей перед положительным изучением самого языка...» [Буслаев 1858а: XVII]. Сравнительно-исторический подход Ф.И. Буслаев признает ценным для осмысления эволюции и понимания внутреннего строения языка. Он писал:

Эта наука рассматривает слово уже не только как средство для взаимного сообщения мыслей, но и как живой памятник духовного бытия народов, и при том памятник древнейший, которого история может быть поставлена во главе истории умственного развития человечества [Там же: XVIII].

И еще один важный тезис ученого заключается в том, что историческое направление «признает и права родной, разговорной речи, и права языка литературного» [Там же: XIX].

В этой объемной работе наряду с подробными фонетическими и грамматическими правилами и изъяснением законов языка на первый план выступает «филология духа» мыслителя с ее незыблемыми для ученого константами: «Язык есть не случайное изобретение...»; «...язык... не только дар слова, но и самый народ...» [Буслаев 1858а: 1] — с одной стороны. А с другой: «Язык служит нам для взаимной передачи мыслей, т.е. представлений, понятий и суждений»; «Предметы оказывают впечатление на наши чувства»; «Все слова суть не что иное, как названия общих представлений и понятий» [Буслаев 1858б: 1, 2, 5].

История и логика, творчество и система языка, грамматика как искусство правильно говорить и писать (средневековое понимание) и как наука о языке, основанная на его законах и методах (новый тезис для первой трети XIX в.), — эти две стихии языковедения борются в сознании Ф.И. Буслаева, как филология с лингвистикой.

Наконец, кое-что следует сказать и о «стиле» его ненаучных произведений, в которых талант Буслаева-ученого вырос до тонкого, ироничного, событийного

писателя-реалиста, перед глазами которого прошли удивительные события и лица XIX в.: от случайной студенческой встречи с В.А. Жуковским до общения с графом С.Г. Строгановым, митрополитом Филаретом, университетской интеллигенцией и др. Этот четвертый аспект в анализе языковой личности Ф.И. Буслаева нельзя обойти стороной. В «Моих воспоминаниях» филологическая душа Ф.И. Буслаева расцветает живыми красками речевых портретов и такими пронзительными диалогами, как будто они происходили недавно (при этом заметим, что Ф.И. Буслаев фактически диктовал свои воспоминания уже в преклонные лета).

«Мои воспоминания» Ф.И. Буслаева эмоциональны, часто с высоким пафосом и оптимизмом и в то же время с обилием житейских зарисовок, причем без такого налета официальности и протокольности, который нередко возникает в подобных произведениях. Они пронизаны искренними чувствами, укрепляют веру, приподнимают человека над обыденным. В лингвокультурном смысле такие «тексты» хочется назвать *металитературой*, где картины научного творчества, этапы жизненного взросления и филолого-эстетические этюды срастаются воедино и превращаются в самопознание автора, свободное рефлексирование «в себе» и «над собой». А потому ему хочется и можно доверять.

Дополняют языковой портрет Ф.И. Буслаева воспоминания его коллег и учеников. Исследователь истории Курского края, бывший студент Ф.И. Буслаева А.А. Танков подметил редкие черты ученого, не похожего на красноречивых профессоров его времени:

Там было искусство, здесь естественность, там декламация, здесь как бы простой пересказ, там отделка фразы, здесь как бы шероховатости, недомолвки, отсутствие работы над конструкцией речи. И в то же время умные задеть за живое слушателей, приковать их внимание к предмету лекции, не дать им возможности скушать и утомляться [Танков 1897: 842].

Языковая личность Ф.И. Буслаева несравненно выше, глубже и чище, чем мы показали в наших заметках, которые только набрасывают примерные очертания филологии духа этого замечательного

ученого, влюбленного в науку и видевшего в ней благодатный источник духовной крепости, нравственной силы и умственной красоты для тех, кто превратит свои занятия по языку в уроки животворящего слова.

ЛИТЕРАТУРА

Буслаев Ф.И. История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860 г.). — М., 1904.

Буслаев Ф.И. Мои воспоминания // Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. — М., 2003. — С. 11–384.

Буслаев Ф.И. Эпическая поэзия // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Сочинение Ф. Буслаева. — СПб., 1861. — С. 1–77. — Т. 1.

Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): автореферат дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2004.

О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым. — М., 1848 [Буслаев 1848].

О народной поэзии в древнерусской литературе. Речь, произнесенная в Торжественном собрании Императорского Московского университета исправляющим должность экстраординарного профессора русской словесности Ф. Буслаевым. — [М.,] 12 января 1859 года [Буслаев 1859].

О преподавании отечественного языка. Сочинение Федора Буслаева. Издание второе. — М., 1867 [Буслаев 1867].

Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей. Часть I. Этимология. Составлено... Ф. Буслаевым. — М., 1858 [Буслаев 1858a].

Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей. Часть II. Синтаксис. Составлено... Ф. Буслаевым. — М., 1858 [Буслаев 1858b].

Русская поэзия XVIII века. Сочинение Ф. Буслаева. — М., 1852 [Буслаев 1852].

Танков А. Воспоминания о Ф.И. Буслаеве // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. — 1897. — Т. LXIX. — № 9 (сентябрь). — С. 837–851.

Шахматов А.А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Ф.И. Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского 21-го января 1898 года... — СПб., 1898. — С. 7–16.

REFERENCES

- Buslaev F.I. Istoriya russkoi literatury. Leksii, chitannye ego imperatorskomu vysochestvu nasledniku tsesarevichu Nikolayu Aleksandrovichu (1859–1860 g.), Moskva, 1904.
- Buslaev F.I. Moi vospominaniya, in *Moi dosugi. Vospominaniya. Stat'i. Razmyshleniya*, comp., notes by T.F. Prokopov, Moskva, 2003, pp. 11–384.
- Buslaev F.I. Epicheskaya poeziya, in *Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva. Sochinenie F. Buslaeva*, Sankt-Petersburg, 1861, pp. 1–77, vol. 1.
- Nikitin O.V. Delovaya pis'mennost' v istorii russkogo yazyka (XI–XVIII vv.). Extended abstract of PhD's thesis, Moskva, 2004.
- O vliyani khristianstva na slavyanskii yazyk. Opyt istorii yazyka po Ostromirovu Evangeliiu, napisannyi na stepen' magistra kandidatom F. Buslaevym, Moskva, 1848 [Buslaev 1848].
- O narodnoi poezii v drevnerusskoi literature. Rech', proiznesennaya v Torzhestvennom sobranii Imperatorskogo Moskovskogo universiteta ispravlyayushchim dolzhnost' ekstraordinarnogo professora russkoi slovesnosti F. Buslaevym, [Moskva,] January 12 1859 [Buslaev 1859].
- O prepodavanii otechestvennogo yazyka. Sochinenie Fedora Buslaeva. 2nd issue, Moskva, 1867 [Buslaev 1867].
- Opyt istoricheskoi grammatiki russkogo yazyka. Uchebnoe posobie dlya prepodavatelei. Chast' I. Etimologiya. Sostavleno... F. Buslaevym. Moskva, 1858 [Buslaev 1858b].
- Opyt istoricheskoi grammatiki russkogo yazyka. Uchebnoe posobie dlya prepodavatelei. Chast' II. Sintaksis. Sostavleno... F. Buslaevym, Moskva, 1858 [Buslaev 1858b].
- Russkaya poeziya XVIII veka. Sochinenie F. Buslaeva, Moskva, 1852 [Buslaev 1852].
- Tankov A. Vospominaniya o F.I. Buslaeve, in *Istoricheskii vestnik: Istoriko-literaturnyi zhurnal*, 1897, vol. LXIX, No. 9 (September), pp. 837–851.
- Shakhmatov A.A. Buslaev kak osnovatel' istoricheskogo izucheniya russkogo yazyka, in *Chtytre rechi o F.I. Buslaeve, chitannye v zasedanii Otdela Komenskogo 21-go yanvarya 1898 goda...*, Sankt-Petersburg, 1898, pp. 7–16.

ХРОНИКА

«Буслаевские чтения» в Институте лингвистических исследований РАН

5 апреля 2018 г. в конференц-зале Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург) состоялось открытое расширенное совместное заседание Межкафедрального словарного кабинета имени профессора Б.А. Ларина (СПбГУ) и Словарного отдела ИЛИ РАН, посвященное 200-летию со дня рождения академика Ф.И. Буслаева, — «Буслаевские чтения».

В программу заседания были включены доклады ведущих специалистов в области изучения истории отечественного языкознания и древнерусской письменной культуры: д.ф.н. профессора О.В. Никитина (Московский государственный областной университет) «Федор Иванович Буслаев: личность и судьба ученого в филологической традиции его времени», к.ф.н. доцента Ф.Н. Двинятина (Санкт-Петербургский государственный университет) «Структура текста “Временника” Ивана Тимофеева: традиционное и индивидуальное», к.ф.н. А.С. Шекина (Санкт-Петербургский государственный университет) «Паисиевский сборник начала XV века в публикациях Ф.И. Буслаева».

Докладчики и участники Буслаевских чтений не только рассказали о малоизвестных фактах из биографии ученого, в которой до сих пор много неизвестного, но и включили его личность в контекст славяно-русской филологии XIX века, традиции которой во многом определяли труды Ф.И. Буслаева: от мифологической теории русского литературного языка до фундаментальных работ по исторической грамматике, устной народной культуре, палеографии, эстетике, теории и истории литературы и прогрессивных взглядов на преподавание отечественной словесности.

Ведущие заседание заведующая Межкафедральным словарным кабинетом имени профессора Б.А. Ларина к.ф.н. доцент Е.В. Генералова и заместитель директора ИЛИ РАН д.ф.н. М.Н. Приемышева обратили внимание присутствующих на то, что подобные чтения вносят живую интонацию в застывшие «формулы» и «парадигмы» языка лингвистики XXI в. и способствуют погружению в «интимы грамматики» (выражение XVIII в.) золотого века русской филологии.

Среди гостей и участников обсуждения были известные российские лингвисты — представители Санкт-Петербургской лингвистической школы — доктора филологических наук И.А. Малышева, Д.М. Поцепня, О.А. Черепанова, доктор философии Гётеборгского университета (Швеция) Т. Рузен, преподаватели СПбГУ С.А. Аверина, О.В. Васильева, аспиранты, студенты. Все собравшиеся на этом памятном заседании отметили, что такие мероприятия способствуют изучению и пропаганде наследия крупнейших ученых прошлого, во многом подпитывают и современные исследования, показывают научные ориентиры филологического пространства текста, учат любить и ценить родную речь, понимать извития словес книжной и простонародной культуры, чувствовать ее образы и скрытые смыслы.

Материалы научных чтений будут опубликованы в одном из лингвистических журналов.

О.В. НИКИТИН,

доктор филологических наук, профессор,

ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет»

Новые ориентиры в школьном языковом образовании

Монография «Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития» является, как определено ее редактором Н.Л. Мишатиной, «плодом уникального научного сотрудничества и кооперации российских лингвистов и методистов-лингвоконцептологов, представляющих разные научные школы и направления» (с. 12). В монографии впервые всестороннее описание получили основные направления и тенденции методической лингвоконцептологии как одной из новых областей современной русистики, развивающейся в рамках антропокультурологической парадигмы.

В масштабном издании приняли участие более 30 ученых из Санкт-Петербурга, Москвы, Краснодара, Волгограда, Томска, Нижнего Новгорода, Рязани, Вятки, Иркутска и др.

В монографии суммируются достижения многих специалистов, которые исследуют методологические и практические вопросы нового теоретико-прикладного направления, называемого по-разному: «антропологическая лингвометодика», «лингвокультурная концептология», «методическая лингвоконцептология».

Методическая лингвоконцептология на сегодняшний день находится в стадии собирания своих теоретико-методологических, технологических и творческих ресурсов: создается ее методологическая база,

формируется понятийно-терминологический аппарат, разрабатываются методики школьного анализа концептов, накапливается эмпирический и практико-ориентированный материал, что требует научного осмысления и систематизации новых знаний. Вышедшая монография позволяет значительно продвинуться на этом пути. В некотором роде ее можно рассматривать не только как научно-методическое, но и как энциклопедическое издание, потому что практически все вопросы, волновавшие методистов-лингвоконцептологов на протяжении последних десятилетий, разносторонне рассмотрены и в разной мере обобщены.

Авторами была поставлена и решена еще одна задача, на наш взгляд, не менее важная, чем создание теоретической основы новой области исследования: сделать содержание и идеи лингвоконцептологии понятными для потенциальных читателей и последователей, чтобы собранный материал был востребован как опытными, так и начинающими исследователями, учителями-практиками, представителями междисциплинарного методического знания.

В монографии дается достаточно полное представление о понятийно-терминологическом аппарате и инструментарии методической лингвоконцептологии. Основательная представленность данной теории в виде постулируемых принципов, положений и обобщений, обоснование новой для методики преподавания русского языка терминологии позволяет говорить о методической лингвоконцептологии как состоявшемся научно-практическом направлении.

Терминологический корпус монографии обширен и нов для методики преподавания русского языка в школе. Авторы статей обоснованно используют непривычные для учителей

СПб.: ООО «Книжный дом», 2017. — 450 с.

Татьяна Федоровна Новикова, доктор педагогических наук, профессор кафедры филологии, Педагогический институт

E-mail: tnovikova@bsu.edu.ru

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Ссылка для цитирования: Новикова Т.Ф. Новые ориентиры современного школьного образования // Русский язык в школе. — 2018. — № 5. — С. 87–90. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-87-90.

русского языка понятия: «концептологический, лингвокогнитивный подход к обучению», «лингвокультурная концептология», «лингвоконцептоцентрические стратегии обучения», «лингвоконцептография», «антропопрактики», «концептуальный анализ», «дискурсный анализ», «концептоцентрический свертхтекст» и др.; вводят в свои тексты термины лингвокультурологии и когнитивистики: *геишталт*, *фрейм*, *гиперконцепт*; обосновывают и собственно методические понятия, обозначающие новые формы и приемы сугубо практической работы: «лингвокультурологический портрет слова», «концептуальный (концептный) анализ», «метаконцептуальная система анализа художественного произведения» и др.

Несмотря на то что авторы монографии представляют разные научно-методические школы, их статьи объединены общей идеей: «сегодня изучать язык в школе вне человека, его мыслей, чувств, оценок, возможностей, интуиции практически невозможно» (с. 13), и путь, ведущий к изучению «языка в человеке» и «человека в языке», безусловно, связан с освоением базовых концептов. Именно концепты — «строительный материал» мировоззрения растущей личности. Через концепты язык связывает людей в этнос или нацию.

Важен и другой вывод: методическая лингвоконцептология с ее ориентацией на язык как хранитель культурного кода нации, на концепт как единицу сознания и менталитета (что ставит во главу угла проблему формирования национально ориентированной культурно-языковой личности школьника и студента) расставляет новые акценты в обучении родному языку.

Обширные материалы монографии структурированы и распределены по пяти главам.

В первой главе «**Методическая лингвоконцептология и ее методологическая основа**» проведена своеобразная инвентаризация наработанного интеллектуального капитала в области лингвокультурной и методической концептологии. Известные лингвисты (С.Г. Воркачев В.И. Карасик, В.А. Ефремов и др.) отмечают, что лингвокультурная концептология превращается в лингвокультурную «криптоконцептологию», когда ее базовый термин («лингвокультурный концепт») «умалчивается» либо заменяется на какой-либо другой, близкий по смыслу термин («семантическая константа», «семантическое единство» и пр., чаще заслуживающее определение

«псевдоконцепт»). Лингвокультурный концепт — качественно разнородное ментально-языковое образование, в котором выделяются несколько составляющих. Это понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие, из которых наиболее существенной для лингвоконцептологии представляется образная, о чем косвенно свидетельствует ее дальнейшее дробление на «подсоставляющие»: метафорически-образную, перцептивно-образную, прецедентно-образную, к которым теперь добавляются еще и символически-образная и эмблематически-образная (с. 25, 26).

Таким образом, культурный концепт представлен авторами как многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиялогическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками.

В настоящий момент эти сведения становятся частью осваиваемой школой лингвистической теории. Тем не менее «построение исчерпывающей и непротиворечивой классификации концептов является, по-видимому, невыполнимой задачей», заключает В.И. Карасик (с. 37). Очевидно, что нерешенность многих проблем в лингвоконцептологии и когнитивистике создает определенные препятствия для развития методической лингвоконцептологии.

Смысловым центром монографического исследования можно назвать статью Н.Л. Мишатиной «Методическая лингвоконцептология в пространстве современной русистики». В этой статье обозначен и обоснован антропологический поворот в лингвометодике, прологом которого автор считает методическую лингвоконцептологию.

Филологизация содержания предмета «Русский язык», понимаемая Н.Л. Мишатиной как «расширение контекстуальных рамок для решения проблем воспитания, обучения и развития», обеспечивает «выход» за пределы лексики как системы в область языковой картины мира и концептосферы культуры, прецедентных текстов и литературных образов. При этом технология освоения концептов русской культуры рассматривается автором как антропотехника достраивания и обретения смыслов. В учебный дискурс вводится понятие «виртуальный концептуарий культуры» (с. 61, 62 и др.). Идея концептуария как

целостного контекста предполагает междисциплинарную коммуникацию, которая отвечает задачам усиления и расширения интегративной составляющей филологического образования и в целом — задаче антропологизации современного образования. Н.Л. Мишатиной своевременно поднят вопрос об инвентаризации терминологического аппарата методической лингвоконцептологии. Отталкиваясь от определения «концепт — это средство осуществления интегративной мировоззренческой функции обучения», помогающее осуществить «переход» от конкретных знаний, выраженных в одной системе понятий, к мировоззренческим представлениям, выраженным в другой системе (с. 55), ученый описывает технологический цикл освоения лингвокультурологического концепта как интегрированной единицы языка и культуры. Моделирование словесного портрета концепта соотносится с этапами: а) ассоциативный портрет слова; б) словарный портрет слова; в) метафорически-образный портрет слова (имени концепта) — к индивидуальному речевому смысловому творчеству. Другой вводимый Н.Л. Мишатиной термин — *лингвокультурологическая задача (ЛКЗ)* — объединяет тип учебных полифункциональных задач на углубление или расширение концептосферы ученика как языковой личности. О принятии методическим сообществом термина «лингвокультурологическая задача» свидетельствует включение данного авторского термина в «Глоссарий методических терминов и понятий (русский язык, литература)» (2016).

Таким образом, материалы монографии показывают, что этап становления методической лингвоконцептологии успешно пройден.

В следующих главах рассматривается, как в современной педагогической практике воплощаются идеи лингвоконцептологии.

Глава «**Моделирование лингвокультурного концепта в учебных целях**» открывается статьей А.Д. Дейкиной, посвященной проблеме отношения к слову и его точной семантизации сквозь призму современных подходов к преподаванию русского языка. Метод концептуального анализа представлен как метод приращения гуманитарного знания на ступени средней школы. Приведены конкретизирующие сценарии изучения в школе концептов «число» (М.И. Шутан),

«справедливость» (М.А. Быстрицкая); рассмотрен путь от метафорического портрета к эссе (Ю.В. Малкова); описаны особенности обучению сочинению в русле лингвоконцептоцентрической стратегии речевого развития (Е.С. Богданова). Практические предложения О.Н. Левушкиной по проведению текстоориентированных уроков русского языка на основе лингвокультурологической характеристики текста, результативно приводящих к интерпретации и оценке текста в процессе его характеристики как единицы языка, речи и культуры одновременно, направлены на решение актуальных вопросов подготовки к ЕГЭ.

Начиная разговор о «**Художественных концептах в учебном тексте и дискурсе**» (глава 3), Н.С. Болотнова дает представление о процедуре концептуального анализа; В.А. Доманским и И.В. Сосновской рассмотрены особенности концептологического подхода в литературном образовании. В практикоориентированных материалах показана разноплановая работа с концептами на уроках литературы: представлен опыт концептуального анализа стихотворения Б. Пастернака «Гамлет» (М.А. Бабурина), ценностно-смысловое освоение концепта «дом» на примере анализа романа Ф.А. Абрамова (Л.И. Коновалова, Е.А. Измайлова), рассмотрено междисциплинарное соотношение терминов *художественный концепт* и *лингвокультурный концепт* (что безусловно важно при введении этих понятий в преподавательскую практику), раскрыто взаимодействие методической лингвоконцептологии с другими междисциплинарными методическими концептологиями, прежде всего — литературоведческой, для которой, по мнению авторов, методическая лингвоконцептология выполняет функцию своеобразного «методологического донора».

В главе «**Концепт как текст культуры в школьном образовательном пространстве**» авторами предложен путь филологизации и интеллектуализации содержания предмета «Русский язык», рассмотрен концептоцентрический сверхтекст как основа для разработки этических задач (И.П. Цыбулько); предложен дискурсный анализ концепта на интегративных уроках французского языка и литературы (Н.Е. Быкова); показана работа с концептами в рамках интернет-проекта «Слово в языке, культуре и праве» (Л.И. Новикова); Е.Ю. Колышевой представлен электронный словарь концептов

для школы. Продемонстрирована практика реализации концептуального анализа на примере концептов «кино» (И.А. Мартянова), «свобода» (Н.В. Козловская).

Обращение к концептологии в образовательных целях продолжается и в завершающей главе «**Концепты и ориентиры современного школьного и вузовского образования**», где обсуждаются проблемы обучения русскому языку в полиэтнической школе (Л.А. Ходякова, З.А. Ахметжанова), особенности работы с одаренными детьми, называются пути реализации идеи метапредметности (И.А. Шерстобитова), рассматриваются актуальные вопросы вузовской лингвометодики (Л.П. Сычугова, Г.М. Васильева, В.И. Стативка) и др.

Бесспорно, антропологическая методика — это методика будущего. Значительным вкладом книги в лингвометодику видится не только выявление основных тенденций, но и прогнозирование перспектив развития методической лингвоконцептологии.

Уже сегодня «новая методика» начинает осваивать ближние и дальние горизонты. Ее развитие требует скоординированных усилий членов всего научно-педагогического сообщества, ибо, определяясь в своих границах, антропологическая лингвометодика включается в проблемное поле весьма различающихся областей научного знания.

В связи с этим положением в своем редакторском заключении Н.Л. Мишатина рассуждает на тему невидимого колледжа как наиболее эффективной формы современной научной самоорганизации, в рамках которой ускоряется процесс обсуждения и принятия методологических решений и обучения на практике учителей-исследователей сетевого столетия¹.

Необходимо сказать, что усилия ученых, объединенных в «невидимый колледж» идеей «очеловечивания», «окультуривания», подлинной гуманизации преподавания родного языка на современном этапе, уже дали вполне «видимый», осязаемый результат — монографию «Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития»,

научно-методический труд, который, по нашему убеждению, окажет неоценимое влияние на развитие методической науки, станет отправной точкой для становления антропологической методики преподавания русского языка.

Замеченные нами некоторые противоречия в использовании разными авторами ключевых понятий отнюдь не ставят под сомнение общую теоретическую основательность труда. Отсутствие в научном сообществе единого понимания основополагающих терминов методической лингвоконцептологии свидетельствует о дальнейшем росте и развитии данной отрасли знания, о незавершенности формирования ее метаязыка. Работа по формированию понятийной базы методической лингвоконцептологии должна, безусловно, продолжаться.

Еще в 20-е гг. XX в. Г.О. Винокур отмечал, что следует разграничивать «язык как идеальную структуру выражения» и «язык как предмет культурной истории и этнологии»; и вот, наконец, «проблема «язык и культура» обретает новое дыхание <...>: наблюдается серьезный, концептуальный поворот от атомарного подхода к отдельным явлениям культуры изучаемого языка <...> к проблемам этнолингвистики и вырастающей на ее основе лингвокультурологии...»².

Актуальность обращения к проблеме «язык и культура» в методическом аспекте может быть обусловлена не только теоретической и практической ее неразработанностью, но и социальным заказом, стоящим перед школой XXI в., — формировать языковую личность учащегося, развивать национально-культурную идентичность будущих граждан России. Задача архитрудная и, думается, пока больше декларативная, однако же решаемая. Решаемая, если процесс формирования языковой личности будет осуществляться сквозь «магический кристалл» родного языка, на основе предлагаемого и апробированного инструментария методической лингвоконцептологии, как это убедительно представлено в монографии.

¹ Термин *невидимый колледж* был обоснован Н.Л. Мишатиной на Международном форуме словесников в 2012 г. в Санкт-Петербурге, потом в монографии «Антропологическая лингвометодика: в поисках смысла, содержания и оценивания» (2016), выпущенной Н.Л. Мишатиной в соавторстве с И.П. Цыбулько.

² Бельчиков Ю.А. Проблема соотношения культуры и языка в научном наследии Г.О. Винокура // Язык. Культура. Гуманитарное знание: науч. наследие Г.О. Винокура и современность. — М., 1999. — С. 203.

Андрей Васильевич Барандеев (К 70-летию со дня рождения)

Исполнилось 70 лет Андрею Васильевичу Барандееву — кандидату филологических наук, доценту и профессору вуза, постоянному автору журнала «Русский язык в школе» с 1978 г., председателю Топонимической комиссии Московского городского отделения Русского географического общества. А.В. Барандеев родился 28 мая 1948 г. в Москве. В 1967 г. он стал студентом факультета русского языка и литературы МГПИ им. В.И. Ленина, совмещая учебу с работой. В 1971–1975 гг. он лаборант, а затем младший научный сотрудник Отдела географических названий Центрального научно-исследовательского института геодезии, аэросъемки и картографии.

В годы учебы в институте А.В. Барандеев проявил интерес к научно-исследовательской деятельности, участвуя в работе топонимического кружка, организованного на кафедре общего языкознания. Итогом этой работы стали выступления с докладами на студенческих научных конференциях и первая статья «Книга Большому Чертежу», опубликованная в 1970 г. в журнале «Русская речь».

После окончания МГПИ им. В.И. Ленина в 1972 г. и службы в армии А.В. Барандеев преподает русский язык и литературу в центрах довузовской подготовки ряда вузов Москвы. С 1976 г. в течение 28 лет А.В. Барандеев работал ассистентом, старшим преподавателем и доцентом кафедры русского языка и стилистики Московского полиграфического института. Он читал лекции, проводил практические занятия по ряду лингвистических дисциплин, руководил курсовым и дипломным проектированием.

Закончив обучение в аспирантуре МГПИ им. В.И. Ленина, А.В. Барандеев в 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию «Русская гидрографическая терминология “Книги Большому Чертежу” в историко-лексикологическом освещении».

В 2004–2013 гг. А.В. Барандеев работал доцентом, а затем профессором кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Международной академии

бизнеса и управления.

Специалист в области исторической лексикологии русского языка, топонимики, орфографии, методики преподавания лингвистических дисциплин, А.В. Барандеев является автором более 160 публикаций. Среди них три учебных пособия с грифом Минобрнауки России: «Русский язык. Пособие для факультативного курса» (Под редакцией автора. — 3-е изд. — М., 2001. В соавторстве); «История с географией в терминах» (М., 2005); «История географических названий: Русская топонимия в терминах» (4-е изд. — М., 2017). Научные и научно-методические публикации юбиляра отличаются обширным и надежным фактическим материалом, его убедительной интерпретацией, обоснованностью выводов, а в ряде случаев — острой публицистической направленностью. А.В. Барандеев награжден почетными грамотами, медалями «Ветеран труда» и «В память 850-летия Москвы».

Коллеги желают юбиляру доброго здоровья и удачного осуществления новых творческих замыслов.

Топонимическая комиссия МГО РГО
Редакция и редколлегия журнала
«Русский язык в школе»

CONTENT

METHODICS AND EXPERIENCE

Bogdanova E.S. Formation of the Ground of Civil Identity of Schoolchildren during Russian Language Studying.

Dunev A.I. Intensional Quality of Linguoculturological Tasks.

Sherstobitova I.A., Mishatina N.L. The Universal concept: Natural Science and Philology (Drawing on the Example of “Moving” and “Inertness” Concepts).

Improving professional skills

Chernikova N.V., Savvateeva T.Yu. Terminological Vocabulary in the Modern Press.

Dvoryankova Yu.V. To the Question of Historical Commenting of Derivation Modern Facts.

Vinogradova E.M. «Zveno v Zveno i Forma v Formu» («Part for Part and Form for Form»): the Methodology of Close Reading of Literary Text (Part II).

Discuss and dispute...

Eryomin A.N. Dictionary Entry in the Modern Defining Dictionary (Critical Notes).

METHODOLOGICAL MAIL

Besschetnova S.A. Linguoculturological Lesson of Speech Development «Such Different *Glory*...» (8th–9th forms).

Baburina M.A. Methodological Linguoconceptology: Focus on the Composition in USE Format.

Grigorchenko I.A. The Formation of Linguoculturological Competence of Students during Linguistics Studying: Binary Russian and English Language Lesson.

LITERARY TEXT ANALYSIS

Yablokov E.A. «Kak zhe Vam Ugodno Imenovat'sya?» («How do You Prefer to Be Called?» («Double» Names of Characters in M.A. Bulgakov's Works).

Shirokova E.N. «Chasy» of M. Gor'kii: Conceptualization of Time.

Bobylev B.G. «Mne Strashno Ostupit'sya...»: Lingvostylistic Analysis of the Poem «Koleya» by E. Blagolina.

LINGUISTIC NOTES

Toropkina V.A. Derivational Methods of Social Evaluativity Expression in the Modern Mediatext.

IN THE WORLD OF WORDS

Zelenin A.V. Nishchebrod (Pauper) (Part I).

LINGUISTIC HERITAGE

Nikitin O.V. «Philology of Spirit». Fedor Ivanovich Buslaev as Linguistic Persona (For 200th Anniversary of the Birth).

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

CHRONICLE

EDITORIAL BOARD

Editor in chief: N.A. Nikolina

L.G. Antonova, B.G. Bobylev, N.S. Bolotnova, G.N. Vladimirskaia, J.N. Gosteva, A.D. Deikina, O.E. Drozdova, E.L. Erokhina, A.V. Zelenin (*Republic of Finland*), L.P. Krysin, V.V. Lopatin, O.V. Nikitin, B.J. Norman (*Republic of Belarus*), S.S. Oganesyan, T.M. Pakhnova, I. Pálosi (*Republic of Vengria*), V.M. Pakhomov, M.N. Priemysheva, B. Toshovich (*Republic of Austria*), S.N. Tseitlin, M.R. Shumarina.

Научно-популярный и научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе и дома

Издатель – ООО «Наш язык» Выходит 9 раз в год ISSN 2541–8793 май

12 +

СОДЕРЖАНИЕ

	2	От А до Я
Слова текут — вода живая	7	
	9	У нас на уроке
	11	
Так говорят дети...	13	
	14	Пишут школьники
Игры. Шарады	18	
	19	Кроссворд
Ответы	20	

От А до Я

Словарь языка Тургенева

Д

ДАТЬ: дать веры кому. Поверить. *Хотя я и не дал веры Фелофею, однако заснуть уже не мог. А что, если в самом деле? («Стучит!»).* Ср.: «Дать кому или чему веру, поверить, не сомневаться в ком или в чем» (Даль. Словарь. — Т. 1. — С. 332).

ДВА: два аршина под землю видеть. Быть умным, прозорливым, хитрым. *Я становился у старосты, хитрого и умного «полехи», из тех полей, про которых говорят, что они два аршина под землю видят («Поездка в Полесье»).*

ДВОЕШКА, -и, ж. Здесь: пара, два находящихся рядом и выглядящих как единое целое человека. *Полотно взвилось, и Берсенеv увидел две, рядом и близко поставленные, точно сросшиеся, головы...<...> — Какова двоешка, брат? — промолвил Шубин («Накануне»).* Ср. (чаще во мн. ч.) в знач. 'близнецы' (А. Платонов и др.) или 'двойчатки' 'предметы, состоящие из двух одинаковых частей' (М. Пришвин и др.); В. Даль дает варианты: *двоешки, двойшки* и др. Ср.: «Двоешка и двойшка... 2. Орех с двойным ядром» (БАС. — М.; Л. — 1954. — Т. 3. — Ст. 590).

ДВОР: в бору, как у себя на дворе. См. **БОР.**

ДВОРНИК, -а, м. Хозяин (владелец или содержатель) постоянного двора. *Бывший богатый дворник, уважаемый в околотке человек, сидел с связанными руками на соломе, как преступник... («Постоялый двор»).* То же у Л. Толстого и др. См. также **ДВОРНИЧИХА.**

ДВОРНИЧИХА, -и, ж. Хозяйка постоянного двора или жена хозяина.

От привычек зажиточной дворничихи не осталось уже в ней и следа («Постоялый двор»). См. **ДВОРНИК.**

ДЕВОЧКА-ПОБЕГУШКА, девочки-побегушки, ж. Девочка на побегушках, прислуга. *И видится мне, при том брезжущем свете, на полу, на войлоке, лежит, закинув руки за растрепанную голову, наша девочка-побегушка («Часы»).*

ДЕВСТВОВАТЬ, -твую, -твуешь; несов., без доп. Действовать, вступать, быть в силе. — *Это сама барыня приписала, что ли? — спросил я. — Как же-с, сами: оне всегда сами. А то и приказ девствовать не может («Контора»).* Диал.-прост.

ДЕЛИКАТЕС, -а, м. Вежливость, учтивость, деликатность, чувствительность, щекотливость. — *Вы, кажется, ругаетесь после вызова (на дуэль. — В.Е.), — с презрением возразил Кистер. — Извольте идти. Мне за вас совестно. — Известное дело: деликатес! А, Марья Сергеевна! я не понимаю «по-французски.» — проворчал Авдей, надевая фуражку («Бретер»).* Фр. *délicatesse* — то же.

ДЕЛО: обломать дело. См. **ОБЛОМАТЬ.**

ДЕНЕГАЦИЯ, -и, ж. Запирательство, нежелание вести дискуссию. — *Позвольте, господин Паклин, — все с тою же неумолимой отчетливостью произнес Сипягин. — Я уважаю то чувство дружбы, которое внушает вам вашу «денегацию» («Новь»).* От фр. *dénégation* 'отрицание; запирательство'.

ДЕПОЗИТКА, -и, ж. Депозитный билет, разновидность бумажных денег, «в виде расписок от государственного

казначейства, за внесенную монету или денежные знаки» (В. Даль). *Коли кучер сидит князем, да шапки не ломает, да еще посмеивается из-под бороды, да кнутиком шевелит — смело бей на две депозитки!* («Уездный лекарь»).

ДЕСЯТЬ: Десять раз примерь, один раз отрежь. Семь раз отмерь, один раз отрежь. *Сын мой, Яков, одумайся хорошенько десять раз примерь, один раз отрежь* («Рассказ отца Алексея»).

ДЕТИ: хамовы дети. См. **ХАМОВ**.

ДЕЯТЬСЯ, -деюсь, -деешься; несов., кому, что. Делаться, быть (здесь: в конструкции: что кому дается!). — *Жена здорова? — Что ей дается!* («Контора»).

ДИАЛЕКТ, -а, м. Язык (иностран- ный), иностранная речь. *У ней была привычка, общая многим матерям, отда- вать приказы или делать наставления сво- им детям при других людях на француз- ском диалекте, хотя бы те люди и понимали по-французски. И это было тем более стран- но, что сама она довольно плохо знала этот язык и произносила дурно* («Два приятеля»). Устар. Ср. современное знач. «разновид- ность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связан- ными тесной территориальной, социаль- ной или профессиональной общностью» (Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 132).

ДИРА, -ы, ж. Дыра, отверстие, проем, здесь: окно. *По самой середи- не изумительно неопрятной площади воз- вышается крошечное желтоватое строе- ние с темными дирами, а в дирах сидят люди в больших картузах и притворяются, будто торгуют...* («Дневник лишнего человека»). Устар. Диал. Ср. праслав. **dira*.

ДИРЕКЦИЯ, -и, ж. Здесь: на- правление мыслей, поведения. — *Так ты задумал гнездо себе свить? — говорил он в тот же день Аркадию, укладывая на кор- точках свой чемодан. — Что ж? дело хоро- шее. Только напрасно ты лукавил. Я ждал от тебя совсем другой дирекции. Или, может быть, это тебя самого огоршило?* («Отцы и дети»). Ср. более распространенное

исходное знач. 'движение, направление движения'. *Авангарду, вы знаете, очень лег- ко сделаться арьергардом... Все дело в пере- мене дирекции* («Месяц в деревне»). То же у Н. Гоголя и др. Лат. *directio*, -onis 'прямая линия'; 'направление'.

ДИРЫВАТЬСЯ, -аюсь, -аешься, несов., многокр., без доп. (здесь и, ве- роятно, преимущественно — в прош.). Драться (на дуэли), иметь обыкно- вение, обычай, привычку драться. *Неожиданный поступок Павла Петровича запугал всех людей в доме, а ее больше всех; один Прокофий не смутился и толковал, что и в его время господа дирывались, «толь- ко благородные господа между собою, а эта- ких прощелыг они бы за грубость на конюшне отодрать велели*» («Отцы и дети»).

ДИЧОК, -чка, м. 1. Здесь: недоста- точно цивилизованный человек, со- хранивший «дикие», некультурные ма- неры, привычки и т.п. *Ольга Ивановна несколько говорила по-французски — но с сильным русским произношением: в ее время об эмигрантах не было еще помина. Словом, при всех ее хороших качествах, она все-таки была порядочным дичком* (выделено И.Т. — В.Е.) — и, пожалуй, в простоте сердца свое- го из собственных рук не раз наказывала ка- кую-нибудь злополучную горничную... («Три портрета»). 2. Застенчивый, необщи- тельный человек. *Полюбил я его, во-пер- вых, потому, что сам был порядочный ди- чок — и видел в нем собрата; а во-вторых, и потому, что человек он был добрый — и в сущности очень простосердечный* («Стук!.. Стук!.. Стук!..»).

ДИШКАНТ, -а, м. Дискант, высо- кий голос. — *У моих дочерей, — продолжа- ла Пелагея Ивановна, обращаясь к Борису Андреичу, — разные голоса: у Эмеренции диш- кант... — Сопрано, вы хотите сказать?* («Два приятеля»). Устар.

ДЛЯ: для ради. Ради, для. *Ей никто не отвечал. Базаров и Аркадий скоро догада- лись, что на нее не обращали внимания, хотя обходились с нею почтительно. «Для ради* (выделено И.Т. — В.Е.) *важности держат, потому что княжеское отродье», — подумал*

Базаров... («Отцы и дети»). Прост.-ирон. Ср. аналогичное за ради.

ДНО: испить фиал до дна. См. **ИСПИТЬ**.

ДОГ-КАРТ (или ДОГКАРТ), -а, м. Специальный экипаж для перевозки охотничьих собак. — *Господину Литвинову наше почтение, — раздался вдруг насмешливый голос с высоты быстро катившегося «дог-карта» («Дым»).* То же у Л. Толстого и др. От англ. *dogcart* 'экипаж с местом для собак под сиденьями' (*dog* 'собака', *cart* 'телега, повозка; двухолка').

ДОЕЗЖАЧИЙ, -его, м. Старший псарь, обучающий охотничьих собак и управляющий ими во время охоты. *Как же это вы про Миловидку слышали, а про Бауша нет?.. Это был главный ловчий и доезжачий вашего дедушки («Однودворец Овсяников»).* Из доезжачей. То же у Л. Толстого и др. Из жарг. охотников.

ДОЕХАТЬ, -еду, едешь; сов., кого. Довести до последней крайности, вынудить сделать что-л. отчаянное, обессилить; стать последней каплей, переполнившей чашу терпения. *Окончательно «доехал», как говорится, Чертопханова следующий случай («Конец Чертопханова»).* Ср. *доезжать (несов.)* у А. Островского, П. Боборыкина и др.

ДОЖДЕВИК: лопнуть, как гриб-дождевик. См. **ЛОПНУТЬ**.

ДОЖДЬ: Лисичка под бороной от дождя хоронилась — все не каждая капля капнет. См. **ЛИСИЧКА**.

ДОМОДЕЛАННЫЙ, -ая, -ое. Сделанный дома, самодельный, произведенный домашними средствами. *На конюшне у Мардария Аполлоныча стоит тридцать разнокалиберных лошадей; выезжает он в домоделанной коляске в полтораста пуд («Два помещика»); Старый штаб-лекарь предстал перед молодыми людьми, облеченный в домоделанный полотняный пиджак и с соломенной, тоже домоделанною, шляпой на голове («Отцы и дети»).* Чаше встречается *домодельный* в том же знач. (В. Даль и др.). См. также **ДОМОДЕЛЬЩИНА**.

ДОМОДЕЛЬЩИНА, -ы, ж. Вещь, сделанная домашними средствами, непокупная, самоделка. *В комнате, где я поселился, мебель самая обыкновенная, домодельщина («Фауст»).* То же у В. Даля и др. Ср. **ДОМОДЕЛАННЫЙ**.

ДОМОСТРОИТЕЛЬ, -я, м. Хороший хозяин. *Домостроитель ты, но нитух («Постоялый двор»).* Ср.: *«Домостроительство* ср. *домостройство*, домохозяйство, домовний обиход, наблюденье за порядком в дому.. *Домостроитель* м. *-ница, домострой, домостройка*, хороший хозяин; приставленный к домостроительству, управитель, дворецкий, эконо́м» (Даль. Словарь. — Т. 1. — С. 467).

ДОРМЕЗ, -а, м. Большая спальная карета, приспособленная для длительного путешествия. *Санин жмурит глаза, встряхивает головою, отворачивается вновь и вновь — и все-таки видит себя сидящим в дорожном дормезе на узком переднем месте («Вешние воды»).* Фр. *dormeuse*, от *dormir* 'спать'.

ДОСТОДОЛЖНЫЙ, -ая, -ое. Должный, подобающий кому-л. или для данной ситуации, соответствующий чьим-л. достоинствам, качествам, правилам и т.д. *Во время прогулки Василий, с достодолжным раскаянием, объявил ей, что он тайно обвенчан («Три портрета»).* То же у А. Пушкина, В. Даля и др. Ср. *достославный* (у Н. Гоголя и др.), *достолобезный* (у М. Булгакова и др.), *достолепный, достоподражаемый* и т.п.

ДОХОДИТЬ: во все качества доходить. См. **КАЧЕСТВО**.

ДОХТУР, -а, м. Доктор. — *За дохтуром прикажете?* («Петушков»); *Дворовые мальчишки бегали за «дохтуром», как собачонки («Отцы и дети»).* Прост.-диал. диссимилиция согласных [к] и [т] по способу образования.

ДОЩАНИК, -а, м. Плоскодонная лодка, сколоченная из старых досок. — *У Сучка есть дощаник, — заметил Владимир, — да я не знаю, куда он его спрятал. Надобно сбежать к нему («Льгов»).* Там

же примечание И.Т.: «Плоская лодка, сколоченная из старых барочных досок».

ДРАБАНТ, -а, м. Здесь: о коне. *Я было пустил моего коня в галоп вслед за ними, но это был старый манежный драбант, с так называемым генеральским аллюром в раскачку: галопом он шел еще тише, чем рысью* («Пунин и Бабурин»). *Драбант* — телохранитель, член почетной стражи, денщик или вестовой казачьего офицера. Устар. Через польск. *drabant* из нем. *Trabant*.

ДРАПЕРИ, нескл., ср. и мн. Драпри, драпировка, портьера. *Но так как все эти картины очень почернели и даже покорежились, то в глаза били одни пятна телесного цвета — а не то волнистое красное драпери на незримом туловище* («Старые портреты»). И.Т. передает по буквам фр. *draperie*.

ДРЕЙ-МАДЕРА, -ы, ж. Сухая мадера, серсиаль — дорогое виноградное вино с острова Мадейра. *Слуги, в ливреях, суровые на вид, угрюмо приставали к каждому дворянину то с малагой, то с дрей-мადерой и как почти все дворяне, особенно пожилые, словно нехотя покоряясь чувству долга, выпивали рюмку за рюмкой* («Гамлет Шигровского уезда»). То же у Л. Толстого, Н.С. Лескова. У некоторых авторов (напр., у Е. Иванова) встречается в том же знач. сокращ. *дрей*. Сухая мадера и другие виды «натуральной мадеры перестали производиться уже в середине XIX в. <...> А когда их восстановили, производство... оказалось нерентабельным. Однако громкая слава мадеры, распространявшаяся несколько веков, и легенды о ней привели к широкой фальсификации этого вина в разных странах с начала XIX в.» (Похлебкин В.В. Кулинарный словарь. — М., 1996. — С. 223). Вероятно, через англ. *dry madeira*.

ДРОМ, -а, м. Хворост, сушняк, бурелом; чаща с валежником и буреломом, дремучие заросли, чащоба. *Глушь и даль не так страшны, как думают иные, и в самых потаенных местах дремучего леса, под валежником и дромом, растут душистые цветы* («Яков Пасынков»). То же у А.К. Толстого и др. Ср. толкование слова *дром* в работе «Местные

слова и выражения»: «“Самые мелкие ветви с дерев”. **Курск.**, Малайевский, 1849» // Словарь русских народных говоров. — Л., 1972. — Вып. 8. — С. 199. См. в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля в статье «ДРЕМА»: «*Дрем* м. или *дремучий* лес, непроходимая чаща, трущоба, вековые недоступные леса» и «*Дром* м. кур. кал. лом, чаща с валежником и буреломом, трущоба; сушь, хворост» (Даль. Словарь. — Т. I. — С. 492).

ДРУГ: стучать людей друг об друга. См. **СТУКАТЬ**.

ДРУГОЙ: одна палочка, другая перекладинка. См. **ОДИН**.

ДРЯХЛЕЦ, -а, м. Дряхлый, немощный человек, старик. *А боюсь я солдат-то этих! Прежде, что говорить, я как-никак отстоял бы Ивана; а теперь посмотри ты на меня, какой я дряхлец стал. Где мне воевать?* («Старые портреты»). Ср. *глупец* от *глупый*, *мудрец* от *мудрый* и т.п.

ДУБИНА: дубина, вымазанная медом. Проп. о недалеком, неразвитом человеке со слащаво-сентиментальным отношением к искусству, литературе. *Кажется, человек он был положительный, даже дюжинный... впрочем, у нас на Руси таких людей довольно много. Любовь к художеству и художникам придает этим людям приторность неизъяснимую; знаться с ними, с ними разговаривать — мучительно: настоящие дубины, вымазанные медом* («Татьяна Борисовна и ее племянник»).

ДУМА: Женский ум лучше многих дум. См. **ЖЕНСКИЙ**.

ДУМАТЬ: Живой живое думает. См. **ЖИВОЙ**.

ДУРНОЙ: Дурную траву из поля вон. О необходимости отделяться, избавляться от чего-кого-л. ненужного, недостойного. *Правду сказать, это предсмертное письмо бедного Теглева было довольно пошло — и я воображаю презрительное недоумение высокой особы, на имя которой оно было адресовано — воображаю, каким тоном она произнесла: «Дрянной офицер! дурную траву из поля вон!»* («Стук!.. Стук!.. Стук!..»).

ДУХ: Коням — сила Самуила, а мы — легче пуха, легче пуха. См. **КОНЬ**.

ДУША: мочальная душа. См. **МОЧАЛЬНЫЙ**.

ДУША: Божия душа в полтора гроша. См. **БОЖИЙ**.

ДУШЕЧКА, -и, ж. Уменьш.-ласк. Душка, ямочка в нижней части шеи спереди. *Джемма слушала мать — и то посмеивалась, то вздыхала, то гладила ее по плечу, то грозилась ей пальцем, то поглядывала на Санина; наконец, она встала, обняла и поцеловала мать в шею — в «душечку», отчего та много смеялась и даже пиццала («Вешние воды»).* Ср.: «Душа назыв. также ямочка на шее, над грудною костью, под кадыком; тут, по мнению народа, пребывающие души... *Душка* умал. ... Часть шеи против глотки и пониже; самая ямочка на горле» (Даль. Словарь. — Т. 1. — С. 505).

ДУЭЛИСТ, -а, м. Тот, кто участвует в дуэли, дуэлях, дуэлянт. *Появлялся в салоне Варвары Павловны некто m-r Jules, не благовидной наружности господин, с скандальнейшей репутацией, наглый и низкий, как все дуэлисты и битые люди («Дворянское гнездо»); — Ну, извините, это до другого раза, — отвечал Базаров и обхватил Павла Петровича, который начинал бледнеть. — Теперь я уже не дуэлист, а доктор и прежде всего должен осмотреть вашу рану («Отцы и дети»).* Устар. То же у А. Грибоедова, А. Пушкина, Л. Толстого и др. От фр. *duelliste*. Ср.: «Дуэлист м. единоборец, поединщик, более в знач. задиры, драчуна; бретер» (Даль. — Т. 1. — С. 506). В XX в. преимущественно встречается *дуэлянт* (А. Куприн, Ю. Тынянов и др.), заим. из нем. *Duellant*.

ДУЭТТИНО, нескл., ср. Небольшая пьеса для двух исполнителей. *Фрау Леноре села за фортепиано и вместе с Джеммой спела несколько дуэттино и «сторнелло» («Вешние воды»).* От ит. *duettino* (от *duetto* 'дуэт').

Е

ЕВРОПИЯ, -и, ж., собств. Европа кажись, чего бы им еще? Так нет, подавай

им что ни на есть самого дорогого в целой Европе! («Малиновая вода»). Прост.-диал. по модели *Азия, Арапия* и т.п.

ЕДАЛО, -а, ср. Рот. От *едать* — устаревшей формы многократности действия глагола *есть*, сохранившейся в диалектах. См. **ГЛЯДЕЛКИ**.

ЁЖИТЬСЯ, -ёжусь, ёжишься; несов., без доп. Стесняться, дичиться, испытывать неловкость. *Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей: «Ася, полно ёжиться! он не кусается» («Ася»).*

ЕЗОП, -а, м. Бранное, возможно, с оттенком знач. 'болтун, пустомеля'. — *Ну, поцелуй же меня по крайней мере, душа ты моя, — залепетал Обалдуй, широко раскрыв объятия. — Вишь, Езоп изнеженный, — презрительно ответил Моргач, отталкивая его локтем, и оба, нагнувшись, вошли в низенькую дверь («Певцы»).* От имени древнегреческого баснописца Эзопа.

ЕНАРАЛ, -а, **ЕНЕРАЛ**, -а, м. Генерал. *А что я портной, и хороший портной, у первых мастеров в Москве обучался и на енаралов шил... этого у меня никто не отнимет («Контора»); А Ефрем вошел в лес да вырезал себе древо, этак перста в два, да как выскочит опять на дорогу, безобразный такой, страшный, как скомандует, словно енарал на разводе: «На коленки!» — все так и попадали («Поездка в Полесье»).* Прост.-диал.

ЕРАЛАШ, -а, м. Старинная карточная игра типа преферанса или виста. *В молодости он ни в какие игры не играл, а тут пристрастился к лото, а когда запретили лото, к ералашу («Накануне»).* То же у А. Куприна, М. Салтыкова-Щедрина и др. Из тюрк. Вероятно, первоначальное знач. 'чушь, ерунда, неразбериха' и т.п. Ср. также у И. Шмелева в знач. 'ассорти' (из конфет и т.п.).

ЕРАНЬ, -и, ж. Герань. *Горшок ерاني торчал перед окошком («Петушков»).* Возможны также варианты *грань, ирань* и под.

ЕСТЬ: Мы люди простые, едим пряники неписанные. См. **МЫ**.

В.С. ЕЛИСТРАТОВ
Москва

Слова текут – вода живая

Разбить! Разгромить!

(К проблеме семантического калькирования)

Лет 70 назад наш класс писал изложение. Мы выслушали текст, в котором говорилось о группе школьников, отправившихся на природу. Место на берегу ручья ребятам понравилось, и они разбили там лагерь. Каково же было изумление учительницы, когда чуть ли не полкласса написали: «Они вышли к ручью и разгромили лагерь»!

И правду сказать, глагол *разбивать, разбить* в значении 'устроить' (лагерь), 'поставить' (палатки) плохо вяжется с исходным и основным значением этого общеизвестного и высокочастотного слова. Более того, оно никак из него не вытекает. Древнерусские тексты не фиксируют такого употребления интересующего нас глагола. Оно отмечается лишь с середины XVIII в.:

Как скоро баталионы в лагерь вступят по вышеписанному порядку, то разбивать палатки (1765 г.). (Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. – СПб., 1830. – Т. XVII. – С. 37);

...войска бунтовщиков разбили свой стан (лагерь. – Н.А.) в виду (на расстоянии, доступном взору. – Н.А.) Славянского ополчения. (Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских. – М., 1788. – Ч. V. – II. – С. 8).

Такое значение глагола *разбивать, разбить* отмечается во всех изданиях Словаря В.И. Даля, оно актуально и в настоящее время.

Резкий, ничем не подготовленный семантический скачок возникает обычно тогда, когда мы имеем дело с семантическим калькированием. И действительно, в словосочетаниях *разбить палатку, разбить шатер, разбить лагерь* глагол *разбить* представляет собой семантическую кальку нем. *aufschlagen* – приставочного производного от глагола *schlagen* 'бить' (см.: Шанский Н.М., Романова Н.Н., Филиппов А.В. Краткий словообразовательно-исторический словарь русской полисемии и однокорневой омонимии // Русский язык в школе. – 1985. – № 5. – С. 64).

В этой связи интересно сопоставить данные немецко-русских словарей XVIII в.:

...den Stand aufschlagen изготавити становище, стан... Zelte aufschlagen палатки расставляти, шатры расставити. (Вейсманн Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка. – СПб., 1731. – С. 47);

Ein Gezelt aufschlagen палатку разбить, расставить, шатры раскинуть. (Аделунг. Полный немецко-российский лексикон. – СПб., 1798. – Ч. I. – С. 690).

Можно с легкостью вспомнить множество случаев подобного рода, когда неожиданное появление нового значения объясняется семантическим калькированием:

Корень матем. Семантическая калька научнолат. *radix* (искусственно образовано на базе лат. *radix* 'корень растения'). Вместе с прямым заимствованием *радикс* известно с конца XVII в. (См.: Ку т и н а Л.Л. Формирование языка русской науки. – Л., 1964. – С. 27; Этимологический словарь русского языка (МГУ). – М., 1982. – Вып. 8. – С. 312).

Котел воен. 'вид окружения'. Семантическая калька нем. *Kessel*: 1) 'котел, кастрюля'; 2) воен. 'окружение'. Отмечается в сборнике оперативно-тактических очерков «Окружение и разгром врага» (М., 1945. – С. 58).

Кошки мор. 'плётка'. Семантическая калька англ. *cat*: 1) зоол. 'кошка'; 2) мор. 'плетка'. Известно с начала XVIII в.:

Рядовой биением кошками наказан будет. (Книга устав морской, 1720 // СлРЯ XVIII в. – Вып. II. – С. 28).

Плоский 'пошлый'. Семантическая калька франц. *plat*: 1) 'плоский, ровный, гладкий'; 2) 'пошлый'. Отмечается в стихотворении В.Л. Пушкина «Люблю и не люблю» (1815).

Сухой (о вине). Семантическая калька франц. *sec*: 1) 'сухой'; 2) (о вине) 'сухой'. Отмечается в «Энциклопедическом лексиконе» (СПб., 1837. – Т.Х. – С. 284).

Таз анат. Семантическая калька научнолат. *pelvis* (искусственно образовано на базе *pelvis* 'лохань, таз'). Отмечается в «Наставлении» И.Ф. Эрасмуса (М., 1762. – Реэстр, б/п).

Ток электр. Семантическая калька нем. *Strom*: 1) 'поток'; 2) электр. 'ток' или франц. *courant*: 1) 'течение'; 2) электр. 'ток'. Отмечается в «Указателе открытый по физике, химии, естественной истории и технологии», издаваемом Н. Щегловым (СПб., 1824. – Т. I. – № 1. – С. 5). Калькированное значение вытеснило первоначальное значение слова.

Цепь (горная). Семантическая калька нем. *Kette*: 1) 'цепь'; 2) *Kette* (von Bergen) 'цепь (гор)'. Отмечается в «Новом и полном географическом словаре» (СПб., 1789. – Т. VI. – С. 26) и в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина (М., 1791–1792):

...видна цепь высочайших снежных гор... (М., 1984. – С. 128).

Ясли. Семантическая калька франц. *crèche*: 1) 'ясли, кормушка в хлеву'; 2) 'детские ясли'. Отмечается в переводе пособия А. Беккереля «Гигиена» (СПб., 1852. – С. 25).

Эта тенденция прослеживается и ныне, например:

Мышь, мышка – 1) животное; 2) компьютерная мышь. Второе значение – семантическая калька англ. *mouse* в компьютерном значении.

Вернемся к глаголу *разбить*. Новое значение, появившееся в XVIII в., реализовывалось, как правило, в «военных» контекстах (*разбить лагерь, стан*); военному стану уподоблялся лагерь пилигримов, пришедших поклониться святым местам:

...в старину галилеяне, которые в большие праздники ходили во Иерусалим, имели здесь свои постоянные дома и разбивали свои шатры. (Асия и Аравия из Бишинговой Географии, с немецкого языка переведена... Фомою Яновским. – СПб., 1778. – С. 472–473).

В XIX в. круг контекстов с глаголом *разбить* в новом значении и его производных значительно расширился. *Разбивать* стали сады (и дорожки в них), цветники, грядки, рабатки и т.д.:

Сад очень хорош, очень тенист и прекрасно разбит, только запущен немножко. (Библиотека для чтения. – 1848. – Т. LXXXVII. – Отд. VII. Смесь. – С. 83);

Переворот в искусстве разбивки садов. (Там же. – 1850. – Т. 100. – Отд. VII. Смесь. – С. 157);

Князь Данила Григорьевич Черкасский приказал разбить сад в голландском вкусе. (ЖМНП. – 1857. – Т. XCIV. – Отд. VI. – С. 245);

хорошо бы... разбить клумбу перед балконом. (Русский вестник. – 1863. – Т. XLIII. – С. 426).

Н.С. АРАПОВА
Москва

У нас на уроке

Словарная работа на уроках русского языка в VIII и IX классах

VIII класс

Второстепенные члены предложения

1. По лексическому значению узнайте слово и запишите его.

1) Первенство по времени в открытии, изобретении. (*Приоритет.*) 2) Группа лиц. (*Компания.*) 3) Мероприятие. (*Кампания.*) 4) Реальный. (*Действительный, существующий.*) 5) Воспроизведение картин путем фотографии, клише. (*Репродукция.*) 6) Жизнерадостное мироощущение. (*Оптимизм.*) 7) Нюх. (*Обоняние.*) 8) Умело. (*Искусно.*)

2. По лексическому значению узнайте термин и запишите его.

1) Предложение, в котором одна грамматическая основа. (*Простое предложение.*) 2) Простое предложение, в котором только один главный член предложения. (*Односоставное предложение.*) 3) Второстепенный член предложения, отвечающий на вопросы косвенных падежей. (*Дополнение.*) 4) Предложение, в котором две или несколько грамматических основ. (*Сложное предложение.*) 5) Обратный порядок слов. (*Инверсия.*) 6) Второстепенный член предложения, отвечающий на вопросы: где? куда? откуда? почему? зачем? как? (*Обстоятельство.*) 7) Сказуемое, выраженное глаголом-связкой и прилагательным, существительным или причастием. (*Составное именное сказуемое.*) 8) Второстепенный член предложения, отвечающий на вопросы: какой? чей? (*Определение.*) 9) Пунктуационный знак, ставящийся между подлежащим и сказуемым, если они выражены инфинитивом. (*Тире.*) 10) Главные члены предложения. (*Подлежащее, сказуемое.*) 11) Сказуемое, выраженное глаголом-связкой и инфинитивом. (*Составное глагольное сказуемое.*) 12) Сказуемое, выраженное глаголом в личной форме. (*Простое глагольное сказуемое.*)

3. Напишите словарный диктант с лексическим заданием.

Стратегия, глагольное, словосочетание, управление, текст, повторённый, гарантия, предложение, примыкание, наречное, сжатое изложение, кандидат, согласование, именное, лексикон.

Лексическое задание	
Вариант 1	Вариант 2
Выпишите слово, лексическое значение которого	
1) вид связи, при котором зависимое слово имеет те же формы числа и падежа, а в единственном числе и рода, что и главное	1) вид связи, при котором зависимое слово ставится в таком падеже, который требуется главным словом
2) тот, кто назначен к избранию, назначению или приему куда-нибудь	2) искусство ведения войны
3) предложения, связанные между собой по смыслу и грамматически	3) одна из основных единиц синтаксиса, выполняющая коммуникативную функцию
Выпишите слово, синоним к которому	
4) пройденный	4) обеспечение, ручательство

Ответы:

Вариант 1: 1) согласование; 2) кандидат; 3) текст; 4) повторённый.

Вариант 2: 1) управление; 2) стратегия; 3) предложение; 4) гарантия.

Обособленные члены предложения

1. Поставьте ударение в словах. Назовите два слова, в которых ударение может падать на различные слоги. Придумайте и запишите с любым из этих слов предложение так, чтобы было использовано обособленное определение или приложение.

Раскаленный, раскалена, истомленный, истомлена, иссеченный, манера, к деньгам, элемент, искриться, береста, взята, переведена, создана, прибывший, движимый, понявший, понятый, начатый, начавший, ржавая, черная, балуясь, мельком, до смерти, по двое, средства.

2. По лексическому значению узнайте слово и запишите его.

1) Привести в прежнее нормальное состояние. (*Восстановить.*) 2) В предыдущий день. (*Накануне.*) 3) Подвижной, способный к быстрому передвижению. (*Мобильный.*) 4) Винт в самолете. (*Пропеллер.*) 5) Скульптурное или архитектурное сооружение в память кого-либо. (*Памятник.*) 6) Больничный лист. (*Бюллетень.*) 7) Войсковые части, расположенные в городе, крепости. (*Гарнизон.*) 8) Подарок на память. (*Сувенир.*) 9) Передняя сторона здания. (*Фасад.*) 10) Площадка для стоянки и обслуживания самолетов. (*Аэродром.*) 11) Сильная и частая стрельба из многих орудий. (*Канонада.*)

3. Напишите словарный диктант и выполните задания.

Красивый, многообразие, ассортимент, разнообразие, металл, раскалённый, компаньон, истомлённый, ляgte, трассы, лежать.

1) Назовите слово из диктанта, лексическое значение которого «подбор различных сортов какого-нибудь товара». (*Ассортимент.*)

2) Назовите слово из диктанта, лексическое значение которого «крайне усталый, измученный, изнуренный». (*Истомлённый.*)

3) Назовите слово из диктанта, лексическое значение которого «примите лежащее положение». (*Ляgte.*)

4) Назовите слово из диктанта, синоним к которому «сотоварищ». (*Компаньон.*)

5) Назовите слово из диктанта, антоним к которому «однообразие». (*Многообразие.*)

4. Поставьте ударение в словах.

Красивее, раскалена, истомлена, компаньон, раскалены, истомлены.

Итоговые контрольные словарные диктанты

1. Напишите контрольный словарный диктант с лексическим заданием.

Кутюрье, гарантия, акация, массив, кандидат, офицеры, бок о бок, стратегия, фантастический, информация, эксплуатация, классический, золотится, продолжать, великолепный, массив, созданный, терраса, хозяин, краснеет, изящный, ремонт, просвещение, рекомендация, зажженный, иссеченный, мультимедиа, просветительство, бессмертный, сожженный, в попытках, микроэлемент, комбинация, представление, натура, соотечественник, на ходу, тайком, обаятельный, бесспорно, идеальный, толерантный, диалог, размышлять, сканер, подчеркивать, приемник, величина, видеокамера, компьютер, грандиозность, разнообразие, раскаленный, истомленный, компаньон, соразмерность, несомненно, ассортимент, металл, Российская Федерация, классика.

Лексическое задание	
Вариант 1	Вариант 2
Выпишите слово, лексическое значение которого	
1) площадка, крытая крышей на столбах, при жилом доме, род балкона	1) изображение какой-нибудь пьесы в формах сценического искусства, спектакль, сценическое зрелище
2) созданный классиком, свойственный классику	2) способный, умеющий терпеть что-нибудь чужое, мириться с чужим (мнением, характером); снисходительный, терпимый
3) делается блестяще-желтым	3) вести дальше начатое, не прекращая, не останавливая
4) скрытно, так, чтобы никто не заметил	4) совсем рядом, вплотную, один подле другого
5) заставленный загореться, зажечься	5) изрубленный, рассеченный чем-нибудь острым во многих местах
Выпишите слово, антоним к которому	
6) иностранец	7) явно

Ответы:

Вариант 1: 1) терраса; 2) классический; 3) золотится; 4) тайком; 5) зажженный; 6) соотечественник.

Вариант 2: 1) представление; 2) толерантный; 3) продолжать; 4) бок о бок; 5) иссеченный; 6) тайком.

2. Запишите слова, поставьте ударения и выполните задания.

Диалог, приемник, эпилог, каталог, монолог, толерантный, красивее, раскалена, истомлена, раскалены, просвещение, зажженный, зажжена, микроэлемент, манера, к деньгам, аромат, соловьиный, созданный, сканер, повторена, повторены, повторенный, хозяйева, кутюрье.

- 1) Выпишите слово, у которого два корня. (*Микроэлемент.*)
- 2) Какое из записанных слов имеет двойное ударение? (*К деньгам – к деньга́м.*)
- 3) Выпишите полные страдательные причастия прошедшего времени. (*Зажжённый, созданный, повторённый.*)
- 4) Выпишите формы слова, правописание приставки в которых зависит от следующего за приставкой глухого согласного. (*Раскалена, раскалены.*)
- 5) Придумайте и запишите словосочетание со словом *аромат*. Выполните синтаксический разбор полученного словосочетания.

А.С. ЕРЕМЕЕВА
г. Энгельс

Задания и упражнения к уроку по теме «Словосочетание и простое предложение» (VIII класс)

1. Определите слова по их лексическому значению.

- 1) Единица языка большая, чем одно слово, но меньшая, чем предложение.
- 2) Содержит информационный посыл, побуждение или вопрос.
- 3) Два и более слова, связанных между собой по смыслу и грамматически.
- 4) Единица языка, которая представляет собой грамматически организованное соединение слов.

2. Подчеркните словосочетания.

Солнечный день, краски радуют, водить за нос, хорошо дышать, чуткие и зоркие, шуршит под ногами, выйти из себя, на высокой ветке, после дождя, любоваться закатом, потерять голову, картина прекрасна, собирая листья, прекрасна и таинственна, сквозь ветви.

3. Определите способ связи слов в словосочетаниях.

Громкий шорох, сходить за багажом, горячо спорить, совершить прыжок, осиновая роща, говорить громко, ночевка в лесу, рисовать карандашом, второй час, светит ярче.

4. Подберите синонимичное словосочетание.

1) Ростовщичьи проценты – проценты ростовщика, искренно возмущался – возмущался с искренностью, старательно заботился – заботился со старанием, каменная дорога – дорога из камня.

2) Судьбы человечества – человеческие судьбы, лязг железа – железный лязг, почтительный поклон – поклон с почтением, ноги блохи – блошиные ноги.

3) Придорожный камень – камень при дороге, слабо ступали – ступали со слабостью, куски хлеба – хлебные куски, злобно посмотрел – посмотрел со злобой.

4) Солнечные лучи – лучи солнца, упорно шагал – шагал с упорством, снежный ком – ком снега, крыло соседа – соседское крыло.

5. Установите причины лексической несочетаемости компонентов словосочетания.

1) ужасно красивая – очень красивая

2) произвели обыск – произвели ремонт

3) отъявленный хулиган – отъявленный товарищ

4) памятная книга – памятный сувенир

5) благодарю за внимание – благодарю за беспокойство

6) порода овец – порода цветов

6. Прочитайте текст и выполните задания.

Октябрь. Я сидел в березовой роще. С самого утра перепадал мелкий дождик. Непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищалось на мгновение.

Я сидел и слушал. Листья слабо шумели над моей головой, и легкий ветер чуть-чуть тянул по верхушкам. Внутренность рощи беспрестанно изменялась. То темнело, то светлело.

Листва на березах была еще зелена, хотя заметно побледнела. Рядом нет ни одной птицы. Тишина. Лишь изредка издали доносится насмешливый голосок синицы.

(По И.С. Тургеневу)

1) Озаглавьте текст.

2) Определите тему текста.

3) Назовите тип речи, стиль речи.

4) Найдите односоставные предложения, определите их вид.

5) Найдите в тексте нераспространенные предложения.

6) Найдите предложения с однородными членами, подчеркните однородные члены.

7) Найдите сложное предложение. Подчеркните грамматические основы.

7. Распределите предложения по группам, вписав цифры: 1 – односоставное, 2 – двусоставное.

- 1) Я стоял на вершине пологого холма.
- 2) Около меня солнце еще светило.
- 3) Как сильно пахнет полынью на межах!
- 4) Едва домой добежал.
- 5) Хорошо им!
- 6) Нежное кроткое сердце.
- 7) Горестно думать о них.
- 8) Стемнело.
- 9) Утро сегодня прохладное.
- 10) Замечательный день.

8. Выполните синтаксический разбор предложений.

- 1) Прекрасный парк украшает наш центр.
- 2) Свирепый ураган свалил старый дуб.
- 3) Густой туман окутал небольшой город.
- 4) Сегодня у нашего берега бросил якорь неизвестный корабль.

9. Рассмотрите сочетания слов: *оделся тепло, в комнате тепло, молоко тепло*. Ответьте на вопросы и выполните задания.

- 1) Определите главное слово, укажите вид словосочетания и тип связи.
- 2) Все ли сочетания являются словосочетаниями? Почему?
- 3) К какому выводу вы пришли?
- 4) Какой частью речи может быть слово *тепло*?
- 5) Составьте с данными сочетаниями предложения.

Л.Б. ДОЛБИНА
МБОУ «Гимназия»,
ст. Каневская, Краснодарский край

Как говорят дети...

Трехлетний Алеша, может быть, смутно, уже осознает этот «миг между прошлым и будущим», пусть понятия эти еще не четко определены, дифференцированы в его светлой головке. Рассказывает о каком-то событии, определяя его время: «в следующем году, когда я был маленький». Он чувствует, что это слова одной тематической группы, не зная четко лексического значения слов, входящих в нее. Но он уже думает о грядущем: «буду большим быть». Для него в субstantиве *большой* значение выражено недостаточно, и он конкретизирует свое высказывание, используя экзистенциальный глагол *быть*, не подозревая, естественно, что сталкиваются разные формы одного глагола. А ведь взрослым тоже не приходит в голову, что успокаивая себя сентенцией «Могло бы быть хуже», они допускают тавтологию в историческом аспекте: частица *бы* возникла из формы 2-го и 3-го лица древнего прошедшего времени – аориста – глагола *быти*.

Исследовательская работа «Фразеологизмы Руси и Китая: сходство и различие»

Введение

Наша работа посвящена сопоставительному анализу устойчивых выражений русского и китайского народов.

Актуальность. При изучении фразеологизмов на уроках русского языка нас заинтересовал... вопрос: существуют ли устойчивые выражения у других народов и можно ли сравнивать фразеологизмы Руси и Китая? <...>

Цель работы – создание учебного и познавательного материала для уроков русского и китайского языков на основе сопоставительного исследования фразеологизмов двух народов.

Задачи для достижения цели:

1. Изучить научную и научно-популярную литературу о русских и китайских устойчивых выражениях.
2. Проанализировать фразеологизмы двух народов.
3. Сопоставить типы русских и китайских фразеологизмов, истоки их появления.
4. Подготовить лекцию-беседу с одноклассниками на тему: «Фразеологизмы Китая и русского народа».
5. Провести анкетирование в классе с целью выяснить, насколько хорошо учащиеся знают китайские и русские фразеологизмы, и проанализировать результаты.
6. Подготовить печатный текст проектной работы.

Глава I. Истоки появления фразеологизмов

1.1. Определение понятия фразеологизм

<...> В своей работе мы пользуемся понятием, данным в учебнике русского языка: «Фразеологизмы – это устойчивые сочетания слов, равные по значению либо одному слову, либо целому предложению» (Русский язык. 6 класс. Учеб.: в 2 ч. / М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова и др. – М., 2015. – Ч. 1. – С. 81), а также опираемся на определение, данное в толковом словаре Т.Ф. Ефремовой: «Фразеологизм – устойчивый оборот речи, свойственный определенному языку и потому дословно не переводимый на другие языки, имеющий самостоятельное значение, которое в целом не является суммой значений, входящих в него слов» (Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М., 2000 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.efremova.info/letter/+fr.html>).

1.2. Фразеологизмы в русской культуре

Фразеологизмы существуют столько же, сколько существует наш язык. Еще в XVIII в. М.В. Ломоносов считал, что в словарь русского литературного языка должны быть занесены и устойчивые выражения – «фразесы». Но точного определения, какие выражения мы можем считать фразеологизмами, нет до сих пор. С.И. Ожегов считает, что к фразеологизмам относят только неделимые словосочетания, т.е. такие, в которых слова настолько тесно связаны, что отдельного своего значения уже не имеют (Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1973. – С. 13). Н.М. Шанский

понимает фразеологию в широком смысле слова и относит к ней малые жанры устного творчества народа – пословицы и поговорки.

Происхождение русских фразеологизмов разнообразно. Мифология (*нить Ариадны*), Библия (*блудный сын*), исторические факты (*зарубить на носу*), литературные произведения (*а воз и ныне там*), разнообразные профессии (*снять стружку*) дали нам красочные образные словосочетания, которые стали устойчивыми во многих жизненных ситуациях, превратились во фразеологизмы. В них в застывшей форме отразился быт и культура русского народа.

1.3. Китайские устойчивые выражения как отражение другой картины мира

В Китае термин *фразеологизм* переводится как «cheng yu». Существуют три школы фразеологии, во главе которых стоят такие ученые, как Ши Ши, Сян Гуан-чжун и Лю Цзе Сю, Ма Го-фань. Так же, как и в России, одни ученые Китая относят к фразеологизмам фразы, состоящие из четырехсложных образований, из трех и более слов, и даже маленькие фразы, что соответствует нашим пословицам и поговоркам. В этом случае фразеологизмы выступают как хранители истории и культуры народа. Такое широкое понимание у представителей школы Ши Ши.

Представители узкого понимания фразеологии – Сян Гуан-чжун и Лю Цзе Сю – считают, что фразеологизм обладает целостным, единым значением и подобен слову.

Значение (семантика) фразеологизма сложно, так как источником фразеологизма являются древние произведения: «каждый фразеологизм имеет конкретный источник, все фразеологизмы имеют широкое происхождение» (Цит. по: Гу Фэ-й. Имена собственные в русской и китайской фразеологии. – Екатеринбург, 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://docplayer.ru/32273794-Imena-sobstvennyye-v-russkoy-i-kitayskoy-frazeologii.html>).

Есть еще и средняя школа, представитель которой Ма Го-фань включает в понятие фразеологизм «и самые древние, переосмысленные фразеологизмы, и новые фразеологизмы, содержащие яркое буквальное толкование» (Там же).

Представители всех школ считают, что именно фразеологизмы отражают понимание мира народом. Фрагменты действительности отразились во фразеологизмах через образы, в которых народ выразил свое отношение к ним. <...>

Глава II. Сравнение устойчивых выражений китайского и русского народов

2.1. Сопоставительный анализ китайских и русских фразеологизмов

При проведении сопоставительного анализа фразеологизмов мы поставили цель: найти сходства и различия в значении русских и китайских устойчивых выражений и определить, с чем они связаны.

Для достижения этой цели нами была составлена таблица с русскими и китайскими фразеологизмами и их значениями. При сопоставлении русских и китайских фразеологизмов мы выявили следующие особенности.

Наиболее значимые общечеловеческие понятия для двух народов выражаются (по значению) в устойчивых словосочетаниях одинаково. Но те понятия, которые связаны с различием в природе, культуре, вере рождают и различные фразеологизмы. <...>

Как в русских фразеологизмах, так и в китайских присутствуют образы зверей. Но если в России это медведь, ворона, волк, гусь, то в Китае журавль, черепаха, змея.

И в русских, и в китайских фразеологизмах отразились древние верования и представления. Так, счастливые числа семь (рус.) и девять (кит.) нашлись в устойчивых выражениях *на седьмом небе* (рус.) и *九霄云外* (пер. «облако Девять»). Оба выражения означают «быть счастливым», но «счастливые» числа у разных народов разные.

Таблица сопоставления русских и китайских фразеологизмов

№	Фразеологизмы и их значение			Сходство	Различие
	русские	значение	китайские	значение	
1	Век живи, век учись	Человек учится всю свою жизнь	活到老学到老 (пер. Живи до старости, учись до старости)	Человек учится до самой старости	Сходны, об-щечеловече-ское понятие
2	Выносить сор из избы	Не разгла-шать семейных тайн	家丑外扬 (пер. Предавать огласке домаш-ние дрязги)	Не разгла-шать неприят-ностей семьи	Сходны, об-щечеловече-ское понятие
<...> 4	Как белая ворона	Выделяться из толпы, быть другим, не та-ким как все	鹤立鸡群 (пер. Возвы-шаться подоб-но журавлю среди петухов)	Выделяться из толпы, быть другим, не та-ким, как все	Сходны, так как похожи по значению
<...> 6	За триде-вять земель	Очень да-леко	九霄云外 (пер. За девя-тью облаками)	Исчезнуть бесследно	Сходны, так как похожи по значению
7	Палка о двух концах; у медали две стороны	Двойкий подход	一分为二 (пер. Раздвое-ние единого)	Разделить-ся надвое	Сходны, так как похожи по значению
8	Ни сном ни духом	Быть пол-ным профаном	一无所知 (пер. Ничего не знать, не знать ни аза)	Не иметь никакого пред-ставления	Сходны, так как похожи по значению
9	Гол как со-кол; ни кола ни двора	Находить-ся в крайней нужде	一寒至此 (пер. Доселе нищий)	Быть ни-щим	Сходны, так как похожи по значению
10	Белая во-рона	Не такой, как другие	与众不同 (пер. Отличать-ся от толпы)	Выделяться	Сходны, так как похожи по значению
11	Повторе-ние – мать уче-ния	Возвра-щаться к старо-му, чтобы луч-ше понять но-вое	温故知新 (пер. Повторяя старое, узна-ешь новое)	Познав про-шное, лучше поймешь на-стоящее	Сходны, так как похожи по значению
<...> 14	Мастер на все руки	Разносто-ронние способ-ности	多才多艺 (пер. Обладаю-щий многими талантами)	Весьма та-лантливый и искусный	Сходны, так как похожи по значению

Происхождение фразеологизмов Китая нам не совсем ясно, но мы думаем, что некоторые из них так же, как и русские, пришли из художественных произведений.
<...>

2.2. Анкетирование

С целью определения знаний школьников о фразеологических единицах мы провели анкетирование... В нем приняли участие 46 человек, учащиеся 6 «С» и 6 «Р» классов школы № 1517. Нами были разработаны следующие вопросы:

- 1) Что такое фразеологизм?
- 2) Назовите несколько русских фразеологизмов.
- 3) Фразеологизмы каких других народов вы знаете?
- 4) Назовите несколько китайских фразеологизмов и объясните их значение.
- 5) Могут ли быть похожи китайские и русские фразеологизмы?
- 6) Напишите, чем могут различаться устойчивые выражения... России и Китая.
- 7) Интересна ли вам тема «Фразеологизмы»? Если да, то чем?
- 8) Употребляете ли вы в своей речи устойчивые выражения? В каких случаях?

Анализ анкет показал, что большинство ребят (76,0 %) знакомы с понятием «фразеологизм», допускают ошибки в определении 32,6% опрошенных. <...> Не знают фразеологизмы других народов – 19,5 %. Знакомы с английскими устойчивыми выражениями 18 человек (39,1%). <...> Китайские фразеологизмы знают 14 человек (30,4%), 8 из них привели примеры (даны в переводе): *на смену неудаче приходит удача... знать цену словам; капля по капле камень точит; куй железо пока горячо; лучше быть головой змеи, чем хвостом дракона; у палки два конца; искать иголку в море.*

Большинство шестиклассников считают, что у других народов тоже есть устойчивые выражения и они похожи по значению на русские. <...>

2.3. Активное усвоение фразеологизмов на уроках

Для повышения интереса шестиклассников к фразеологии... мы сделали сообщение в классах с показом презентации о русских и китайских фразеологизмах. Для того чтобы лучше запоминались устойчивые выражения, составили игру-викторину, в основе которой были крылатые выражения из художественных произведений, пословицы и нецелимые фразеологизмы. <...> Для уроков китайского языка... нами была создана дидактическая игра «Найди пару».

В нашей школе обучаются ребята из Китая. В беседах мы выяснили, что некоторые особенности русских фразеологизмов им не совсем понятны, а россиянам также не всегда ясны их фразы. Мы пришли к выводу, что нам необходим школьный иллюстрированный китайско-русский фразеологический словарь. <...>

Заключение

Наше исследование проводилось в соответствии с поставленной целью: на основе сопоставления фразеологизмов Китая и Руси была создана дидактическая игра «Найди пару», подобран познавательный материал для уроков русского и китайского языков. <...>

Работа по данной теме имеет перспективу. Мы хотели бы:

- представить больше игрового материала;
- записать устойчивые фразеологизмы непосредственно в Китае от носителей языка;
- создать школьный иллюстрированный китайско-русский словарь фразеологизмов.

Работу подготовили в рамках конференции
«Объединяемся знаниями – 2018» Дубровская Ксения, Юй Миняо,
ученики 6 класса «С» школы № 1517, Москва.
Руководители работы: Т.В. Зотина, В.С. Копцова

Поэтимы

(Поэтические загадки по этимологии)

(Продолжение)

- 59.** Известняка кусочки мелкие,
они при счёте в помощь нам,
а оттиск по сырой побелке
стал переводом по частям,
за ними в лексику попал
и серебристый сам металл.

Ответ:

Калькуляция, калька, кальций. Начнем с последнего: металл *кальций* – лат. *calcium* – получен из известняка в 1808 г. (Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etymonline.com>), *калька* – копия, первоначально – трафаретный оттиск на свежей извести (Этимологические онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/>), а название *калькуляция* отражает давний способ счета при помощи камешков известняка (уменьшительное *calculus*).

- 60.** Слово-ключ короче стало,
в орган выборный попало.

Ответ:

Пароль, парламент. *Пароль* ‘секретное слово’ – от франц. *parole* – ‘слово’ вообще (Там же). *Парламент* ‘выборный законодательный орган’ – из англ. *parlament*, которое от старофранцузского *parlement*, букв. ‘говорение’ (Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etymonline.com>).

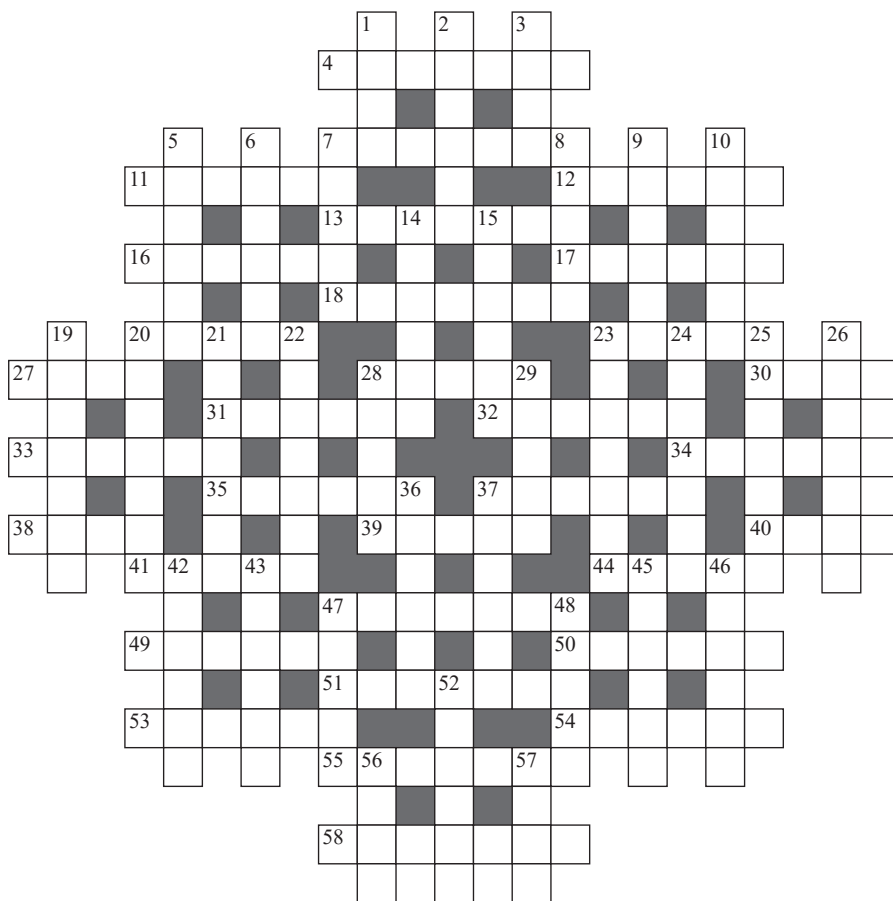
- 61.** Одно возвышение, где святость и вера,
Есть с корнем почти как у высотомера
и голоса. Корень созвучный ‘другой’
представлен ‘дилеммой’ или ‘добротой’.

Ответ:

Латинские по происхождению корни *-алт-/-альт(у)-* ‘высокий’: *алтáрь* ‘возвышение в храме’ (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986–1987. – Т. I. – С. 72); *альтимéтр* ‘высотомер’, *альт* ‘высокий голос’ (и ‘скрипка’) (Там же. – С. 74), а также *-альтер-/-альтр(у)-* ‘другой’: *альтернатíва* ‘выбор из двух или нескольких возможностей’, *альтруи́зм* ‘забота о другом, противоположность эгоизма’ (Этимологические онлайн-словари русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/>).

В.В. ШАПОВАЛ
Москва

Кроссворд

По горизонтали. **4.** Ранний весенний гриб. **7.** Французский писатель-мемуарист эпохи Возрождения. **11.** Старинный город в Словакии. **12.** Швейцарский художник – автор картины «Шоколадница». **13.** Героиня романа В. Гюго «Отверженные». **16.** Государство в Европе. **17.** Прислуга при барском дворе. **18.** Имя одной из актрис в труппе театра Ж.-Б. Мольера. **20.** Порода лошадей. **23.** Фигура в шашечной игре. **27.** Драма А.В. Сухово-Кобылина. **28.** Слово, которого, по Пушкину, «по-русски нет». **30.** Инертный газ. **31.** Департамент во Франции – центр роялистских мятежей в период Великой французской революции. **32.** Балет А.-Ш. Адана. **33.** Фамилия трех сестер – английских романисток середины XIX в. **34.** Поэма С. Есенина. **35.** Часть старинного сельскохозяйственного орудия. **37.** Пряность. **38.** Курортный город в Словении. **39.** Религиозное многоголосное песнопение. **40.** Старинная испанская серебряная монета. **41.** Герцог, испанский полководец XVI в., подавлявший восстание в Нидерландах. **44.** Вид сливы. **47.** Героиня поэмы А.С. Пушкина. **49.** Дерево, пух которого при цветении досаждают горожанам. **50.** Автор книги «Реализм без берегов». **51.** Заглавный герой – легендарный разбойник-мститель в произведении В. Нарезного. **53.** Советский поэт – автор стихов ко многим песням. **54.** Героиня драмы А.Н. Островского «Светит, да не греет». **55.** Резиденция французских королей. **58.** Улица в Москве.

По вертикали. 1. Морской рак, который в Греции тоже есть. 2. Фамилия героини романа О. де Бальзака. 3. Болгарский народный танец. 5. Барские покои. 6. Мелкая рыбка семейства сельдевых. 7. Долина на востоке Ливана. 8. Опера-балет Н.А. Римского-Корсакова. 9. Персонаж повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница». 10. Необходимый предмет кухонной утвари. 14. Государство в Африке. 15. Еж с мягкими колючками. 19. Стихотворение Б. Пастернака. 20. Опера А.Н. Серова. 21. Чувство моральной ответственности за свое поведение. 22. Город в Ивановской области. 23. Правая рука. 24. Бесчисленное множество. 25. Одно из карликовых государств Европы. 26. Руководитель борьбы испанских колоний за независимость. 28. Будущий муж. 29. Приток Иртыша. 36. Хищная птица-падальщик. 37. Североамериканский олень. 42. Автор романа «Русский лес». 43. Древнейшая область Греции. 45. Автор книги «Кольцо царя Соломона». 46. Город в Новгородской области. 47. Рассказ И.С. Тургенева. 48. Библейская египетская рабыня – мать Измаила. 56. Русское соответствие имени *Георгий*. 57. Один из евангелистов.

ОМБЕМБ Кроссворд (№ 4)

По горизонтали. 7. Панаева. 9. Вольтер. 10. Палей. 12. Житница. 13. Затылок. 16. Левин. 17. Капри. 18. Мантуя. 20. Катаев. 24. Зимний. 25. Блантер. 26. Герань. 27. Кито. 29. Трио. 31. Чикаго. 33. Фарос. 35. Диабет. 37. Шило. 38. Чернь. 39. Трест. 40. «Мать». 44. «Отелло». 47. Шингу. 48. Фемида. 51. Цинк. 53. Воже. 54. «Алёнка». 55. Аксинья. 56. Ленора. 57. Телега. 60. Оливия. 63. Ролик. 66. Фотон. 67. Поганка. 68. Голиков. 69. Белка. 70. Ледокол. 71. Туриду.

По вертикали. 1. Панин. 2. Легион. 3. Сапажу. 4. Связка. 5. Улитка. 6. Песок. 8. Олег. 11. Бернини. 12. Жиронда. 14. Каверна. 15. Красное. 18. Майков. 19. Тубо. 21. Торт. 22. Выгода. 23. Инари. 28. Тегеран. 30. Рабство. 32. Клише. 33. Финиш. 34. Сарду. 36. Бетси. 41. Моцарт. 42. Инжир. 43. Офелия. 45. Телефон. 46. Линотип. 49. Манилов. 50. Дырокол. 52. Каре. 53. Вязь. 58. Лёнька. 59. Грабли. 61. Легато. 62. Валери. 64. Колея. 65. Мель. 66. Фондю.

Русский язык в школе и дома. 2018. № 5. 1–20

Редакция:

Т.А. Боброва, А.Е. Куманьева (главный редактор)

Компьютерная верстка – К.В. Морозов

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77–7793 от 16 апреля 2001 г.

Редакция журнала «Русский язык в школе и дома»

Адрес редакции: 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 17

Телефон/факс: 8(495)671–09–85. E-mail: admin@riash.ru

<http://www.riash.ru/>

© Журнал «Русский язык в школе и дома». 2018